

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

С. П. БАЛДАЕВ

БУРЯТСКИЕ СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

УЛАН-УДЭ * 1959

08 12

THE NATIONAL ARCHIVES
COLLECTIONS

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

С. П. БАЛДАЕВ

БУРЯТСКИЕ СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

БУРЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
У Л А Н - У Д Э * 1959

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. Предварительный сговор	29
II. Сватовство	33
III. Подготовка невесты к свадьбе	54
VI. Назначение дня свадьбы	64
V. Поездка жениха с родственниками к родителям невесты и уплата калыма	67
V. Девишник	79
VII. Разыскивание невесты и отправление свадебного поезда к жениху	99
VIII. Ожидание дня свадьбы в доме жениха	114
XI. Бракосочетание	121
X. Особенности свадебных обрядов у ламантов	162
Заключение	175
Указатель имен и фамилий лиц, у которых были записаны использованные в работе материалы по фольклору	177
Библиография	180

Сергей Петрович Балдаев

БУРЯТСКИЕ СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Редакторы *И. А. Манжигеев* и *А. И. Улахов* (отв. редактор).
Техн. редактор *С. Н. Барер*.
Корректор *Э. Ф. Чебунина*.

Сдано в набор 17/VI-1959 г. Подписано к печати 16/XI-1959 г.
Формат бумаги 60X92¹/₁₆ Печ. л. 11,25. Уч.-изд. л. 11,25.
Заказ 5276. Тираж 800. Н-01568. Цена б р. 60 к.

Типография Минкультуры Бур. АССР г. Улан-Удэ.

ВВЕДЕНИЕ

Ученые путешественники Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, дипломат И. Ф. Тимковский изучали быт, обряды и обычаи бурятского народа. Так, Е. Ф. Тимковский изучал свадебные обряды пограничных бурят¹. Г. Н. Потанин изучал историю, фольклор и этнографию бурят и оставил после себя огромное наследие, которое, как фактический материал, представляет большую научную ценность².

Наряду с вышеуказанными учеными быт и свадебные обряды бурят изучали местные ученые Г. Спасский, М. Н. Хангалов, И. М. Этагоров, Я. А. Чистохин, И. Гурьев, М. А. Кроль и др. Работы их опубликованы частично в местной периодической печати, частично в центральной, но теперь стали библиографической редкостью.

Вышеназванные ученые и собиратели материалов по свадебным обрядам бурят не ставили перед собою задачи охвата всех обрядов и обычаев, связанных со свадьбой; поэтому они ограничились лишь описанием основных моментов свадебного обряда. Они не затронули свадебные песни, плачи и причеты невесты, благопожелания, шутки, прибаутки, пословицы, поговорки и загадки, огранически связанные со свадебным ритуалом, а также наряды и одежду невесты.

В данной работе рассматриваются свадебные обряды как западных, так и восточных бурят с целью выявить по возможности первоначальную основу, охарактеризовать развитие свадебных обрядов и показать, как они изменялись в процессе исторического развития социальных отношений и хозяйственных форм бурят до Октябрьской революции.

Бурятский народ составлял основных четыре племени—хори, хонгодор, эхирит и булагат. Кроме того, в Прибай-

¹ См. Е. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай, т. III, СПб, 1824 г.

² См. Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV, СПб, 1883 г.

калье проживают монгольские и джунгарские роды, вышедшие в более позднее время из Халхи и Джунгарии. Этот пестрый состав нашел свое отражение в свадебных обрядах и обычаях, а также в языке и устном народном творчестве. Так, например, в свадебных обрядах племени эхирит имеются обряды «һаал хур гэхэ, туулага хадаха», «хашарагай үлдэлгээн»¹, тогда как эти обряды совершенно неизвестны бурятам племен булагат, хонгодор и хори. При свадебных обрядах племени эхирит употреблялся ритуальный ящик «хэһэнэг», у прочих племен нет и помина о нем. Свадебные песни аларских, нукутских, осинских, боханских и кудинских бурят разнообразны и богаты содержанием, тогда как свадебные песни качугских, ольхонских, байкало-кударинских, баргузинских и иволгинских бурят весьма ограничены по количеству и крайне однообразны. У всех западных бурят на девишнике пляшут и поют всевозможные плясовые песни, а у хоринских, агинских и селенгинских бурят нет плясок и плясовых песен.

Ламство оказало сильное влияние на свадебные обряды восточных бурят. Сватовство у восточных бурят совершалось по указаниям приходского ламы, а бракосочетание — в его присутствии. Ламы читали молитвы, совершали обряды и благословляли жениха и невесту, а свадебные обряды западных бурят совершались улусными стариками и старухами, без участия представителей религиозного культа.

Бурятские свадебные обряды представляют собою строгое, веками выработанное и организованное действие, которое построено на ряде последовательно связанных символических моментов, созданных многими поколениями с незапамятных времен. Исполнялось оно рядом ответственных лиц как со стороны жениха, так и со стороны невесты.

Свадебные обряды отражали все виды искусства и развлечения бурятского народа. Здесь можно видеть: национальную борьбу как молодежи, так и пожилых людей; состязания в стрельбе из лука в мишень; состязания рысаков, иноходцев и бегунцов; состязания знатоков старины в знании мифологии, генеалогии, легенд, преданий и сказаний племен, родов и улусов, шаманского пантеона; состязания песенников в исполнении исторических, бытовых, обрядовых, календарных песен, песен—загадок и отгадок; состязания импровизаторов.

В состязаниях наряду с мужчинами участвовали женщины и девушки. В каждом улусе были женщины-песенницы, «түхэшины»², сказители и импровизаторы, которые славились далеко за пределами своего рода и улуса.

Участники свадебного торжества при прежнем экзогамном браке естественно составляли две группы—гостей и местных. Они считались по отношению друг к другу хари (чужаки). Каждая группа дорожила престижем и авторитетом своего рода, его честью и сла-

¹ Перечисленные обряды будут рассмотрены ниже.

² Түхэшины—исполнители легенд и преданий.

вой, жила интересами своего рода и свои права и свою честь защищала и отстаивала всеми возможностями. Родовая идеология говорила: «Если победа, так со старшим братом; если смерть, так с родственниками» или «За общество—страдай, за народ—борись».

Одним из главных мотивов брака было сознание необходимости продолжения рода для того, чтобы он не оборвался и не угас, чтобы домашний очаг горел, пепелище предков не развеялось. Каждый бурят дорожил своим очагом и пепелищем предков. Счастливым считался тот, у которого много детей. Бурятская поговорка говорит: «Человек с детьми подобен свече, человек без детей подобен подошве». В сказке «Умная девушка» сестра говорит брату: «Найди себе жену, породи потомство, чтобы очаг твой не погас и пепелище предков не развеялось». В героическом улигере «Хара шулуун баатар» сестра посылает брата искать свою суженую и говорит:

Гаралсаһан ахамни,
Нэмгэнэһээ суураһан,
Нэгэнэһээ гараһан.
Ганса сусал гал болохобэйма,
Ганса хүүн хүүн болохобэйма,
Хүйтэ сүйтэ хүүгэй оложо,
Хоёр тологойео холбожо,
Үэдээ үелэгтуун,
Наһандаа наадагтуун.

В переводе

Брат, мой родной,
Вылупившийся из тонкой пленки,
Родившийся от одной матери!
Одна головешка не разгорается в костер,
Один человек не создает семью;
Найди свою суженую,
Соедините свои головы;
В своем поколении наслаждайтесь,
В своем веку играйте...

Каждый бурят, достигнув 20-летнего возраста, старался жениться и завести собственную юрту.

По представлению бурят нормальным является лишь жизнь в семье. Появление в семье детей радует не только супругов, но и всех их родственников. Буряты любят детей, даже имея своих детей, берут на воспитание чужих, ухаживают за ними, балуют их и весь свой досуг отдают им. Дети связывали брачные узы, при наличии детей у бурят редко бывали разводы, разводились только бездетные супруги.

Раньше семья, состоящая из одних женщин, принимала обычно какого-нибудь бедного парня в приемные зятя. Особенно тяжела была жизнь одиноких старух, при бедности они переходили на иж-

дивение родственников, которые помогали им, снабжали продуктами и после смерти хоронили их сообща.

Возникновение свадебных обрядов, судя по сохранившимся пережиткам элементов группового брака, институтов авункулата, левирита, сорората, полигамии и умыкания невесты, а также по терминам родства, восходит к матрилокальному роду.

Каждый бурятский род распадается на отдельные «уруки»¹, которые являются кровными родственниками на 7—8 поколений. Члены уруков имели общую усадьбу, огороженную изгородью — «тухэрөөн хурээ», общее место на тайлганах (общественных жертвоприношениях), составляли одну компанию на праздниках и торжествах, совместно принимали гостей при свадьбах. В некоторых уруках дети называли всех мужчин возраста своего отца «баабай» (отец), причем, для отличия их друг от друга и от своего отца прибавляли к этому слову «баабай» отличительные физические черты каждого, например, Хара баабай (черный отец), Шара баабай (русый отец), Ута баабай (высокий отец) и т. д. Всех женщин возраста своих матерей они называли «иибии» (мать), но опять-таки прибавляя к слову «иибии» отличительные черты, например, Тарган иибии (Жирная мама), Будүүн иибии (Толстая мама), Найхан иибии (Красивая мама) и т. д. Энгельс пишет: «Дети сестер моей матери по-прежнему являются ее детьми, равно как дети братьев моего отца признаются также его детьми,* и все они братья и сестры»².

До половины XIX века брак у бурят был строго экзогамный. Молодые люди не могли жениться на девушках своего рода. Они должны были находить себе жен вне своего рода, на чужбине. Так например, буряты Готолова рода брали жен себе из Ирхидеева, Шаралдаева и Енгутского родов. Также выдавали своих дочерей в те же роды. Так, в Хохорском улусе III Готолова рода путем опроса в 1917 г. нами зарегистрировано 145 брачных пар: из них жен, взятых из Ирхидеева рода, было 60, из Шаралдаева—40, из Енгутского—25, из прочих родов—только 20. Из 125 девушек, выданных замуж из того же улуса в чужой род, на Ирхидеев род приходилось 40, на Шаралдаев—30, на Енгутский—20, на прочие роды—35. Людей же, женатых на девушках из своего Готолова рода, не было ни одного до 1870 г.

Экзогамный брак бурят был нарушен с 1870 г. Дело в том, что с 60-х гг. XIX в. при степных думах и родовых управлениях стали открываться стационарные миссионерские станы. До этого времени миссионеры имели пребывание в городах и монастырях, выезжали в бурятские улусы, проповедывали «слово божье во языцех монгольских» и приобретали «стадо христово». Приобщение бурят к «стаду христову» совершалось при содействии генерал-губернаторов Восточной Сибири и активном участии «инородческих влас-

¹ Урук или урак—родство по женской линии.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва, 1933, стр. 61.

гей», т. е. тайшей и родовых старост степных дум. Тайши и родовые старосты проводили руссификаторскую политику царизма и за это получали чины, ордена и «монаршие милости». Так, тайша Идинской степной думы И. И. Пирожков построил в 1867 году в улусе Бохане миссионерскую церковь, окрестил «верой и правдой» 3000 душ бурят и за это получил звание «потомственного дворянина» и орден «равноапостольного Владимира»¹. Союз представителей родовых властей с миссионерами был построен на жесткой эксплуатации и угнетении трудящихся бурят, за счет последних наживались и родовые старшины и миссионеры. Они творили всякие безобразия. Политические ссыльные и прогрессивные русские люди, работающие среди бурят в качестве письмоводителей и учителей, освещали произвол миссионеров и родовых властей в местной прогрессивной печати. Одному сластолюбивому старому кулаку понравилась девочка-подросток. Он при помощи родового старосты и миссионера насильно обвенчался и стал жить с ней как муж с женой². Произвол кулаков и миссионеров над бурятками, выданными замуж и обвенчанными насильно, кончался иногда трагедией. Одна девушка насильно была обвенчана со старым кулаком, и в первую же ночь она зарезала своего ненавистного мужа. Ее посадили в Балаганскую тюрьму вместе с уголовными преступниками. Ей ничего не оставалось, как кончить жизнь самоубийством. Она распоролa свой живот и умерла в страшных мучениях³. Одна девушка из Матаганского улуса, I Ирхидеева рода была выдана замуж за бурята Хохорского улуса, III Гоголова рода, с которым родовой староста был в родстве, и потому насильно обвенчал эту девушку в миссионерском стане с нелюбимым человеком. Она убежала от нелюбимого мужа и скрывалась у родственников. Благодаря вмешательству политического ссыльного Барковского это дело было передано мировому судье Балаганского уезда. Последний приговорил родового старосту к 2 годам арестанской роты при Балаганской уездной тюрьме.

Некоторые бурятские кулаки организовывали торговлю бежавшими от мужей женщинами. Голова Верхнекудинской инородной управы, кулак Н. Хонгоров, занялся буквально торговлей девушками. Он завел в разных районах Иркутской губернии агентуру. Агентов он снабжал заранее ссудой. Они заводили хороших лошадей и разъезжали по улусам в качестве якобы скупщиков рогатого скота. Осведомители снабжали агентов точными сведениями о девушках улуса. Они нападали на девушек, поздно возвращавшихся с работы или с посиделок, и увозили их в Дундайский улус, II Шаралдаева рода В. Дабакшанову, который отправлял их на верховых лошадях через Березовый хребет в Адыкский улус, Бурова рода, Н. Хонгорову. Последний продавал полоненных девушек в качестве вторых жен местным кулакам. Для девушек была

¹ См. Иркутские епарх. вед. № 9, стр. 220, 1895 г., Иркутск.

² См. Газету «Восточное обозрение», № 15, стр. 11, 1893 г., Иркутск.

³ См. Сибирская газета, № 3, 1883 г., Иркутск.

установлена градация в ценах. Так, красивая девушка продавалась за 1000 рублей, средняя—за 500—600, девушка с физическими недостатками—за 300—400. Таким образом Хонгоров продал около 30 девушек. В 1899 г. агенты Хонгорова К. Доржеев и А. Мадасов доставили из своего Матаганского улуса двух девушек своему патрону. Хонгоров продал их в Байтоковский и Булюйский улусы своим родственникам. Девушки свое спасение видели только в обмане своих мужей, поэтому они всячески угождали мужьям и через год вошли к ним в полное доверие. Весной 1900 г. по обычаю буряты шести Буровых родов устроили свой традиционный национальный праздник «Сурхарбан». Мужья со своими старшими женами уехали на праздник, домовничать оставили молодых жен со своими батраками. Молодые женщины напояли всех батраков пьяными, сами, сев на лучших лошадей, вернулись в отчий дом. Только благодаря вмешательству в их дело письмоводителя Бильчирской инородной управы М. М. Архангельского (политического ссыльного), похитители девушек Доржеев и Мадасов были преданы суду. Мировой судья разобрал дело и осудил каждого к 3 годам арестанской роты. Народ откликнулся на этот факт песней:

От быстроты бега серка
Крашенная тележка находится в кузнице.
От строгости (решения) мирового Балаганска
Костя Доржеев в тюрьме¹..

Эндогамный брак, введенный миссионерами среди бурят, принимал иногда уродливую форму. Молодые люди стали вступать в брак с ближайшими родственниками по мужской линии. Так например, в Хохорском улусе, III Готолова рода, Б. Б-ков женился на своей троюродной сестре Марии Б-евой. Такой брак граничил с кровосмешением, о чем писал сибирский историк А. П. Щапов².

Из материалов, собранных нами у бурят трех Готоловых родов, видно, что в старину преобладал односторонний кузенный брак, т. е. сын брата должен был жениться на дочери родной сестры своего отца, и наоборот. Кузенные браки между Готоловым и Ингутовым родами нами прослежены с самого основания Хохорского улуса. Причем выяснилась такая картина: сын основателя Хохорского улуса Хайдар был женат на своей кузине, в обмен которой была отдана сестра Хайдара Халюха. Сын Хайдара Тубя тоже был женат на кузине, в обмен ее была отдана сестра его Туулайхан. Сыновья Тубя Архинчей и Ажа были также женаты на своих кузинах — сестрах, на Уланае и Хайдашке, в обмен которых были отданы сестры их Дулаан и Бэлээн. Сын Ажа Байрон был также женат на своей кузине, в обмен которой была отдана его сестра Байрхан. Сын же Байрона Сухан был также

¹ Здесь и в дальнейшем подстрочный перевод автора.

² См. А. П. Щапов. Сочинения, т. 2, стр. 38—39, 1906 г., СПб.

женат на своей кузине Унхэр, в обмен которой была отдана сестра Тулархан. Сын Сухана Александр был женат на своей кузине Софии, в обмен должна быть отдана сестра Александра Оленька, но она умерла, и за Софию был уплачен калым.

Кузенный брак был связан теснейшим образом с материнским родом и является известной стадией в развитии брачных отношений у бурят. При нем отношения свойства между людьми полностью покрываются отношениями родства и даже не существует особых терминов для обозначения свойственников. Здесь отношения между племянником и его дядей с материнской стороны сводятся к отношениям между зятем и тестем.

Дядя с материнской стороны у бурят носит особое название, отличное от названия для дяди с отцовской стороны, а именно «нагаса».

Термин этот у бурят имеет широкое значение: с одной стороны, этим термином человек обозначает не только брата своей матери, но и сына брата своей матери, дядьев, их сыновей и внуков. С другой стороны, этот термин является составной частью названий для обозначения ряда своих родственников со стороны матери. Так, деда, отца и их братьев называют «нагаса баабай», бабушку и мать своей матери называют «холохи (хольхи) иибий» (дальние матери), сестру матери—«нагаса изы», кузину—«нагаса ахай» и т. д.

Каждый мужчина родственников со стороны своей жены по матери называет «тай хадамууд»: дедушку своей жены по матери, его братьев и их детей он называет «тай хадамууд», бабушку своей жены по матери, ее ближайших родственниц, а также жен братьев матери он называет «тай хадам изынууд».

Слово «тай» в своем современном значении употребляется, как повелительная форма от глагола «тайха» — соверши жертвоприношение, угости кого-нибудь. Видимо, слово «тай» есть пережиток матриархата, оно обозначало родовое божество; а позднее при отцовском роде стало обозначать всю родню по линии жены. Термин же «нагаса» возник при патернитете и совершенно отсутствовал при матернитете. Это обстоятельство дает право думать, что термином «тай» первоначально обозначались все родственники по линии матери, но впоследствии им стали обозначать по преимуществу деда и брата матери жены.

Необходимо отметить, что тункинские буряты дедов и братьев своей жены по материнской линии называют «Тайбай». Слово это сокращенное, в полном несокращенном виде—«тай баабай». Нет сомнения в том, что эти термины представляют собою пережитки материнского рода.

Для обозначения дяди с отцовской стороны существует термин «абага», который различается в зависимости от возраста того или иного дяди. Например, «ехэ абага» (старший дядя), «дунда абага» (средний дядя), «бага абага» (младший дядя). Интересно отметить, что аналогичное явление мы находим у алтайских

тюрков¹. У бурят отношения между племянником и дядей с материнской стороны прежде были очень тесными, отличались особой прочностью и интимностью и совершенно не зависели от возраста дяди. Если дядя был еще ребенком, а его племянник был старше его, то последний должен был согласно этикета относиться к своему малолетнему дяде почтительно, как к старшему. Это отразилось в пословицах. Так, у бурят существует пословица: «Зээ хүн ноён, нагаса хүн нохой» — «Племянник — начальник, дядя по матери — собака».

Ругаться и ссориться с «зээ»² считалось делом нехорошим, противоразственным и всячески порицалось по обычаю. Нельзя было пересекать ему дорогу, пускаться с ним в нарекания, все должно было к нему относиться всегда почтительно и с подчеркнутым уважением.

Детей «зээ хүбүүн» называли «зээнсэр». Отношение к «зээ» переносилось и на его детей. У бурят существует поговорка: «Эрхэ зээнсэр эмээлэй бүүргэ эрэбэ» (избалованный сын — «зээ хүбүүн» — просит луку от седла).

Брат матери должен был своему племяннику дать верхового коня с хорошим седлом и потником, на свадьбу его дядя должен был привести откормленного коня или быка для угощения гостей, а также поднести невесте приличный подарок.

Право племянника на получение подарка от своего дяди по матери есть право, восходящее своими корнями к тому времени, когда женщины с их детьми и братьями входили в состав одной первобытной общины. И это нашло свое отражение в пословицах бурят: «Нагасада наян зээ» (у дяди по матери — восемьдесят племянников) или «Нагасата газарта найртай, зээтэ газарта зэмэхэтэй» (где дядя по матери, там пиршество, где племянники, — там угощение).

Поездка замужней женщины к своим родственникам с детьми с целью получения подарков у бурят известна под названием «түрхэлэхэ» или «түрхэмүшэлэхэ». Термины эти означают у западных бурят: 1. Поездку племянника к дяде. 2. Поездку выданной замуж дочери к своим родителям и родственникам. 3. Поездку выданной замуж дочери к родственникам своей матери. Интересно отметить то, что и у тюркских народов поездка выданной замуж дочери к своим родственникам по матери также носит название түрхэлэхэ³.

Академик Б. Я. Владимирцов, исследуя родственные отношения монголов, писал: «Родственники по матери или родственники жены, — это ведь было одно и то же. — обозначались термином «tirgiid», множественное число «tiriln», а в бурятском произ-

¹ См. Н. Дыренкова, Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. Советская этнография № 4, стр. 20, 137 г. Ленинград

² Зээ — дети родных и коллатеральных сестер.

³ См. В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. III, стр. 1256, 1900 г.

ношении эти термины представляются в таком виде: «түрхэлэл» или «түрхэм», множественное число «түрхэлнүүд» или «түрхэмүүд»¹.

Из слов акад. Владимирцова видно, что первоначально этот термин означал только поездку замужних женщин к родственникам своей матери и в первую очередь к брату матери. А так как в прежнее время у бурят был односторонний кузенный брак, т. е. человек должен был жениться обязательно на дочери брата своей матери, то поездка сыновей всякой женщины к брату матери в то же время означала и поездку в дом своей жены. Впоследствии, когда кузенный брак перестал быть обязательной формой брака, этим термином все еще продолжали обозначать поездку к отцу жены или к родственникам ее.

У бурят дядя по матери должен был принимать самое горячее участие в воспитании племянников, а также при женитьбе их. У нельхайских бурят, ныне Аларского аймака Иркутской области, существовал обычай, по которому дядя по матери новорожденному первенцу должен был доставлять колыбель. Так, бурят Кундулунского улуса, Зунгиева рода В. Г. Трубачев в 1908 году доставил колыбель для первенца своей сестры, выданной замуж в Шаратский улус того же рода.

Во время переговоров о калыме при сватовстве родители невесты были пассивны, самое деятельное участие принимали братья и родственники невесты. Деньги, привезенные сватом для уплаты калыма, брали братья или родственники невесты, а потом передавали родителям. В некоторых родах при сватовстве обязательное участие принимал дядя невесты по матери. Он принимал калым и передавал его родителям невесты.

На свадьбе племянника дядя по матери занимал свое почетное место, наряду с обоими сватами и сватьями. Он получал голову барана и прочее именное мясо, ему также подносили первую почетную круговую чашку с молочной водкой или русской водкой.

Исследуя родовой строй древних германцев, Ф. Энгельс писал: «Решающее значение имеет одно место у Тацита, где говорится, что брат матери смотрит на своего племянника как на сына: некоторые даже считают кровные узы, связывающие дядю с материнской стороны и племянника, более священными и тесными, чем связи между отцом и сыном, так что при требовании заложников сын сестры признается большей гарантией, чем собственный сын того, кого хотят связать поручительством. Здесь мы имеем живой пережиток организованного на основе материнского права: следовательно первоначального рода, и притом как нечто специально отличающее германцев...Если бы мы не обнаружили других следов родового устройства у германцев, было бы достаточно одного этого места»².

¹ Академик Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 48, 1934 г. Л.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 164, 1933 г. Москва.

Институт авункулат основан, как мы видели из приведенных данных выше, на тесной связи между дядей со стороны матери и племянником — «нагаса» или «тай» и «зээ» хубуном. Как институт, он находит свое правильное объяснение только в материнском роде и в организации данного общества на началах материнства. Самым характерным признаком материнского строя является матрилокальность рода, т. е. проводы жениха в род жены и постоянное жительство там.

Пережитки этого института мы находим в жизни бурятского народа. Буряты зятя называют «хүргэи»¹ (буквально быть провожаемым куда-то, быть сопутствующим кем-то. От этого слова производный глагол «хүргэхэ»² (провождать, сопутствовать), также «хүргүүлэхэ»³ (быть препровождаемым, быть сопутствующим). Не остается сомнения в том, что в материнском роде жениха родственники провожали в род невесты и он оставался там, иначе не мог возникнуть такой термин.

Кроме того буряты мужей своих родственников по мужской линии называют «хуряаха»⁴ (буквально собирать, копить, наживать). Так, буряты мужей своих сестер как старших, так и младших называют «хуряаха», мужа своей тетки по отцу «абага хуряаха», мужа родной сестры по матери «нагаса хуряаха», мужа дочери тетки по матери — «бүлэ хуряаха» и т. д. Этот же термин употребляется по отношению к табунам. Если производитель собирает разошедшийся по степи табун в одно место, то буряты говорят: «азарга адуугаа хуряагаа» (жеребец собирает табун в кучу). Видимо, этот термин возник в те отдаленные времена, когда люди жили групповым браком и каждый мужчина имел супружеские права на всех женщин своего возраста.

В героических эпопеях западных бурят про поездку героев искать свою суженую, в одних сказано «хүргэлжэ ошобо»⁵, в других «хүргэшэлжэ ошобо»⁶ (поехал сватать или свататься). Про течку хищников буряты говорят: «хүргэшэлээ», т. е. около самки собралось много самцов. Это слово опять-таки относит нас к эпохе группового брака. Энгельс пишет: «когда молодой человек с помощью своих друзей похитил или увел девушку, они все поочереды вступают с нею в половое общение»⁷...

Для свершения обряда «наал хүргэхэ» жених приезжал к невесте с отцом и родственниками, пригонял условленное при сватовстве количество скота в уплату калыма, привозил вино, мясо и разные подарки для невесты и ее родственников.

¹ См. К. Ф. Голстунский. Монгольско-русский словарь, т. III, стр. 487.

² Там же, стр. 487.

³ Там же, стр. 487.

⁴ См. О. Ковалевский. Монгольско-русско-французский словарь, т. II, стр. 452, Казань 1846 г.

⁵ Ульгэр Качугских бурят «Тоодой баян хаан», 1935 г. Запись автора.

⁶ Ульгэр аларских бурят «Эмнэг мэргэн», 1941 г.

⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 54, 1948 г, Москва.

В этот день в дом родителей невесты собирались все родственники и родственницы. Женщины убирали юрту, мыли пол, готовили угощение для ожидаемых гостей, мужчины приводили в порядок двор, мели, вывозили сор. Пожилых гостей принимали в юрте отца невесты, а молодежь принимали в другом помещении.

В ожидании гостей все одевались в самую лучшую одежду, особенно молодухи и девушки. Они щеголяли в нарядах самых разнообразных цветов, на шею одевали украшения из золотых монет и маржанов.

Когда же гости въезжали в настезь открытые по обычаю ворота, то все выбегали из юрт и домов и встречали гостей. Причем стариков и пожилых встречали старые, а молодых гостей — молодежь. Принимали лошадей, справлялись о здоровье гостей. Старых и пожилых гостей заводили в юрту родителей невесты, сажали за столы и угощали.

Молодежь же оставляли во дворе. Она располагалась на подамбарье или на дровах. Местные и гости справлялись друг у друга о здоровье, беседовали на разнообразные темы.

Из юрты выходили девушки и молодухи, требовали выкуп за невесту. Жених обычно откупался от них водкой. После троекратного откупа жениха со сверстниками пригласили в юрту. Здесь гостей угощали. Затем жених должен был угощать всех родственников невесты от себя.

Привезенное женихом мясо варили в большом котле, привезенную водку подавали на стол.

Когда мясо сварится, то жених должен был принести жертву домашнему очагу родителей невесты. Для этого он отрезал небольшие кусочки от отдельных видов мяса и три раза бросал в очаг. Потом жених садился у очага со своей водкой, а один старик совершал брызганье водкой родовым и улусным божествам невесты. По окончании брызганья начиналось угощение родственников ее. Во время угощения жених раздавал свои подарки невесте, ее родителям и родственникам.

Принося в жертву мясо, жених «приобщался» к домашнему очагу родителей невесты, а через это к родовому огнищу; совершая своей водкой брызганье родовым и улусным божествам невесты, вымаливал покровительство их. Давая водку девушкам и молодым, поднося подарки родителям невесты и ее родственникам, жених откупался за нанесенный ущерб роду и располагал их в свою сторону. Такие обычаи могли возникнуть только при матрилокальном роде, когда жениха родственники провожали в род невесты.

В тот же день, вечером, в доме невесты собирались все родственники и совершали обряд «сага алган» (освятиться, побелиться). Для совершения обряда гости и местные усаживались за столами, с обеих сторон выделяли двух стариков, которым давали в руки чашки с водкой и молоком. Они обходили всех кругом, совершали возлияние местным божествам, а потом брыз-

гали водкой и молоком в дымовое отверстие. После совершения обряда чашки с водкой и молоком ходили по кругу и каждый присутствующий должен был пригубить их.

Возникновение обряда «сагаалган» безусловно, относится к матрилокальному роду. В ту отдаленную от нас эпоху род невесты, видимо, устраивал жениху коллективное угощение молочной пищей. Пережитки этого обычая остались в свадебных обрядах и быту бурят Иркутской области. Буряты Иркутской области каждому заезжему гостю подают в чашке молоко. Гость должен пригубить и подать обратно хозяйке. И этот обычай носит название «сагаалаха».

На другой день совершается обряд «Хашарагай үлдэлгээн» (ловля телки). Обе стороны выделяли нечетное число молодых парней и в это число обязательно входил жених. Выпускали одну телку во двор, которую молодежь гоняла и отбивала друг у друга. Наконец, одна сторона отбивала телку, тогда закалывали ее на мясо, затем варили и все присутствующие кушали. По нашему мнению, этот обряд опять-таки мог возникнуть при матернитете. У бурят существует поговорка: «Хүргэн хүбүүнэй хүшэ туршаха» (пробовать силу зятя), или «Хургэн хүбүүн хүшэтэй» (зять силен). Видимо, при матрилокальном роде пробовали силу и ловкость прибывшего жениха, заставляли его бороться с борцами, стрелять из лука в загнанного в круг охотников зверя. И теперь в некоторых местах сохранился этот обычай — пробовать силу зятя.

Здесь нужно отметить и тот факт, что зятя заставляли при матернитете работать наравне с пленными. Об этом свидетельствует поговорка: «хүлэншэ хүргэн хоёрой байра нэгэ» (стоянка, положение батрака с зятем одинаковы).

Через два дня после приезда гостей совершали обряд «үүхэ эдилгэн» (кушание сала). Для совершения этого обряда в больших котлах варили саломат¹ и сало. Собравшиеся образовывали три возрастных группы: 1. жених с молодыми людьми, 2. невеста с подружками, 3. прочие. Саломат и сало приносил в жертву домашнему очагу родителей невесты отец жениха, который просил духов-покровителей рода благословить молодых на брак. Во время угощения саломатом и салом невеста через своих подруг вручала свои подарки жениху и его родственникам.

В шаманских обрядах западных бурят «сагаалган» имеет значение освятиться, очиститься. Вероятно, в древнем матрилокальном роде этот обряд был связан с очистительными мерами жениха при приеме его в род невесты, а в последнее время сохранился как пережиток далекого прошлого.

За этим обрядом совершался обряд «туулга хадалган» — пришивание свинца (олова). Отец невесты к приезду жениха готовил небольшой кусок свинца, во время совершения обряда же-

---

¹ Саломат—блюдо, изготовленное из муки и сметаны.

ниха садили на почетное место юрты, между двумя сватами, девушки и молодухи пришивали его на правое плечо жениха. При этом все присутствовавшие пели «Туулгын дуун» (песня пришивания свинца). В песнях говорится, что свинец имел десять значков. Знаки эти, видимо, в древности означали «тамгу» (печать) матриликального рода, которая накладывалась на всех членов. Жених через «тамгу» приобщался к роду своей невесты. Пережитки пришивания пуговицы у некоторых западных бурят сохранились в виде пришивания монет на правом плече рубашки, даруемой тетками или бабушками своим внучатам.

В скотоводческих, кочевых аймаках бурят, как например, в Агинском, Могойгуевском и Дульдургинском, Читинской области, вплоть до Октябрьской революции каждый человек, выдавая дочь замуж, готовил в числе приданого новую войлочную юрту, со всеми необходимыми хозяйственными принадлежностями. Буряты при сватании жены для своего сына говорили: «Табихаар гэр, тойрохоор зэбсэг» (чтобы поставить—была бы юрта, чтобы окружать — была бы обстановка).

Обычай давать войлочную юрту в качестве приданого дочери, конечно, своими корнями уходит в материнский род. В материнском роде каждый человек должен был поставить юрту своей дочери, и жених вселялся вместе с женой и жил в роде ее. Этот обычай, как пережиток далекого прошлого, сохранился до наших дней.

Пережитки свадебной войлочной юрты у западных бурят сохранились только в виде занавески, привозимой невестой из дома и затягиваемой для отгораживания угла невесты и ее подружек.

Некоторые свадебные обряды, существовавшие до революции у бурят, являются порождением более позднего патриархального рода. Материнский род был заменен отцовским родом. Этот институт внес изменения в свадебные обряды бурят. Жених стал приводить в свой род свою жену. Она должна была при совершении свадебных обрядов кланяться домашнему очагу родителей жениха, приносить жертву в виде масла и сала, чтобы приобщиться к роду мужа. Из старинных обрядов свадебного ритуала при патриархальном роде сохранился обряд расплетения девичьей косы и замены ее косой замужней женщины. Прочие же обряды, связанные с браком, по-старому совершались в доме родителей невесты, а не жениха.

У бурят дореволюции существовал обычай, согласно которому невеста после свадьбы уезжала с поезжанами к родителям и там проводила до двух-трех лет, изредка наезжая к мужу. Муж тоже навещал ее и проводил с ней время. Нередко бывали случаи, когда молодая становилась беременной и убегала от мужа к своему возлюбленному. Возлюбленный возвращал калым и свадебные расходы, тем кончалось дело. Этот обычай тоже является отголоском далекого материнского рода.

После того, как невеста навсегда поселялась в доме жениха, молодая чета у бурят часто навещала родителей и родственников невесты. Каждая поездка молодых к родне сопровождалась различными подарками в виде скота, одежды и денег. И эта черта бурят нашла свое отражение в поговорке: «Ураг хүн үргэжэ ядах» (Родня по жене старается поднять хозяйство своего зятя).

Также при рождении первенца «ууган» молодые супруги готовили по своему состоянию подарки, состоящие из рубашек, штанов, платьев, унтов, кисетов и шалей, вместе с родственниками мужа ездили в гости к родителям молодой и родственникам. Там они в день приезда раздавали подарки и угощали водкой родственников и родственниц невесты. В ответ им родители невесты и ее родственники дарили первенцу лошадей, короз, телок, овец, коз и деньги. Если же у невесты было много братьев и родственников, то приводили домой молодые супруги целый двор скота. Такая поездка молодых супругов называлась «түрэлжэ ошохо» или «түрхэмэлжэ ошохо». (Поездка к родне жены).

У многих народов Сибири, в том числе у бурят, в прошлом добрая связь молодых людей была свободной. Но они не любили непристойные рассказы и сказки, неприличные телодвижения и жесты. У бурят встречаются неблагозвучные имена, например, Жеребец, Бык, Козел, Баран и т. д. Это имело место в тех семьях, где не выживали старшие дети.

Добрачная половая связь восходит своими корнями к материнскому роду, где счет родства и происхождение велся исключительно по материнской линии. Незнание отца в те далекие времена не оказывала влияния на имущество, правовое и общественное положение детей. Ребенок принадлежал роду своей матери. Каждый человек являлся полноправным членом общества, независимо от того, кто был его отец и мать, от какой половой связи он появился на свет. Права материнского рода и существующие в обществе обычаи этих вопросов не касались.

У западных бурят существовал обычай, по которому девушка, достигнувшая брачного возраста, должна была устраивать праздник молодости «Зэмээн»¹. После своего праздника молодости она должна была возлюбленному поднести рубашку или вышитый кисет.

У многих народов существует требование добрачного целомудрия и брачной исключительности половой связи, но это всецело является нововведением отцовского рода. Оно продиктовано чисто экономическими соображениями и в первую очередь отношениями частной собственности.

Бурят-этнограф И. М. Этагоров пишет: «В семье муж является полным властелином, требует от жены лишь полной покорности и труда... Весь дом находится на руках женщины»².

¹ См. А. А. У б у г у н о в, «Зэмээн», Жизнь Бурятии, стр. 29, 1932 г. Верхнеудинск.

² См. И. М. Э т а г о р о в. Ирк. епарх. вед. № 7., 1899 г., стр. 19.

Подчиненное положение женщины в семье и обществе низводило ее до ступени рабыни, ее могли избивать, проиграть в карты¹ и продать². Нередко взрослую девушку отдавали замуж за мальчика 9—10 лет.

Рассматривая систему родства у бурят, мы находим в той или иной степени классификаторские черты³, которые подтверждают существование в далеком прошлом института группового брака у бурят. У всех народов монгольских племен, в том числе и у бурят, человек обозначает одним термином «аха» всех своих старших братьев, родных и коллатеральных, точно также он обозначает общим термином «дуу» своих младших братьев, родных и коллатеральных. Различные термины возникло неспроста. Оно было в далеком прошлом связано с брачно-половыми нормами и запретами. Старшие «аха» составляли одну брачную группу, младшие «дуу»—другую брачную группу. Половые связи между членами одной группы с другой были воспрещены обычаем.

Буряты обозначают одним общим термином всех младших сестер родных и коллатеральных своей жены «хур дуу», а старших сестер родных и коллатеральных своей жены «хадам эгэши». Эти термины опять-таки являются далекими отголосками группового брака.

Бурятские женщины называли одним термином «аха» всех старших братьев родных и коллатеральных своего мужа, а также братьев отца и мужа и с ними не имели право вступать в брачную связь после смерти мужа. Младших братьев мужа родных и коллатеральных женщины называли общим термином «дүү» и с ними могли вступать в брачную связь в случае смерти мужа.

У бурят институт левирата существовал вплоть до революции. Левират восходит к групповому браку. У бурят, как у многих народов Сибири, вдова старшего брата, как правило, переходила к младшему брату мужа, родному или коллатеральному. Несмотря на то, что левират утерял свой обязательный характер, бывали случаи, когда подростков принуждали жениться на вдовах старших братьев, иногда значительно старших их по возрасту. Так, например, в Харатиргенском улусе, III Готолова рода, А. Н. Ажиндуев был женат на Андреевой Д. Он умер на пятом году супружеской жизни, оставив вдову с двумя сыновьями. Родители и родственники заставили жениться на его вдове брата-подростка Виктора Или другой случай. В Хохорском улусе, III Готолова рода, Байнов был женат на Дабаевой. Через три года супружества он умер, оставив бездетную вдову. На ней женился сродный брат Байнова П. Байнов. Через некоторое время умер родной брат П. Байнова, оставив вдову с сыном. П. Байнов женился и на жене своего умершего брата.

¹ См. газету «Сибирь», 1883 г., Иркутск.

² См. Там же № 29, 1876 г., Иркутск.

³ И. Н. Винников. См. Программа для сбора материалов по системам родства и свойства, М.—Л, стр. 6, 1956 г.

У бурят, как у многих народов Сибири, существовал институт сорората, который опять-таки своими корнями уходит в групповой брак. Институт сорората давно пережил свой обязательный характер, но однако до революции в некоторых местах сохранились пережитки. Так, например, в Ижелхенском улусе Гоголова рода Иван Ш-лов был женат на Б. Б-новой. Она умерла через год после замужества, муж ее женился на ее сестре, Марии. При чем здесь нужно указать на то, что за младшую сестру, взятую в жены взамен старшей сестры, калым не платили.

Среди бурят до сего времени в некоторых местах существуют запреты общения между женщинами известной категории и мужчинами. Этот обычай называется у бурят «хорюур» или «сээр-хэлгэ» (запреты). Особенно строги запреты между женами братьев и старшими братьями мужа как родными, так и коллатеральными. Им не разрешалось оставаться наедине в одном помещении, брать друг друга за руки, передавать что-нибудь из рук в руки, кушать из одной чашки, садиться рядом, шутить и допускать какие-либо вольности, вешать одежду на одной вешалке. Старшие братья мужа не могли входить в ту половину юрты, где спят младшие братья с женами, дотрагиваться до постели и одежды, сидеть без рубашки, босыми, брать в руки вещи жен младших братьев.

Жены младших братьев не имели права называть по имени старших братьев мужа как родных, так и коллатеральных, отца мужа и вообще мужчин старше своего мужа до 4—5 поколения. Женщины обычно старших братьев мужа зовут «аха», но для отличия их друг от друга к именам их прибавляют отличительные черты каждого. Например, высокий старший брат, хромой старший брат, старший брат начальник¹. Или же называли их по цвету волос. Например, русый брат, черный брат, седой брат. Коллатеральных братьев они звали, называя имена сына или дочери, прибавляя к ним слово отец. Например, отец Бардама, отец Сээка. Также жены младших братьев не должны были говорить тех слов, которые обозначают имена старших мужчин. У бурят имена бывают самые разнообразные, особенно у западных.. Например, Шоно (волк), Хуса (баран), Азарга (жеребец), Харгана (кустарник), Унан (вода), Модон (дерево).

По поводу табу, запретов произносить имена старших братьев мужа у бурят, возникли анекдоты, из которых мы приводим один, записанный нами у баргузинских бурят². «У одного бурята была невестка. У мужа ее было четыре старших брата, которых она должна была по обычаю стесняться, избегать встречи с ними и не называть по имени. Старших братьев мужа звали Шоно (волк), Модон (дерево), Унан (вода), Үхэр (бык).

¹ Начальниками буряты называли всяких людей, занимающих общественные должности.

² Записано у гр. Ч. Ц. Цеденжаповой, улус Олон, Баргузинского аймака. 1930 г.

Однажды она пошла по воду на реку. Набрав воды в ведра, она направилась домой, но вдруг за рекой раздалось мычание. Она взглянула туда и увидела волка, который давил быка родителей ее мужа. Она бросила ведра и побежала домой и сказала: «На берегу текучей, под растущим, мычащего давит воющий». Братья мужа поняли ее, пошли и убили волка.

На эту тему имеется широко распространенная загадка: «На берегу текучей, под растущим, воющий давит мычащего — что это?»

Среди бурят есть роды, которые носят имена прародительниц. Например, Абазаев род, Баендаевского аймака, Иркутской области. Есть и улусы, носящие имена пробабушек, например, Оловский и Отонхоевский улусы, Бубаева рода, Хатарский улус, Курумчинского рода, Эхирит-Булагатского аймака, Иркутской области. Это является пережитками материнского рода, когда счет родства и происхождения велся по линии матери.

Буряты употребляют термин «гарбали» или «гаралсаһан», которым обозначают братьев, сестер родных и коллатеральных, агнатов, что означает буквально «единоутробный», родившийся от одной матери или имеющий общую мать. Этот термин своими корнями восходит к материнскому роду.

Дети сестер как родных, так и коллатеральных, хотя и живущие в разных улусах и родах, называли друг друга «бүлэ», а дети их — «бүлэнсэр», т. е. живущие в одной семье или юрте. Действительно, при материнском роде они жили в одной общинной семье, считались братьями и сестрами. Это подтверждается тем, что названия семьи и детей совпадают и эти термины равнозначщи. Видимо, они создались в материнском роде и сохранились до наших дней.

Мужья сестер как родных, так и коллатеральных, называют друг друга «база», множественное число «базаалингууд». Этот термин также распространяется на всех мужчин, женатых на девушках из одного улуса и рода.

По этому поводу у бурят существует поговорка: «У людей, женатых на сестрах, стоянка обща, у молотка и топора звуки общи». Это позволяет думать, что при материнском роде мужья одного возраста составляли особую группу и занимали в первобытной общине определенные места.

Женщины, вышедшие замуж за братьев как родных, так и коллатеральных, а также вышедшие в один род или улус, называют друг друга «база» и «базаалингуут». Нам думается, что термин «база» создан в материнском роде и означал родство исключительно по женской линии. При патриархальном роде, когда женщины стали переходить в дом мужа и жить в роде и улусе его, когда женщины как бы поменялись ролями с мужчинами и очутились на положении мужчин при материнском роде, термин перешел на них и стал означать родство и по мужской линии.

В старину свойство по женской линии считалось очень близким и крепким. Такое родство считалось даже более близким чем родство братьев и сестер. Об этом свидетельствует существующая у бурят поговорка: «База хүн батаар орожи ерэхэ» (человек, женатый на сестре жены, войдет прямо, т. е. без всяких церемоний).

Патриархальная бурятская семья состояла из мужа, одной жены и детей. Родители мужа, его братья как родные, так collateralные, жили рядом в особых юртах или домах, расположенных вокруг юрты предка, основателя урука. Этот круг имел общую городьбу, которая охватывала все юрты членов урука. Круг этот называется «бүлэг»¹ или «ураг», т. е. одна семья.

Такая семья была моногамной, т. е. единобрачной. Она являлась развитием парного брака и по анализу Ф. Энгельса возникла в период распада первобытной родовой общины. Моногамия составляла господствующую форму брака в классовом обществе и выросла на экономических условиях, основанных на господстве частной собственности. Она отличается от парного брака большей прочностью брачных уз, которые не расторгаются по желанию сторон, только муж может расторгнуть и отвергнуть свою жену. Ф. Энгельс пишет: «Она основывается на власти мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети в качестве прямых наследников должны наследовать имущество отца».

Наряду с моногамией у бурят до революции мы встречали и полигамию, т. е. многоженство. Причем, полигамия встречалась во всех классах бурятского общества. Некоторые середняки и бедняки имели по две жены. Тут может возникнуть естественный вопрос: как же середняки и бедняки справлялись с калымом за две жены? Буряты до революции вымирали, это доказано статистическими данными. Не оставить после себя потомство для каждого буряты считалось самым страшным наказанием. Недаром у бурят существует проклятие: «Пусть потухнет домашний очаг, развеется отцово пепелище». И поэтому при бездетном браке муж брал вторую жену. Первая жена смотрела на свою бездетность, как на наказание свыше, она примирялась со своим положением и сама же находила вторую жену для своего мужа среди своих родственниц.

Бедняки в качестве вторых жен брали девушек с физическими недостатками. У бурят существовало поверье: выдавать девушек замуж, какими бы они ни были, иначе они, умирая в роде отца, после смерти якобы обращались в злых духов и вредили материнству и младенчеству. За таких девушек калым не платили.

¹ От этого слова все сельские общества бурят Иркутской области называются булуками. У бурят же Забайкалья называются они сомонами.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М, 1933, стр. 83—84.

Середняки же в качестве вторых жен брали женщин, родивших детей в доме родителей. За них платили одну лошадь и 100 рублей денег. Свадьбу не устраивали.

Кулаки и зажиточные люди брали в качестве вторых жен молодых девушек из семей среднего достатка, платили калым, а свадьбу не устраивали.

Здесь нужно отметить, что жены никогда не ругались, сцен ревности не устраивали, жили в полном согласии. Старшая жена являлась полной хозяйкой в доме, младшая была подчинена ей. Младшая жена обычно выполняла работу во дворе мужа, ходила за скотом, возила назем, косила, жала и убирала с мужем урожай.

Если же младшая жена рожала детей, то старшая жена всеми возможностями привязывала первенца к себе, ухаживала за ним, баловала и он звал ее мамой.

У бурят существовал калым, т. е. плата за жену. Буряты калым называли «барил», «барилга», «адуу барюур». Все эти слова обозначают подарок, подношение. Из этих названий видно, что первоначально калым означал подарки жениха невесте и ее родственникам. А потом с изменением хозяйственного уклада жизни первоначальное содержание термина изменялось, «барил» стал приобретать другое значение. «Барилга» стали обозначать взятку, даваемую родовым начальникам, за тот или иной проступок. В дальнейшем «барилга»—взятка стала называться «эдилгэ». В других обрядовых случаях, когда возмещение ценностями какого-нибудь проступка является обязательным, например, за похищение женщины или же убийство родовича, то употребляли термин «яла»—штраф.

При товарно-денежных отношениях калым принял совсем другую форму. Его стали называть «басаганай худалдаан» — плата за невесту. Многие родители стали смотреть на своих дочерей как на товар, отдавать их за того, кто больше заплатит калым. При таком положении у бурят при сватовстве возникли выражения:

Жороо морин

Жоргоон түмэн!

Лошадь иноходец—

Шестьсот рублей!

Кулак Агинского аймака, Читинской области Самданов за невесту внука дал 1001 голову разного скота и 10.000 рублей деньгами, владелец Харатского винокуренного завода А. Алсаков за невесту сына заплатил 5000 рублей и 50 голов скота. Невестка Самданова привела в приданое 10000 голов скота и 30 сундуков одежды, невестка Алсакова привезла 10 сундуков одежды и 100 голов скота. Если сравнить калым и приданое, то получается, что приданое стоит больше калыма. Так же было и у середняков и бедняков.

Приданое дочери буряты называли «энжэ». На свое приданое молодые могли жить независимо и без помощи родителей мужа и его родственников.

По обычаю бурят приданое являлось полной собственностью жены, на которую муж не имел никаких прав. Жена, по своему усмотрению, могла свое приданое продавать, дарить своим сыновьям и дочерям, а также и прочим родственникам.

При разводах молодая угоняла к родителям не только наличное количество голов скота, приведенное ею к мужу, но и весь приплод. Здесь нужно отметить еще одну особенность приданого женщины. Нагрудные украшения, кольца, браслеты и вся одежда обязательно доставались дочерям, а скот сыновьям.

Сватовство, как юридический акт, считается заключенным не только между отдельными семьями, но и улусами и родными. В нем участвовали все родственники до 7—8 поколения. Переговоры о калыме, о приготовлениях к свадебному торжеству и шитью приданого исключительно велись родственниками, особенно активная роль принадлежала дядьям жениха как по матери, так и отцу и братьям невесты. Они торгуются, со стороны семьи невесты всячески стараются увеличить калым, женихова сторона старается сбавить калым, выставляет причины, которые не позволяют им остановиться на тех или других цифрах. Наконец, сходятся на определенном количестве скота и сумме денег. Окончательное слово принадлежало дяде невесты по матери. Он получал деньги и передавал отцу невесты.

Договор о калыме обязателен для обеих сторон, но санкции родового начальства не требуется. Все решалось и исполнялось по обычному праву, собранному и записанному при генерал-губернаторе Восточной Сибири Цедлере в 1823 году.

Многие политические ссыльные работали среди бурят в качестве письмоводителей степных дум, инородных управ и родовых управлений, писали о вреде калыма и о влиянии его на естественный рост бурятского населения. Под влиянием политических ссыльных отдельные передовые буряты поднимали свой голос против калыма. Так, например в 1883 г. кударинские буряты Забайкальской области по предложению И. З. Хамаганова вынесли приговор¹ об отмене в законодательном порядке калыма, как бича естественного роста бурят, и направили в царский сенат. Сенат, ссылаясь на то, что этот приговор противоречит обычаям многих народов Российской империи, отказался санкционировать приговор кударинских бурят.

В случае отказа жениха от невесты внесенный калым остается за родителями невесты, жених не имеет права требовать обратно.

Бурятский брак имел много превратностей. В большинстве случаев согласия невесты и жениха на брак не спрашивали, поэтому брачная жизнь молодых бывала чревата тяжелыми трагедиями. Одни женщины убегали от своих мужей к возлюбленным, другие возвращались в отчий дом, особенно часты были бегства от жестокости и грубости свекра и свекровки. В таких случаях

¹ См. газету Байкало-Кударинский колхозник, 1955 г. от 1/VII.

муж пытался насильно вернуть обратно беглянку. Он обращался за помощью к родовым властям и полицейским органам. Если эти меры не приводили к успеху, то он требовал возвращения калыма и возмещения убытков по устройству свадьбы. Создавалась тяжба, которая тянулась многие годы.

Калым возвращался обратно родителями невесты тогда, когда невеста умирала до свадьбы и когда она убегала к другому.

В героическом эпосе западных бурят ярко и красочно отразились способы добывания жен баторами, мэргэнами и бухо (силами). Судя по данным эпоса, добывание жен было не легким делом. Одним из главных подвигов героев улигеров является исцеление себе жены. Чтобы найти жену, героям улигеров бурят приходится предпринимать самые страшные и опасные для жизни путешествия: переплывать безбрежные моря, преодолевать высокие горы, страшные огнища, перебарывать в борьбе сильнейшего из сильных и побеждать метчайшего из метких в стрельбе из лука, а также вступать в титанические бои со стихийными силами природы, вступать в борьбу с самыми ужасными врагами человечества—мангатхаями (чудовищами).

Почему баторам или мэргэнам героических эпоей бурят, сильнейшим из сильных, храбрейшим из храбрых, самым метким нужно искать себе жен вдали от родины, когда у них есть полная возможность найти жен поблизости?

В эпоеях бурятского народа существуют термины «һамга асарха» и «гэргэ асарха» — буквально привезти жену. Эти термины дают повод думать, что одним из способов добывания жен было похищение, хотя часто герои эпоей добывают жен мирным путем, даже без всякой платы. Это видно из того, что для обозначения жен употребляется термин «хүйтэ-сүйтэ хүн» — суженая. Этот термин употребляется для категории женщин, по отношению к которым у героя эпоеи существует право — обязанность на брак.

Каждый герой эпоеи перед добыванием себе жены читает «заяанай шара ном» — книгу судьбы, в которой указывается место, где он должен искать себе жену, а в некоторых эпоеях прямо указывается имя и звание будущего тестя и его будущей жены.

Все героические подвиги героев эпоей бурятского народа, их дальние переходы и титанические бои связаны с поисками законной жены, которая принадлежит ему по праву рождения. В этих переходах и боях он показывает свою силу, храбрость, отвагу и доблесть. Совершая свои подвиги, разыскивая свою суженую — «хүйтэ-сүйтэ хүн», он попадает то в холодную страну, где птицы замерзают на лету, лопаются рога быков; то попадает в жаркую страну, где конский кал, падая на землю, шипит и горит.

По приезде к будущему тестю герой представляется ему, здоровается как равный с равным, называет свое имя и имя своего

отца, говорит: «Я сам прибыл в качестве зятя, а кушак в качестве свата». Будущий тесть угощает его.

Невеста обычно помещается за семидесятью семью занавесками. Он встречается и живет с ней как муж с женой.

В каждом сказании тесть испытывает силу, ловкость и меткость приехавшего жениха, который в различных состязаниях выходит победителем.

Герои бурятских эпоей рисуются людьми одинокими или имеющими одну младшую сестру.

Нужно здесь отметить то, что в бурятских эпопеях мы не встречаем никакой процедуры сватания, которая впоследствии вылилась в сложный обряд и играла большую роль в жизни. После победы в состязаниях брак совершается немедленно в доме тестя. Церемония, о которой говорится в эпоее, это совместное брачное ложе; девушка и герой эпопен живут как муж с женой. Тесть выделяет дочери приданое, зять, забрав жену с приданым, уезжает домой.

В улигерах также описываются случаи насильственного увода невесты другим. Насильниками выступают обычно мангатхай. Это вполне допустимо, так как на тестя могли напасть враги, забрать имущество и полонить невесту. В таких случаях герою волей или неволей приходилось добывать жену силой. Тогда перед героями бурятских эпоей стояла альтернатива: либо жениться на своей суженой, принадлежащей ему по праву рождения, либо добыть жену насилем. О сватании чужой жены, как особой формы брака, вовсе не упоминается в эпопеях. Это наводит на мысль, что приобретение жены путем уплаты калыма явилось позднейшим институтом, ставшим коррективом обычая похищения, с его кровавыми последствиями, точно так же, как яла-вира стала коррективом кровавой мести.

До революции у бурят считался предпочтительным старый односторонний кузенный брак, способ женитьбы на женщине категории «хүйтэ-сүйтэ хүн», на женщине, которая считалась его женой по праву рождения. В старое время только такой брак считался идеальным. Люди, держащиеся за патриархальный уклад жизни, строго соблюдали старую дедовскую традицию. Наиболее ортодоксальным считался кузенный брак между дочерью брата и сыном сестры или наоборот. Прежде таким браком дорожили и возобновляли из поколения в поколение. Брат и сестра договаривались еще до появления детей о браке их. После рождения детей, когда они достигали 3—4 лет, в присутствии родственников с обеих сторон, совершали сговор и затем закрепляли формальным сватовством. Процедура сговора сводилась к тому, что сторона жениха дарит монету будущей невесте, которую на шнурке надевали ей на шею. Сватовство же заключалось в том, что женихова сторона дарит невестиной стороне одну лошадь, подносила подарки, устраивала жертвоприношение и угощала молочной водкой. С этого момента дети считались будущими супругами, а родители сватами и сватьями. Такая поспешность в заключении сго-

вора и сватовства диктовалась многими причинами, но основной из них является желание оттягивать срок уплаты калыма, а также желание закрепить своевременно право на брак. Если же по временить и оттянуть срок сговора и сватовства, то может вернуться кандидат в женихи в лице сына другой сестры или двоюродной сестры.

У бурят существуют пословицы и поговорки, в которых отражено качество зятя как работника, например, «сивый бык—бодуч, зять—работящ». В пословице подчеркивается, что зять работящ и силен. При материнском роде, женихи, будучи провожаемыми своим родом в род жены, видимо, старались всеми силами показать себя с лучшей стороны и потому работали хорошо и продуктивно.

Здесь нужно остановиться на термине «удха»¹ и «гарбали». Термином «удха» обозначают буряты Шанайского улуса, Зиминского района свое происхождение от материнского рода. Буряты же племени булагат обозначают этим термином не происхождение вообще, а только происхождение людей от шаманов, шаманок, кузнецов, родовых начальников. В старину дети шамана и шаманки должны были быть обязательно шаманами и шаманками, дети же кузнецов — кузнецами, дети родовых старост — старостами. Люди, не имеющие на своем роду шаманов и шаманок, кузнецов и родовых старост, не имели права стать таковыми. У бурят существовал обычай создавать институт наследственных шаманов, кузнецов и родовых старост. Вот эту-то наследственную передачу «профессии» буряты племени булагат и называли «удха» — корень.

Таким образом, допустимо предположение, что термин «удха» возник в материнском роде и при патриархальном роде получил другое значение и стал обозначать не происхождение от материнского рода, а стал обозначать наследование профессии, положения.

Термин «гарбали» обозначает происхождение людей от одной матери — прародительницы. Производный глагол от него «гараха» — означает выходить, родиться, происходить от общей матери. Буряты говорят «нэгэ гарбалитай», то есть имеет общую мать, общее происхождение. Нет сомнения, что термин гарбали возник в материнском роде.

Следует указать на обычай бурят, по которому наряду с именами сородичей отца даются детям имена родственников по матери, особенно имя старшего брата ее. Таким образом получается, как будто дети вступают в род матери. Такой обычай мог создаться только при материнском роде и сохраниться как пережиток.

Все приведенные нами случаи являются пережитками матриархата, которые совершенно не вяжутся с патриархатом бурятского народа. Агнатная организация теперешних бурят не имеет ничего общего с агнатной организацией прошлого, но тем не менее

¹ М. Н. Хангалов перевел слово «удха» — корень.

эти пережитки далекого прошлого сохранились вплоть до недавних дней. Это объяснялось нормами бурятского брака, согласно которым супруги являлись кузенами — детьми родного брата и сестры. Члены каждого рода, как мы видели выше, предпочтительно берут жен из одного и того же рода Ирхидеевского, Шаралдаевского и Енгутского, так что психология патернитета и матернитета перекрещивается между собою и между мужской и женской линией принципиально нет никакой пропасти.

В процедуре сватания бурят было много сходных черт с таковой многих народов Сибири и Дальнего Востока как родственных, так и неродственных. Сватание является подлинным дипломатическим состязанием, обставленным рядом стратегических хитростей и выжиданий. Сначала сваты говорят о самых посторонних вещах, новостях улуса и рода, устраивают выпивку и угощения. Выпивая и рассуждая о новостях, исподволь приступают незаметно к делу, сначала обиняками, намеками и недомолвками, желая выведать размер калыма и приданого невесты. Вся эта дипломатия ведет к тому, чтобы не соглашаться скоро, чтобы выторговать как можно больше. Представители сторон всем своим красноречием, иносказанием стараются выявить сокровенные мысли и желания, выудить твердые цифры друг у друга.

Этикет бурят требовал, чтобы оба свата долгое время молчали и делали вид, что они непричастные люди к этому и будто бы не догадываются, чего хотят представители сторон. В конце концов, после порядочной выпивки, стороны переходили на деловую почву и говорили откровенно о калыме и приданом. Более шепетильная сторона беззастенчиво, иногда теряя всякие приличия, перечисляла мельчайшие подробности калыма и приданого, а более застенчивая сторона ограничивалась только намеками.

Свадьба и брак молодых накладывали на роднящиеся стороны много хлопот и забот, кроме хозяйственных затрат. Каждая сторона принимала все меры, чтобы свадьба прошла удачно, чтобы родственники и гости остались довольны, чтобы не было ссор, недоразумений и проклятий. Свадьба со ссорами, драками и проклятиями, по понятиям бурят, считалась несчастливой, ведущей к разводу или смерти бракосочетающихся. А это вынуждало стороны как жениха, так и невесты принимать различные меры для предотвращения действия враждебных, злых духов и неприязни улусных и родовых покровителей; меры против всяких заклинаний и наговоров шаманок и колдунов. Кроме этого нужно было всеми мерами и возможностями содействовать благополучию и чадородию молодых, умножению их хозяйства, размножению и приплоду скота и табунов. Поэтому в свадебных обрядах бурят большое место занимали элементы древней магии.

Козням шаманов, шаманок и колдунов, злонамерениям злых восточных духов, по прошлым понятиям бурят, можно противопоставить разные мероприятия: 1. Враждебных злых демонов вос-

точных тэнгеринов можно отогнать и утрашить стрелами и ножами, поэтому передних свадебного поезда вооружали ими; 2. Буряты верили, что враждебных духов можно обмануть или ввести в заблуждение, поэтому невеста со своего девишника в доме родителей уходила и проводила время с подружками у одного из родственников. Чтобы злых духов ввести в заблуждение, все участники свадебного обряда и праздника вели разговоры инсказательно, догадками, иногда даже песнями, не называли жениха и невесту собственными именами. Тункинские и окинские буряты везли невесту к жениху переодетой в мужскую одежду, джидинские буряты везли невесту в закрытом виде. При самом совершении бракосочетания закрывали лицо невесты белой материей с отверстиями для глаз, окружали их молодежью обоего пола со всех сторон и закрывали сверху растянутой шалью. 3. Существовало у бурят понятие, что от коварных и злых духов, а также от наговоров и заклинаний шаманов и шаманок можно отделаться воздержанием от половой связи в ночь перед бракосочетанием, поэтому невеста и жених не могли проводить время в одной юрте; 4. Злых духов можно было также умиловить обильными жертвоприношениями, поэтому обе стороны устраивали как до свадьбы, так и во время совершения ее жертвоприношения.

Продуцирующая магия пронизывала не только свадебные обряды бурят, но и всю жизнь, начиная с рождения, кончая смертью. Все многочисленные обряды жертвоприношения духам: возлияние, брызгание, общественные и индивидуальные «таилганы», «заһалы» и «хэрики» были связаны с плодородием, размножением скота и увеличением богатства человека. У бурят существуют онгоны чадородия Эргил буга, Бара Тумэршеев и Бойлэхэн и Тойлойхон Аргиевы. При совершении бракосочетания их кладут на белый войлок и усиленно угощают. Онгоны Солбон и Майлган считаются покровителями табунов; Гужир—рогатого скота; Заян Саган Тэнгэри дарует богатство и т. д.

Буряты также верили в магические слова песен и благопожеланий, поэтому у них существовал большой цикл свадебных песен и благопожеланий. Первые сопутствовали всем свадебным обрядам, распались на песни свата, сватьи, передних свадебного поезда, на песни поезжан и местных, а также на песни жениха и невесты, на песни принявших то или другое именное мясо и т. д. Благопожелания бывают поздравительные, напутствующие, благожелательные жениху и невесте.

Возникновение свадебных песен относится к глубокой древности, они сопутствовали длительной истории бурятского народа, они принимали в себя многие напластования. Все эти обряды теперь ушли в прошлое, бурятский народ создал новый брак, основанный на любви и сердечном влечении.

В основу нашей работы мы положили свадебные обряды бурят эхиритского и булагатского племен. Следуя разворачиванию действий свадебных обрядов, мы разбили их на следующие разделы:

1. Предварительный сговор; 2. Сватовство; 3. Приготовление невесты к свадьбе; 4. Назначение дня свадьбы; 5. Поездка жениха с родственниками к невесте и уплата калыма; 6. Разыскивание невесты и отправление свадебного поезда к жениху; 7. Ожидание свадебного поезда в доме жениха; 8. Бракосочетание; 9. Освящение новой юрты; 10. Заключение.

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СГОВОРЫ К СВАТОВСТВУ (Нуралта)

Сватовство у бурят в дореволюционное время часто совершалось в самом раннем возрасте, нередко даже с утробной поры. Такой вид сватовства имел место у людей, связанных родством по женской линии в течение многих поколений. Поводов к сватовству было много, иногда поводом к сватовству служило желание выпить. Встретятся два друга в русском селе, разговоятся, узнают взаимно, что их жены беременны, выпьют первые шкалики за здоровье своих жен и детей, а вторые уже пьют как сваты. После выпивки целуются, обнимаются и считаются сватами. Такие сваты свой сговор потом оформляли сватовством. У кого родился сын, брал с собой 5 или 7 родственников, одну лошадь, деньги и водку, ехал к свату. Оба свата совершали обряд сватовства. Приезжий дарил лошадь и выплачивал часть условленного калыма, а потом выплачивал калым по годам. А когда дети подрастали, достигали 12—15-летнего возраста, тогда устраивали свадьбу. Были и такие случаи: поедет бурят с 10-ти летним сыном за покупками, встретит своего знакомого, который приехал с 20-ти летней дочерью покупать обнову; разговоятся, выпьют, отец мальчика спрашивает у знакомого: «Сосватана твоя дочь?»— тот отвечает: «Нет!»— «Давай сосватаемся, будем родней!»— Другой соглашается и они пьют уже как сваты. Так как невеста в возрасте, а отец жениха нуждается в рабочих руках, то они решают сыграть свадьбу в самое ближайшее время. Отец мальчика сообщает жене, собирает родственников и советуется с ними об официальном сватовстве. Затем сваты договариваются о дне свадьбы.

Приведенные нами случаи свадьбы диктовались чисто хозяйственными соображениями: в первом случае выигрывали время в платеже калыма, сразу выплатить калым им было тяжело, бюджет хозяйства не выдерживал, во втором случае свадьба диктовалась нуждой в рабочих руках.

Теперь рассмотрим случаи браков, вызванных желанием женить сына, достигшего совершеннолетия, по его выбору.

Если супруги имели одного сына, то они торопились женить его. В праздники посылали его в гости к дяде по матери. Он гулял там пять-шесть дней, ходил на наданы, высматривал себе невесту. Если ему понравится какая-нибудь девушка, то он не

делает сам предложение, просит девушку-родственницу, чтобы она разузнала обиняком: нравится или не нравится он намеченной девушке. Бурятские девушки раскрывали тайны своего сердца только близким подругам, при сватовстве парней они обычно ссылались на родителей, говоря, что судьбой их распоряжаются родители.

Парень возвращался домой. Родители прямо не расспрашивали о результатах поездки сына. Мать намеком высказывала свое желание, говорила, что она стала стара, что хотелось бы ей нянчить своих внуков. Тогда сын сообщал, что ему понравилась такая-то девушка, что он не прочь бы жениться на ней. Мать сообщала об этом мужу и они обсуждали намеченную в жены девушку. Если их мнения сходились, то жена обращалась к шаманке, муж к шаману — ворожить. Так как шаман и шаманка никогда не давали верующим точного ответа, муж и жена обходили нескольких шаманов и шаманок и получали такие же неопределенные ответы, по прибытии домой они ворожили домашним способом: жена отрезала верхнюю монету с правой стороны своей нарядной безрукавки (хубайхи), заговаривала и бросала вверх. Если монета падала вверх лицевой стороной, а не гербовой, то задуманное считалось осуществимым. Потом она брала рукавицу с правой руки и бросала вверх, говоря слова заклинания. Если же она падала ладонями вверх, то задуманное считалось тоже осуществимым. Муж брал доску, на ней делал крест углями и пеплом, втыкал в ручку шила иголку с ниткой и держал в правой руке над пересечениями линий. Если шило качалось по пеплу, т. е. по белой линии, то желание считалось осуществимым. Потом он брал свой лук, ставил его перпендикулярно к полу, пальцами правой руки проводил по тетиве. Последняя издавала разные звуки. По ним гадающий считал задуманное осуществимым. Муж и жена созывали родственников и обсуждали невесту, обсуждая, они разбирались в ее генеалогии до 7—8 поколения, искали, не было ли среди предков ее умалишенных, хронически больных, бездетных, пьяниц, воров, лентяев, калек как по мужской, так и женской линии. Если находили кандидатуру достойной, то жена готовила молочную водку; созывали родственников и устраивали жертвоприношение онгонам чадородия, хозяину хорька Эргил буга Тунхоеву, местным старцам и старицам, духам покровителям улуса и рода. После этого обряда муж седлал своего лучшего коня, одевал свою лучшую одежду, брал ту монету, которую жена отрезала с правой стороны безрукавки и ворожила, ехал в тот улус и род, где живет намеченная девушка.

По приезде в тот улус, он не заезжал прямо к родителям девушки, а заезжал к своей родне или знакомому. После обычных приветствий и справок о благополучии дома и скота, он сообщал цель своего приезда, просил оказать ему содействие. Родственник соглашался, ездил к родителям намеченной девушки и сообщал о цели приезда своей родни. Если родители девушки были соглас-

ны, то просили прибыть приезжего к ним, в качестве жданного гостя.

Посланный приезжал домой и сообщал результаты переговоров. Приезжий и родственник отправлялись к родителям намеченной девушки. Отец девушки принимал лошадей и просил гостей войти в юрту. По входе в дом приезжий здоровался с хозяевами, справлялся по обычаю о здоровье членов семьи, о скоте, о хозяйстве, но о цели приезда он умалчивал. Хозяева кололи барана, собирали родственников, устраивали пир. Приезжему гостю подавали голову и первую почетную чашку молочной водки (цабайн дээжэ). Гость, приняв голову, пел так:

Зуун хонинооон таргын шэлэжэ
Намда төөлэй барибалта,
Хонидтнай олон боложо,
Үдэр бүри төөлэй барижа байгтуй..

Из ста баранов самого жирного
Закололи и поднесли мне,
Пусть бараны ваши размножаются,
Ежедневно подносите гостям головы, как мне.

Гость и местные выпивали, закусывали, настроение поднималось. Тут гость, улучив момент, пел такую песню:

Алтан сэргэ бодхоходомнай
Агтайн түрүү ходо гаранабэй,
Аша гушаяа үргэхэдэмнай
Худа худагүй ходо гаранабэй.

Коновязь мы ставим,
Чтобы лучшие из коней не объезжали,
Детей мы растим,
Чтобы лучшие сваты не обходили.

На это местные отвечали обычно так:

Алтан сэргымнай найхандан
Агта морин эргистэй лэ,
Удха-узууримнай найхандан
Худа-худагүй эргистэй лэ.

Из-за красоты нашей коновязи
Лучшие кони ее не объезжают;
Из-за многочисленности нашего рода
Лучшие сваты нас не обходят.

Приезжий гость продолжал:

Гурбан харгуйн байхадан
Ябтарын харан хатаргабабди,

Гурбан тииргэнэй байхадан
Ехыен барин хатаргабабди.

На распути трех дорог,
Выбрав объезженную, я рысил,
На виду трех улусов.
Выбрав большой, я заехал.

На эту песню местные отвечали так:

Ураг эльгэнэй олондон
Олон харгуй эсхэхэмди,
Үхи-хүбүүдэй үнэртэн
Тииргэн боложо үдэхэмди.

Наши дороги проложены
Благодаря наездам нашей многочисленной
родни,
Наш улус стал большим
Благодаря богатству детьми.

Гость и местные от хозяина шли к родственникам, гуляли до поздней ночи. Приезжий ночевал у будущего свата. На другое утро снова все собирались в дом, где ночевал гость. Когда все садились за стол, приезжий менялся круговой чашкой с хозяином и хозяйкой, выпивал и говорил открыто о цели своего приезда. Все присутствующие одобряли, говорили, что под солнцем самое лучшее счастье женить и устраивать своих детей. Приезжий круговую чашку подавал девушке, которую хотел сосватать. Она принимала чашку, возвращала виночерпию. В это время приезжий вытаскивал монету со шнурком, взятую из дома, надевал на шею девушки. Она подавала ему круговую чашку. Приезжий брал чашку, говорил: «Будь богаче отца своего, плодовитей матери» и выпивал. Потом оба свата подавали друг другу руки, обнимались и целовались. Тогда присутствующие говорили: «установленное сказали, огнивом и ножом обменялись». Огниво и нож у бурят имеют символическое значение, выражают жизненную силу. Домашний очаг — основа семьи; есть очаг, есть семья, нет его и нет семьи. Сохранение очага связано с продолжением рода. Самым страшным проклятием у бурят считается: «Пусть потухнет твой очаг!». Стрела и нож символизируют жизненную силу будущих потомков невесты. Шаман опекаемому ребенку давал нож. По понятиям бурят нож отпугивает злых духов.

После совершения обряда «һуралта» или «датхалга» — (сговора), приезжий гулял у будущего свата и его родственников два—три дня и уезжал домой.

II. СВАТОВСТВО

(Худа оролсохо)

После достижения предварительного согласия о бракосочетании своих детей стороны приступали к закреплению соглашения, к сватовству. Отец и мать жениха отбирали одну лошадь («амани морин»—лошадь помолвки), покупали условленное количество вина (обычно полведра или ведро), готовили также молочную водку—эдеэни архи—и деньги для уплаты калыма. Потом извещали своих родственников о дне сватовства и просили сопровождать к свату. В число сопровождающих обязательно выбирались такие лица, которые хорошо знали родословное своего рода, песни и обряды старины. Обычно сватать ездили 3—5 человек. Для поездки к новому свату многие родственники жениха обновляли свою одежду, шили новые халаты или шубы, чтобы показаться с хорошей стороны.

Родные невесты со своей стороны тоже готовились ко встрече гостей. Выкуривали известное количество молочной водки, покупали вино, откармливали лошадь или корову и кололи ее, убирали и мыли в избе или в юрте. Так делали все родственники невесты. Для свата и сватьи готовили подарки, сшитые руками невесты, которой помогали в этом родственницы и подруги.

В назначенный день все родственники собирались у отца жениха, совершали возлияние своим предкам. Для этого хозяйка наливала в жбан молочную водку и с красной китайской чашкой подавала его мужу. Он освящал над возженной богородской травой. Хозяин и хозяйка садились рядом против очага, муж брал чашку, вычерпывал несколько капель и подавал старику—родственнику, который призывал духов—родовых покровителей:

Сөөг! Сөөг! Сөөг!
Энэ дайдая эжэлэйшэн,
Хан дайдая хараашан,
Үндэр хадайн
Дуурай баряашан,
Үргэн голой
Нэлбээ хараашан,
Үндээмэ ехэ үбгэдмнай,
Хандайма ехэ намгадмнай,

Үтэгымнай ехэ үбгэд,
 Нютагымнай ехэ һамгад,
 Адуутай баян болгоошон,
 Ашатай үнэр болгоошон,
 Харгуйдамнай хани болоошон,
 Хажуудамнай нүхэр болоошон,
 Орходомнай олзо дээрэ ябуулаашан,
 Гарахадамнай ганзагатай тэхэрүүлээшэн,
 Урдамнай хараан болоошон,
 Хойномнай бараан болоошон,
 Улаан нараһаа эжэлээшэн;
 Алдари хүбүүн Миисхэ,
 Миисхэйн хүбүүн Ажа,
 Ажиин хүбүүд
 Архинша Хараама хоёр,
 Архиншин хүбүүн Иванха,
 Баанхин хүбүүн Ганхрай, Сөөг!
 Үндэр Обхороо эжэлээшэн:
 Бахлайн хүбүүн Армаан,
 Габайшхин хүбүүн Халмаат,
 Дабиин хүбүүн Түнтэгэр,
 Боһомоли хоёр түргэн
 Хүлэг Ботог хоёр. Сөөг!
 Хан ехэ Байсаая эжэлээшэн:
 Бажагийн хүбүүн Баатар,
 Марханаги басаган Манхар,
 Түлөөсэйн хүбүүн Түгэт. Сөөг!

В дословном переводе:

Сөөг! Сөөг! Сөөг!
 Владеющие этой землей,
 Покровительствующие над нашей весью,
 Отзывающиеся на эхо гор,
 Наслаждающиеся дуновением ветерка дол,
 Вытягивающиеся вверх старцы,
 Возвышающиеся старицы,
 Высокие старцы нашего улуса,
 Почтенные старицы нашей веси,
 Благославляющие нас скотом,
 Дарующие нам потомство,
 Сопровождающие нас в пути,
 Сопутствующие нам всюду,
 При выезде дарующие прибыль,
 При возвращении наполняющие торока,
 Впереди являющиеся вехой,
 Сзади служащие защитой,
 Владетели красных сосен:
 Алдаров сын Миска,

Мискин сын Ажа,
 Ажеевы сыновья
 Архинша и Харама,
 Архиншеев сын Иванка,
 Банхин сын Ханхарай! Сөөг!
 Владетели горы Обхор:
 Бахлаев сын Роман,
 Хабайшкин сын Халмат,
 Дабеев сын Түнтэгэр,
 Богомолова два стремительных
 Хүлэг и Ботог. Сөөг!
 Владетели местности Байса:
 Бажигеев сын Батар,
 Мархангова дочь Манхар,
 Түлөөсэев сын Тугут! Сөөг!

После каждого слова «Сөөг» старик брызгал водкой вверх—в потолок избы или в дымовое отверстие юрты—и чашку возвращал хозяину. Последний наливал немного и подавал старику. После троекратного брызгания хозяин наливал полную чашку и подавал старику, который совершал возлияние хозяину домашнего очага Сахядай үбгэну и жене его Сахала хатану:

Гал гуламтын эжэн
 Сахядай үбгэн,
 Сахала хатан,
 Минган елдэ минаа барюулашан,
 Түмэн елдэ түүргэ бодхуулашан,
 Ашатай үнэр болгогтуун,
 Адуутай баян болгогтуун.

В переводе:

Хозяин домашнего очага
 Сахядай старец,
 Сахала госпожа!
 Благославляющие держать в руках кнут
 В течение тысячи лет,
 Дарующие возможность ставить «түүргэ»¹
 На протяжении десятков тысяч лет.
 Сделайте богатыми потомством,
 Даруйте многочисленный скот.

После этого присутствующие выпивали водку. Хозяин дома одевал лучшую одежду, запрягал лучшего коня в лучшие сани или телегу и, захватив необходимую сумму денег, вина, вместе с родственниками ехал к новому свату.

¹ Туургэ—ветки березки, водружаемые при жертвоприношении в землю перед сидящими.

По дороге они останавливались у «барьса»¹. Здесь они разводили костер и совершали возлияние — «дуһаалга» шаманам и шаманкам своего улуса, закуривали и ехали дальше.

В доме отца невесты с утра собирались родственники, они приводили все в доме и на дворе в порядок, расставляли столы, совершали брызгание молочной водкой покровителям своего улуса и рода — шаманам и шаманкам, прося благословить невесту и даровать ей счастливую жизнь. Ворота открывали настежь и ждали дорогих гостей. Родственники невесты посылали встречного, который подъезжал к гостям, приветствовал их и возвращался вместе с ними во двор невесты. В это время все собравшиеся родственники и хозяева выходили на двор и встречали гостей. Молодые брали лошадей, старики и старухи заводили гостей в избу или юрту. Гости раздевались, усаживались за столы, справлялись о здоровье, урожае трав, благополучии скота и табунов. Хозяйка наливала в чашку молока — «сагаан» и подавала гостям. Те капали на стол несколько капель, пригубив, передавали чашку своему соседу, а последний из гостей возвращал ее хозяйке.

Потом хозяйка на столы подавала водку, мясо, саломат, тарак, пенки и олады. Два старика, родственники хозяина, в качестве виночерпия подавали гостям вино и молочную водку. Хозяйка упрашивала гостей кушать. Первая чашка у бурят называется «һабайн дээжэ» и полагается свату. Он берет ее, пригубив, подает сватье. Та берет чашку, садится и выпивает. Виночерпий наливает ей в чашку, подает, а она, пригубив, возвращает свату. Сват, говоря: «Будьте здоровы!», выпивает. Вторую чашку из второй посуды приезжий сват подает своему свату. Сват берет чашку и выпивает. Виночерпий наливает в чашку и возвращает ее ему. Отец невесты берет чашку и подает свату, который пожелав всякого благополучия, выпивает. Буряты всегда пили из круговой чашки и менялись своими паями. Такой обычай называется обменом (духаряном). Этот обычай очень древний, сохранился сейчас только среди пожилых людей. Гости закусывают, выпивают, начинают говорить друг другу шутки, прибаутки, загадки, поют песни. Чем дальше, тем хмель усиливается, наступает пора певцов, знатоков родословных, импровизаторов. Они поют, задают гостям всевозможные вопросы, состязаются в знании генеалогии родов и улусов, племенных и родовых преданий. Местные старики и старухи сказывают всячески свое внимание гостям, отвечают на их вопросы, поют ответные песни, отгадывают загадки.

На каждом сватовстве и свадьбе местные всегда спрашивают приезжих: «Сколько шагов вы сделали до нас?» На этот вопрос должны ответить ближайшие родственники приезжего свата или же специально приглашенное лицо. Этот вопрос иносказательный, нужно понимать его переносно: сколько тебе лет?

---

¹ Барьса — столбы, поставленные на дороге в честь умерших шаманов и шаманок.

На каждом сватовстве и свадьбе происходят между гостями и местными интересными состязания. Темой этих состязаний являются вопросы происхождения родов, племен, улусов, бурятской истории, мифологии, также происхождение тех или иных обрядов, обычаев. Чтобы быть в курсе этих разговоров, иносказаний и аллегорий, чтобы вникнуть в их существо и отгадать, нужно знать хорошо историю бурят, родословное, родовые, племенные и улусные легенды и предания, а также старинные обряды и обычаи.

На всех сватовствах и свадьбах обязательно задаются сторонами такие вопросы: Кто создал первую свадьбу? Кто выдумал первое вино? Зачем опустился Гэсэр на землю? Где родился Гэсэр? Куда вступила впервые нога Гэсэра? Кто были его братья? Кто первым из бурят принял подданство Московского государства? Кто проводил русско-китайскую границу? и т. д.

Стороны защищаются всеми силами и стараются так или иначе отпарировать вопросы противной стороны. Иногда всплывают каверзные вопросы: Кто появился вперед — курица или яйцо? Кто является дядей матери мяса, стоящего на столе? Что сильнее: вода или огонь? Отгадка этих вопросов различна, поэтому возникают всякие нарекания, споры и даже ссоры.

На пирушках сватовства и свадьбы распеваются песни в честь родства, сватовства, дружбы, вина и кушаний.

Унахые үзэхэмнай
Урилшабэй унаамнай ла,
Урагжахые хайхани үзэхэмнай
Ураг-эльгэн хоёр ла.

Тэнгэри өөдэ харахадамнай
Тэргэд хараһаа гэрэлтэй юмабэй ла,
Тииргэн соогоо харахадамнай
Урагһаа гэрэлтэй юмабэй ла.

Огторго өөдэ харахадамнай
Солбоноһоо гэрэлтэй юмабэй ла,
Олон зондо харахадамнай
Урданай урагуудаһаа хайхан юмабэй ла.

Ундани хатууе үзэхэмнай
Эдээнэхээ нэрлэн архимнай ла,
Ураги хайхые үзэхэмнай
Ураг-эльгэн хоёр ла.

Татахын хатууе үзэхэмнай
Тариһан тамхимнай ла,
Танили хайхые үзэхэмнай
Талгажа һууһан худамуудмнай ла.

Гунан бага наһандаа
Гуламта тойрон яргалайбди,

Гуша хүрэнэн наһандаа
Домбоёо тойрон ярганабди.
Дүрбэтэй бага наһандаа
Дүли тойрон яргалайбди,
Дүшэ хүрэнэн наһандаа
Худаяа тойрон ярганабди.

Елэй һайн саг гэхэмнай
Нажар намар хоёр ло,
Зугаагай һайн гэхэмнай
Худа худагүй хоёр ла.
Наһанай һайн саг гэхэмнай
Залуу хүшэн хоёр ла.
Найрай һайн гэхэмнай
Худа худагүй хоёр ла.

Худайн духаряан хатуухан даа,
Худагүйн духаряан хуншуухан даа.

В дословном переводе:

Лучших для езды выискивали —
Это незаменимые наши лошади;
Красивых для родства выискивали —
Это наши сваты и сватья.
Если смотреть на небо,
То ярче полнолуния ничего нет,
Если смотреть на сородичей,
То пригожей нашей родни нет.
Если смотреть на ночное небо,
То ярче Венеры звезды нет,
Если посмотреть на народ,
То ярче старого родства ничего нет.

Что из питья лучшее мы пробовали?
Это наша молочная водка.
Кто из родства краше всего?
Это наши сват и сватья.
Что из крепкого мы пробовали?
Это перегнанная водка.
Кто из знакомых краше всего?
Это наши приезжие гости.

**
*

Когда мы были юными,
То наслаждались у домашнего очага,
Когда мы достигли тридцати лет,
То наслаждаемся около домбо¹.

¹ Домбо — посуда, в которой подают водку гостям.

Когда мы были молодыми,
То наслаждались у подставки очага,
Когда мы достигли сорока лет,
То наслаждаемся со сватом.

Самое лучшее время года—
Это лето и осень,
Самые лучшие в веселье—
Это сват и сватья.
Самые лучшие в жизни —
Это молодость и сила,
Самые лучшие в торжестве —
Это сват и сватья.
Чашка свата крепка,
Чашка сватьи ароматна.

Если же в гуляющей компании кто-нибудь будет пить сдержанно, то соседи поют так:

Манай духаряан
Магнай сохимо,
Танай духаряан
Тангалай сохимо.

Наши чашки
Бьют по лбу,
Ваши чашки
Ударяют по горлу.

То есть мы пьем до дна, а вы пьете с остатком на дне.

Так веселятся гости в первый день приезда. Принявшие гостей родственники невесты оказывают исключительное внимание им, угощают их вином, молочной водкой, свежим мясом, саломатом, пенками, тараком и пр. Когда же они изрядно выпьют и захмелеют, тогда распределяют гостей между собой. Приезжий сват обычно ночует у своего будущего свата, а других ведут к себе на ночевку родственники невесты.

На другое утро отец невесты созывает всех гостей и родственников к себе, колет барана (или корову) и варит так называемое именное мясо (нэрэтэй мяхан), т. е. голову барана, берцовую и бедренную кости, грудинку, кровь, начиненную чесноком (хогэйн шуһан), ребра, сердце, печенку и легкие. Если же была заколота корова, то варят берцовую или бедренную кость, лопату, ребра, несколько позвонков и пр. Баранью голову подают будущему свату, к голове прибавляют три ребра, родственникам подают берцовую или бедренную кости, лопату и грудинку.

Будущий сват берет голову, отрезает правое ухо, откладывает в сторону, потом отрезает с левой стороны часть губы и ест. При этом он по обычаю должен сказать про себя: «Клеймо моего скота не уступит вашему, а песни мои не уступят вашим песням».

Потом он передает голову одному из стариков и говорит: «Дорогой сват, наладьте голову!» Старик берет голову, раскалывает пополам, правую часть с мозгами возвращает будущему свату, а левую оставляет себе и ест. Будущий сват ест ребра, одним ребром выколупывает мозги и ест их. Отведав мозги, он передает их одному из стариков. Тот берет и ест. Гость, получивший в свою долю лопатку, ест мясо ее с внутренней стороны, а потом отрезает куски мяса и раздает присутствующим родственникам невесты, говоря: «Мясо лопатки делится между семьюдесятью лицами». Хозяйка дома делит между гостями кровь.

Мясо же коровы не делится между гостями, каждый гость берет нож и режет по своему усмотрению любой кусок и ест. В старину некоторые богатые люди кололи лошадь, голову и прочее именно мясо также подавали гостям, но этот обычай отошел в область предания.

Молочную водку и вино также подавали гостям, причем первую чашку от первого поданного в посуде вина и водки обязательно подносили будущему свату, а потом уже прочим гостям. Будущий сват обменивался с хозяйкой чашками и выпивал так же, как и в первый день.

После вкусного и обильного угощения два будущих свата сидели рядом на скамейку или же в юрте на лавку, один из родственников-стариков брал горячие угли, клал на них богородскую траву — ганга, над ними освящал поданную посуду с молочной водкой и молоком. А потом ставил ее перед будущими сватами. Затем вставали два старика, которые хорошо знали обычаи, обряды старины, а также призывания своих предков при жертвоприношениях. Первый брал чашку с молоком, второй с водкой, причем первый говорил слова призывания, а второй вторил ему словами: «Сөөг!» Первый призывал:

Сөөг!

Газар уһаа хараашан

Дайдымнай үбгэд, далаймнай һамгад.

Энэ дайдая эжэлээшэн,

Үндээмэ үбгэдмнай, һандайма һамгадмнай,

Үндэр хадайн

Дуурай баряшан,

Үргэн голой

Һэльеэ хараашан,

Зэлымнай ута болгогтуун,

Зэргымнай олон болгогтуун,

Адууемнай олон болгогтуун,

Ашанадымнай олон болгогтуун,

Удхалһан удхамнай,

Түүхэлһэн түүхэмнай,

Дайдымнай үбгэд

Уг-түүхымнай бүхэ болгогтуун,

Далаймнай һамгад

Хан дайдымнай харагтуун,
Үндэрөө эжэлхэн үбгэд,
Намтараа хараһан намгад,
Мүргэлимнай хүсээгтүүн,
Эрэнхэмнай үгөгтүүн,
Соход хэлэжэ,
Суу заажа үгүгтүүн.
Ороходоо уурбэй гарагтуун,
Гарахадаа гасаабэй ябагтуун.
Хада газараа хараашан,
Хушуун газараа хараашан,
Хушуун газараа эжэлээшэн,
Хон сагаан толгойтон,
Хулаһан сагаан хориботон,
Үргэн Таляанаа эжэлээшэн,
Хан Таляанаа хараашан,
Энэ газараа аршалаашан,
Тэрэ газараа тэгшэлээшэн,
Угаа ехэ дүлэнхэтэ Зогдор,
Бүрэд ханаа эжэлхэн,
Хан Таляанаа хараашан,
Хан Хадайн эжэн
Хашхай төөдэй;
Хан Хадайяа эжэлхэн
Үадаани хүбүүн Түбшэн,
Ханжын хүбүүн Сорооһон,
Матхани гурбан түргэд
Түмэр, Осой, Булагат,
Турхаани басаган Римаашха,
Билдуухани хүбүүн Паасоб,
Хамайн хүбүүн Сарма Заарин,
Паасаби хүбүүн Похрошооб,
Буурайн хүбүүн Огдуул,
Тараасхайн хүбүүн Игнааха,
Аюшинн хүбүүн Шулуун,
Егоорой хүбүүн Питхооб,
Хуухай хүбүүн Егор,
Алексаани хүбүүн Ханхаасай
Урдамнай хараан болоошан,
Хойномнай бараан болоошан,
Гарахадамнай ганзагатай
ябуулагтуун,
Ороходомнай олзотой ябуулагтуун,
Орходоо уурбэй ябагтуун,
Гарахадаа гасаабэй ябагтуун.
Адуутай баян болгогтуун,
Ашатай үнэр болгогтуун,
Сөөг!

Сөөг!
Покровители наших земель и вод,
Местные старцы и старицы,
Владеющие этой землей,
Покровительствующие над данной землей.
Высокие старцы,
Могучие старицы,
Ловящие чутким ухом
Эхо высоких гор,
Смотрящие своими глазами
На испарины широких долин,
Зэлэ¹ наш сделайте длинным,
Ряды наши сделайте многочисленными,
Размножьте наши табуны,
Сделайте нас богатыми внуками;
Давшие потомство,
Давшие нам жизнь —
Основатели нашего племени,
Старцы нашей суши,
Укрепляйте наше происхождение;
Старицы нашего моря,
Стерегите нашу землю,
Высоты занявшие старцы,
Низины охраняющие старицы,
Нашу мольбу исполните,
Даруйте, что просим,
Верно скажите,
Насквозь укажите.
При посещении нас не сердясь выходите,
При выходе без зла уходите.
Владетели высоких гор,
Хозяева отвесных вершин,
Старцы с сединой, как птица хон²,
Старицы с тростями, как белый камыш.
Владетели широкого Таяяна,
Хозяева горы Таяян,
Защитники этой земли,
Попечители той земли,
С могучими гривами Зогдор,
Владетель Бурети,
Хозяева местности Таяян;
Хозяйка горы Хадай
Бабушка Хашхай,
Владеющий горой Хадай
Хаданов сын Тубшэн,
Ханжиев сын Сурухон,

¹ Зэлэ — волосяная веревка для привязывания телят.

² Хон — лебедь.

Три молодца Матхановы
Түмэр, Осой и Булагат,
Турханова дочь Римашка,
Билдуханов сын Спасов,
Хамая сын Сарма Зарин,
Спасова сын Покрошов,
Бурая сын Огдул,
Тараскин сын Игнаха,
Аюшин сын Шулуц,
Егоров сын Пятков,
Хухаев сын Егор,
Алексанов сын Ханхасай,
Впереди нас идущие,
Сзади нас ограждающие,
При выездах наполните торока,
При возвращении дайте удачу,
При входе в дом не сердитесь,
При выходе не делайте зла,
Даруйте скот,
Даруйте богатое потомство.
Сөөг!

После брызганья водкой приезжий сват выходил во двор и привязывал специально приведенного коня к коновязи свата для всеобщего обозрения. Всякий желающий из родственников невесты имел право ездить на нем. Его называют «амани морин» (лошадь помолвки). После этого два будущих свата объявляют публично, что они сватаются, один женит сына на дочери другого. Сваты целуются, обнимают друг друга, говорят благопожелания. Привезенное вино и водку брызгают от имени приезжего свата покровителям племени и рода. После этого хозяйка дома и будущая невестка подают на столы кушанья, гости и родственники садятся за столы, и начинается пир.

Гости и родственники пьют и едят, беседуют о старине, родстве, хлебах и травах, об урожае, поют песни. Первыми поют обычно приезжие гости, один из них поет:

Гурбан харгуйн байхадан
Дүтыен барин хатарбабди,
Гурбан айлай байхадан
Орохо харгуйяа харан хатарбабди.
Дүрбэн харгуйн байхадан
Дэлүүен барин хатарбабди,
Дүрбэн тииргэнэй байхадан
Таниһанаа барин хатарбабди.

На распутье трех дорог,
Ближайшую выбрав, мы рысили,
Встретив три улуса,

Нужную заметив, мы рысили,
На распутье четырех дорог,
Торную избрав, мы рысили,
Встретив четыре двора,
Знакомый избрав, мы рысили.

Алтан сэргэ зооходоо
Агтайн тогтохые зоонобди,
Аша гуша үргэхэдээ
Худа анда болхоёо үргэнэбди.
Мүнгэн сэргэ зооходоо
Малай тогтохые зоонобди,
Мансуйтай хүбүү үргэхэдээ
Ураг-эльгэн болхоёо тэжээнэбди.

Мы ставили золотую коновязь,
Чтобы кони останавливались,
Мы растили внуков-правнуков,
Чтобы приезжали сваты и сватья.
Мы серебряные столбы ставили,
Чтобы скот нашел пристанище.
Мы детей с колыбели воспитываем,
Чтобы крепко породниться.

После этих песен оба свата меняются кушаками, берутся за руки и целуются. Присутствующие одобряют, выражают радость, говорят благопожелания. Сваты меняются чашками водки и взаимно выпивают. Местные люди поют так:

Улаан утаһан бэһэнтнай
Сасагийн тайлан абаабди,
Урамжама урагуута ерэжэ
Золиин хубаалсан зугаашабди.
Хара утаһан бэһэһэйтнай
Хажууен зангидан абаабди,
Харияа худануудта ерэжэ
Хутагтайн хубаалсан зугаашанаб-
ди.

Красношелкового кушака вашего,
Кисти развязав, мы приняли,
Вы к близким родным прибыли,
С Вами разделяя счастье, мы пируем.

Черношелкового кушака вашего
Края узлом связав, мы приняли,
Вы к дальней родне прибыли,
Чтобы с потомством мы были, пируем.

Хорин сагаан байтаһанаа
Хабиргайн заһан барибабди,
Хорин байтаһантнай үдэжэ
Хүрээ хотоо дүүргэг даа.

Двадцати белых лошадей
Направив бедро, мы подали,
Пусть ваши домашние животные
Размножаются и наполняют дворы.

После такой песни родственники невесты обиняком, намеками начинают говорить о калыме. Размер калыма устанавливается родственниками обеих сторон, строго исходя из состояния роднящихся. Стороны говорят высокопарно, под рифму, в первое время называют высокие цифры. Например:

Арбан түмэн,
Алаг морин.
Найман түмэн,
Нарьхан хара.
Ёргоон түмэн,
Ёроо моринь,
Табан түмэн,
Тарган хэеэр.

Тысяча рублей,
Пегая лошадь!
Восемьсот рублей,
Тонкий вороной конь!
Шестьсот рублей,
Лошадь иноходь!
Пятьсот рублей,
Сытая лошадь!

Такие цифры фигурировали главным образом в зажиточной кулацкой среде, которые желали щегольнуть друг перед другом своим богатством. Они обычно сходились на цифрах шестьсот рублей, лошадь иноходь или пятьсот рублей, сытая лошадь.

В середняцкой и бедняцкой среде обычно фигурировали сравнительно скромные цифры. Середняки обычно сходились на трехстах рублях и трех лошадях, а бедняки на ста рублях и одной лошади.

Богатые и зажиточные люди выплачивали калым наличностью, чистоганом ставили на стол, середняки устанавливали сроки уплаты калыма, при сватовстве вносили половину, обязательно приводили одну лошадь—«амани морин». Беднячество же и маломощные средняки тянули уплату калыма годами, зарабатывая деньги у кулаков и зажиточных. Нередко невесты, в ожидании упла-

ты калыма, высиживали в доме родителей пять-шесть лет или же выходили замуж за другого. Поэтому многие бедняки и мало-мощные молодые люди оставались на всю жизнь холостыми. Передовые люди бурятского общества поднимали вопрос об отмене калыма в законодательном порядке, как бича естественного роста населения бурят. Пионером этого дела выступил кударинский бурят И. З. Хамаганов. В 1883 году он поставил этот вопрос на рассмотрение доверенных Кударинской степной думы¹. Доверенные согласились с его доводами, составили приговор от имени думы и направили его в Правительствующий сенат. Сенат рассмотрел это ходатайство и написал отношение Кударинской степной думе, в котором указывалось, что калым не может быть отменен в законодательном порядке, так как идет против обычая многих народов Российской империи.

Сватовство без калыма обходилось тогда, когда оно производилось в обмен, т. е. одна сторона брала дочь другой и женила на ней своего сына и в обмен выдавала свою дочь за сына другой. Такой способ женитьбы сыновей—«андалаята» (обмен) существовал во всех слоях бурятского общества, связанных между собою родством. В таких случаях стороны одевали своих дочерей на свои средства и расходы по устройству свадебного пира брали на себя.

С 1860 года среди бурятских улусов появились стационарные миссионерские станы, которые всеми мерами и средствами стали крестить бурят как Прибайкалья, так и Забайкалья. Многие молодые люди, боясь калыма, стали по русскому обычаю венчаться в миссионерских церквях. Такие церковные браки охранялись законами империи и миссионерами, считались нерасторжимыми. Если же за невесту был уплачен калым, то дела о взыскании калыма тянулись годами. И это отразилось в поговорке бурят: «Долиг долоон жэлей»—Возвращение калыма тянется семь лет.

Бегство невесты от жениха и венчание ее с другим нашло свое отражение в песнях:

Ангараая гаталха
Арбан хүлтэй пароход ла,
Архибэй гэрэлүүлхэ
Ангарайн хойто архиерей ла,

Хударияа гаталха
Хорин хүлтэй пароход ло,
Хоримбэйеэр гэрэлүүлхэ
Хударийн хойто архиерей ла.

Алтан-мүнгэн хэрээсэ
Архиерейн үүдэндэ гүльдэрлэйб,

¹ См. «Иркутские Епархиальные ведомости», 1886 г., № 30.

Адуута-мүнгэтэ Сэсэгээ
Абан озон ерэлэйб.

Сула мүнгэн хэрээсэ
Соборой үүдэндэ зүүлэйб,
Суута найхан Больжомуураа
Тэбэрэн таалан асарлайб.

Пересекающий Ангару
Десятиколесный пароход,
Справляющий свадьбу без вина
За Ангарой монастырь¹,

Переплывающий Кудару
Двадцатиколесный пароход,
Женящий без свадьбы
За Кударой монастырь².

Крест золочено-серебряный
Надели на меня у дверей
монастыря,
Свою Сэсэг, стоящую и денег
и скота,
Целуя ее, я привел.

Крест из серебра без смеси
Надели на меня у дверей собора,
Больжимур мою, известную красавицу,
Обнимая, я привел.

После совершения сватовства все приезжие гости и родственники невесты гуляли в течение трех-четырех суток, в зависимости от того, имели ли приезжие родство в данном улусе: если они имели много родных, то посещали всех. У бурят родство считается до пятого и шестого поколения, причем родство считается как по линии отца, так и по линии матери.

Во время пирушек разговоры, песни, шутки и прибаутки вращались вокруг сватовства, родства и родной старины, происхождения и расселения родов и племен, всевозможных легенд и преданий. Все они, как устные произведения, нигде не зафиксированные и не изданные, имели многочисленные варианты и параллели. Такое положение вызывало споры, ссоры. Бурятская народная мудрость говорит: «Старинные разговоры рвут одежду».

Два старика ведут беседу о происхождении своего рода или племени. Один отстаивает свое положение и ссылается на авторитетного сказителя, другой не уступает, тоже отстаивает свое

¹ Иркутский вознесенский монастырь.

² Посольский преображенский монастырь.

положение. Доводы обоих, наконец, исчерпываются, дальше доказательств нет. Никто никому не уступает, начинают ссориться.

Центром внимания участников пирушки сватовства являются оба свата. Каждый импровизатор-певец придумывает и говорит хвалу или порицание, касаясь действий не только их, но и других участников пирушки. Тут всплывают разного рода прозвища, эпитеты и характеристики, связанные с улусами, родами и племенами. Знатоки старины бывают хорошо осведомлены о положительных и отрицательных качествах отдельных людей улуса, рода и племени. Причем отрицательные качества предков приписываются потомку, хотя бы прошло десять поколений после этого события. Например, предок Готолова рода, Готол, был неосмотрителен, недогадлив и незадачлив. Во время облавной охоты руководитель ее сказал, что скоро будет болото, нужно приготовиться. Готол тотчас же снял унты и целый день ходил босиком. К вечеру он изранил ноги, посадил занозу. Отсюда и сложилась поговорка: «Не видя брода, Готол снимает унты». Существует легенда про Буянов род. Она говорит следующее: «На облавной охоте принимали участие буяновцы. Среди них был один скупец. Мать дала ему лепешки. Приехав на место охоты, он спрятал их в дупле одного дерева. По ночам он ходил туда и ел. Другой охотник заметил это, взял все лепешки и на место их положил мерзлый человеческий кал. Ночью скупец встал и пошел к дуплу, чтобы поесть лепешки. Он перебрал их все, нашел невкусными, догадался, плюнул и пошел спать. По этому поводу сложилась поговорка: «Предок Буяна трижды засовывал в дупло руки и трижды грыз человеческий кал». На пирушках и торжествах часто напоминают буяновцам о скупости их предков.

Конечно, указанные характеристики, касаясь отрицательных сторон рода и племен, не вызывались желанием оскорбить и осмеять гостей и или местных людей, а все делалось шутя, любезно, с редким юмором, остроумно, образно, чтобы провести весело время.

Кроме песен-характеристик на пирушках сватовства имеют место и песни-загадки. Темой их тоже служат благополучие, здоровье родственников, а также красота местной природы.

Манай Гол уруу уруудаба,
Сэсэг сэндэр хүбүүн уруудаба,
Бүхье илаха,
Сэсэннe торгохо,
Мэхэтэйе унгааха,
Баатарине уйлуулха,
Зоригтые дараха,
Һайзагайе уяруулха —
Тэрэ хүбүүн хэмби?
Хэнэй хүбүүнби?
Али яһанай хүбүүнби?
Энэ дуунай тайлбарин:

Энэ болбол манда тачилтай юм,
Бидэнэр урданай нүхэрнүүдэбди,
Нэрэн архи,
Эсэгэн улаан гал,
Эхэн үнээнэй хүн.

В нашу долину спускается
Добрый молодец,
Он сильного переборет,
Умного переспорит,
Лукавого свалит с ног,
Храброго заставит плакать,
Отважного победит,
Гордого смирит —
Кто этот молодец?
Чей он сын?
Какого племени он?

Отгадка этой песни:

Этот молодец знаком нам,
Мы дружим с ним давно;
Имя ему водка,
Отец его огонь,
Мать молоко!

Песни-загадки выражают гибкость ума, остроумие, находчивость и сообразительность народа.

Чтобы понять песню-загадку, надо хорошо знать историю, обычаи и обряды бурят.

Песни же о благополучии, здоровье, красоте природы, о жизни и производстве относятся к застольным и исполняются во время пирушек.

Ургасын хайе үзэхэмнай,
Будаан тарьян хоёр ло,
Урагай хайе үзэхэмнай
Худа худагуй хоёр ло.
Танилсахын хайе үзэхэмнай
Тарьян будаан хоёр ло.
Тарихын хайе үзэхэмнай
Худа худагуй хоёр ло.
Хадахын хайн үзэхэмнай
Хара будаан хоёр ло,
Ханилхын хайн үзэхэмнай
Худа худагуй хоёр ло.
Ундани хатууе үзэхэмнай
Архи арза хоёр ло,
Ушархын хайе үзэхэмнай
Худа худагуй хоёр ло.

Татахын һайе үзэһэмнай
Тамахин папирос хоёр ло,
Талгамжын һайе үзэһэмнай
Худа худагуй хоёр ло.

Что мы видели лучшее из растений,
То это просо и хлеб;
Что мы видели из родства лучшее,
То это сват и сватья наши.
Что мы видели лучшее из посеянных,
То это хлеб и просо;
Что мы видели из знакомства лучшее,
То это сват и сватья.
Что мы видели из жатвы лучшее,
То это рожь и просо;
Что мы видели лучшее из дружбы,
То это сват и сватья.
Что мы видели крепкое из питья,
То это водка и перегонка;
Что мы видели лучшее из встреч,
То это сват и сватья.
Что мы видели из курева лучшее,
То это табак и папиросы;
Что мы видели лучшее из уважаемых,
То это сват и сватья.

Бурятские улусы рассеяны по обширной территории, а потому флора и фауна на ней различны. В некоторых местах тянутся степи, в некоторых местах высятся горы. Буряты Унгинской долины поют так:

Үнгэйн сагаан хужарһаа
Үлэтэй юма үзэнэбэйбди,
Иижэ зугаалһан худануудаһаа
Инаг юма үзэнэбэйбди,
Ангарайн сагаан хужарһаа
Амтатай юма үзэнэбэйбди
Аяглан һууһан худануудаһаа
Зугаатай юма үзэнэбэйбди.

Питательнее белых солончаков нашей Унги
На свете ничего мы не знаем,
Приветливее веселящихся наших сватов
На свете никого мы не видим.
Вкуснее белых солончаков нашей Ангары
На свете ничего мы не знаем,
Веселее присутствующих здесь сватов
На свете никого мы не видим.

Аларские буряты воспевают свою родину так:

Алайр, Алайр нютагмнай
Алирһатажа һайхан ла,
Аягтай хольшортой худануудмнай
Зугаалан-шууян һайхан ла,
Аляа, Аляа нуурмнай
Дольёдожо-дошхорхожи һайхан ла,
Дорьбоогоор ерэхэн худанадмнай
Дуулан-шууян һайхан ла.

Наша родина Аларь,
Покрывшись молодой зеленью, красива,
Наши веселые, шутливые сваты,
Забавляясь, шумя, красивы.
Наше озеро Алят,
Волнуясь, дикуя, красиво,
Наши сваты, прибывшие с шумом,
Веселясь, забавляясь, красивы.

На всех пирушках сватовства и свадьбы буряты никогда не забывают родителей. О них составлено бесконечное множество песен, в которых воспевается забота их о своих детях.

Баабаймнай бариһан булгааһан
Балараашье болбо дулаахан ла.
Баабаймнай хэлэхэн һургаарин
Зүнтэглөөшье болбо туһатай ла.
Ийбиимнай бариһан булгааһан
Эндэрээшье болбо зохидхон ло,
Ийбиимнай захиһан захяан
Эрьеэшаһаан туһатай ла.

Построенная отцом юрта,
Хотя и разваливалась, но тепла.
Сказанные отцом слова,
Хотя и старческие, полезны.
Сложенная матерью юрта,
Хотя и поломалась, уютна.
Оставленный матерью наказ,
Хотя и устарел, полезен.

Также на пирушках сватовства поются частушки, которые отражают современность, текущие события.

Шагша дуун Шанаагай,
Шаанги-булка базаарай,
Шэнэ дуун Шэнгэйтн,

Шэниисээн булка базаарай.
Хольшор дуун Хорёогой,
Халааса булка базаарай.

Баруунай харгуйн шүлэгтэн
Баян купец панхаруутаа,
Вышивайтай хүдэһэнэй шүлэгтэн
Василиин Тайшхан панхаруутаа.
Шэрэм харгуйн шүлэгтэн
Шэнэ купец панхаруутаа,
Шэрмэлэтэй хүдэһэнэй шүлэгтэн
Василиин Тайшхан панхаруутаа.

Песни-частушки из Шанайского улуса,
Шаньга-булка с базара;
Новые песни из Шэнгэтуйского улуса,
Пшеничные калачи с базара;
Шутка-песня Хоретского улуса.
Калачи с базара...

При постройке западной дороги
Богатый купец обанкротился;
Когда вышивала кисет,
Васильева дочь Тайшхан провалилась.
При проведении чугунной дороги
Новый купец обанкротился;
Когда узором украшала кисет,
Васильева дочь Тайшхан провалилась.

При сватовстве каждый новый сват со стороны жениха должен был поднести подарок в виде шубы или халата, унтов, шапок, рубашки, штанов и нагрудников. Эти подарки обязательно кроились и шились невестой и ее подругами. При этом на правое плечо шубы или халата обязательно свахой пришивалась серебряная монета.

По приезде домой свата со стороны жениха собиралась вся родня, мужчины и женщины. Отец жениха рассказывал своим родственникам все подробности сватовства и выплаты калыма. Женщины осматривали подарки, подвергали самой строгой критике мастерство невесты и качества будущей новой хозяйки.

В заключение мы должны отметить пережитки магии во всех обрядах сватовства. Жертвоприношения от имени обоих будущих сватов местным божествам, покровителям рода и племени, а также ворожба и гадание перед сватовством и некоторые песни связаны с магией. Жертвоприношения как от жениха, так и от невесты совершаются ради счастья бракосочетающихся, ради

достижения ими долголетия и чадородия, ради размножения скота и увеличения имущества. При каждом жертвоприношении обкуриваются посуда, водка и сами хозяева богородской травой или вереском, чтобы отогнать злых духов. Песни также призывают счастье и долголетие бракосочетающимся и их родственникам. Песни при обмене кушаками обоих сватов символизируют собою то, что счастье их взаимно переходит друг к другу. Кроме того, слова обоих сватов и родственников их выражают пожелание счастья роднящимся семьям.

III. ПРИГОТОВЛЕНИЕ НЕВЕСТЫ К СВАДЬБЕ

После совершения обряда сватовства отец жениха возвращался домой.

В доме родителей невесты начинаются большие приготовления. Надо приготовить приданое, которое состоит из полной обстановки юрты — постели, кровати, занавеса к ней, одежды, лошади с седлом, коров и даже вооружения.

Родители невесты созывают ближайших родственников и решают купить необходимое для невесты на деньги, полученные в калым. Отец невесты едет в город или в большое торговое село и приобретает все нужное.

Мать невесты открывает сундуки и ящики, вытаскивает оттуда выделанные овечьи и козьи шкуры, а также жеребьячи и телячи, давно приготовленные ею для приданого дочери. Шкуры она подбирает под один цвет, откладывает их и созывает ближайших родственников. Родственницы приходят, рассматривают шкуры, совещаются и решают, что и как шить. Попутно они решают, кого пригласить из девушек-родственниц и какую работу дать той или иной девушке.

На другой день собираются девушки-родственницы, начинается дружная веселая работа с шутками, прибаутками и песнями. Пожилые женщины, особенно мать невесты, руководят работой, показывают, как кроить и шить.

Постель. Постель готовилась домашним способом. Шкуры и шкурки заранее подбирались и откладывались. Заботливая мать еще с колыбели дочери заботилась о приданом. Она сама выделывала шкуры и шкурки в длинные осенние вечера то мялкой, то скребкой. После мялки шкуру или шкурку мыла молочными отходами, чтобы она была белая-белая. Если же шкуры или шкурки не подходили друг к другу по цвету, то хозяйки обменивались ими с соседками и подбирали их нужного цвета.

У заботливой и хозяйственной матери всегда был в запасе войлок. Войлок черного или серого цвета назначался будущим супругам для ежедневного употребления, а белого цвета для гостей. Зажиточные люди белые войлоки, назначенные для гостей, покрывали чехлами из темной материи. Богатые матери выделяли для своей дочери по 7—8 войлоков, средняки по 3—5, бедняки по 1—2.

Одеяла шились из овечьей, козьей, телячьей, жеребьячьей шкур и шкурок, а также из коровьей и лошадиной. Овчинное и козье одеяла употреблялись зимой, в холодное время, а телячье и жеребьячье — летом. Указанные одеяла обязательно отарачивались у верхнего края ягнячьими или козьими шкурками, а ниже оторочки делались каймы из плиса или же цветного сукна или материи. Некоторые матери пришивали мелкие серебряные монеты на каймы. Нередко эти одеяла покрывались сверху темной материей, в большинстве случаев ситцем. Из коровьей и лошадиной кожи шились рабочие одеяла, которые употреблялись в поле при полевых работах и пастьбе скота. Богатые люди приговлялись для своих дочерей по 7—8 одеял, среднего достатка по 3—4, бедные по 1—2.

При шитье девушки распределяли свои роли: одни сучили нитки из жил домашних животных — коровы или лошади, другие кроили одеяла, третьи шили под руководством матери невесты и родственниц.

Каждая девушка, выходя замуж, готовила себе подголовник — «дэрэ». Подголовник был двух видов: нарядный и простой. Он представлял собою продолговатый мешок, сшитый из кожи, с которой предварительно снимали шерсть особыми инструментами. Потом дымили над огнем, разведенным сосновыми или же елочными шишками. Одна сторона нарядного подголовника облицовывалась серебром или медью и украшалась национальным орнаментом и красными маржанами. Причем фон делался из зеленого или голубого шелка, окаймлялся красным кармазиновым сукном. Подголовник набивался соломой или шерстью. Простой рабочий подголовник делался из камусов ягнят, козлят и телят, облицовку не имел. Каждая мать готовила для своей дочери два подголовника. Нарядный подголовник не снимался с кровати супругов с первых дней супружеской жизни, простой рабочий употреблялся во время работ в поле и пастьбы скота.

У бурят пуховых подушек не было. Они восприняты от русских не ранее 30—40 г.г. XVIII века. По преданиям аларских бурят, в Алари впервые подушки завела жена родового старосты Хонгодорского рода Бажея Хосомова Марина. Это нашло свое отражение в песнях аларских бурят:

Хольшорто Мариинайн подушка.
Хорин хоёр подушка —

Двадцать две подушки —
Досужей Марины подушки...

Одежда. Каждая невеста готовила себе праздничную и рабочую одежду. Праздничная зимняя шуба шилась из отборного овечьего меха. Подбирался мех одного цвета — черный или белый. Пестрый цвет не практиковался. Нарядная шуба покрыва-

лась сукном или шелком, имела подборы у талии, правая пола была шире левой и застегивалась на боку семью или девятью серебряными или медными пуговицами. Воротник и обшлага делались из бобра, оторачивались кругом тем же мехом. Сверху оторочки прилагались каймы из парчи, сукна и шелка. На каймы кругом пришивались серебряные монеты разного достоинства по состоянию родителей. На праздничную шубу сверху одевалась безрукавка—«дэглээ» (хубайхи, оожи¹). Нужно здесь отметить, что «дэглээ» самого древнего происхождения. Оно бытует также на Алтае среди торгоутов, олетов и ойратов. «Хубайхи» появились среди аларских, унгинских, осинских и боханских бурят в 1830—40 годах. «Оожи» носят женщины в МНР. В древнее время монголы тоже носили дэглээ, но под влиянием Китая он был модернизирован в 1740—50 годах по китайскому образцу². Женщины забайкальских бурят восприняли их от монголоков.

«Дэглээ» шьется из сукна или шелка или же из бумажной материи. Он имеет талию сзади, поперек по талии пришиваются металлические пластинки с навесками в виде ромбовидных фигур. С двух сторон имеются проймы, борта не сходятся, на них с верхнего конца до нижнего пришиваются перламутровые пуговицы или мелкие серебряные монеты. «Хубайхи» представляют собою переделанный «дэглээ», покрой его одинаков с дэглээ, такие же широкие проймы, но он шире и короче, талии не имеет. Борта также не сходятся, по обоим бортам пришиваются серебряные или золотые монеты, смотря по достатку родителей невесты.

«Оожи» представляют собою одежду китайского покроя, петли и пуговицы на ней сделаны по китайскому образцу. Китайки носят такие же безрукавки, как и наши забайкальские бурятки.

Безрукавка является признаком замужних женщин, прежде замужние женщины не показывались без нее в публичных местах, а также и дома при посторонних.

Летние халаты женщин-буряток Забайкалья ничем не отличались от зимних шуб. Они делались из шелка, чесучи, а также из бумажной материи. Подклад их делался из темного ситца. Сверх халата одевалась безрукавка.

Кроме нарядных шуб и халатов, бурятские женщины шили себе халаты для домашних работ. Зимние рабочие шубы шились также из меха овцы, козы, ягненка, козленка, а также жеребенка и теленка. Они покрывались сверху бумажной материей. Были также и некрытые шубы. Такие шубы оторачивались по бортам

---

¹ Безрукавка у аларских, унгинских, боханских и осинских бурят называется хубайхи, у качугских, баяндаевских и ольхонских, кударинских и баргузинских бурят — дэглээ, у хоринских, селенгинских и агинских бурят — оожи.

² См. «Путешествие ксендза Ф. Машевского из Иркутска в Нерчинск в 1817 г. Сибирский вестник», ч. XIV. 1821 г., СПб, стр. 28.

и кругом плисом или же бумажной материей. Сверх их одева- лась безрукавка.

Летняя праздничная одежда замужних женщин-буряток (за- падных) называлась «сарафаном». Наряд древних русских жен- щин тоже назывался сарафаном. Но как же он попал к западным буряткам? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сделать некоторое отступление в область истории бурят. В 1840 году бы- ла выстроена миссионерская церковь в Нукутском улусе ведом- ства Балаганской степной думы. Тайша А. Андреев окрестил 700 бурят. За это царское правительство наградило его, а также родо- вых старост почетными кортиками и кафтанами, а жен их, пере- шедших с мужьями в православие, наградило русскими сарафанами, сережками и браслетами. Получив высокую награду, бурятские щеголихи должны были носить их, но так как замужним женщинам чельзя было показаться в об- ществе без дэглээ, то пришла необходимость приспособить его. Сарафан был широк и без талии, а дэглээ было с талией. Тогда щеголихи переделали дэглээ, талию выбросили, прочий покрой остался без изменения. На хубайхи мы видим те же широкие проймы, несходящиеся борта, украшения вдоль бортов. С тех пор появились хубайхи.

Рабочие халаты и шубы стали шиться по типу сарафана, без подборов, с бортами, доходящими до горла. Они назывались «байнга дэгэл».

Замужние женщины забайкальских бурят до революции не носили платьев, халаты и шубы одевали на белье. У замужних западных буряток появились платья с 1850—1860 годов.

С этого времени под давлением царской администрации и бу- рятского нойонства буряты стали креститься целыми родами¹. крестными отцами приглашались купцы-толстосумы или золото- промышленники. После крещения весь род назывался Николаями Николаевичами или же Иванами Ивановичами. Крестные отцы, в виде поощрения, давали своим «духовным сыновьям» и «доче- рям» рубашки, платья, кирпич чаю на семью и кусок товара.

Головной убор. Прежде бурятские женщины носили шапки, которые шились из бобра, выхухоля, а также из ягнячьих и коз- лячьих шкурок. Форма шапок была конусообразная, с кисточкой наверху. Покроем они ничем не отличались от мужских. Летний головной убор делался из сукна, плиса, чесучи, а также из бумаж- ной материи. Он состоял из околышка и верха. Околыш делался из картона и обшивался снаружи материей, подклад был из темного ситца. Нарядные шапочки молодух делались также, но околыш покрывался широким галуном, штофом или парчей, а верх де- лался из шелка или же чесучи. Сверх этого на самой макушке пришивался кружочек, радиус которого был приблизительно ра- вен 7—8 сантиметрам. Щеголихи сверх этого кружочка приши-

¹ См. «Иркутские Епархиальные ведомости», 1896 г., № 7—8, стр. 220.

вали еще живые цветы. Такой головной убор назывался «бортого малгай» или «биизгэтэй малгай».

У кудинских, верхоленских, ольхонских и кударинских бурят шубы и халаты женские старого покроя давно вывелись, они были заменены «байнга дэгэлами» и шубами. Молодухи и пожилые женщины дэглээ, или хубайхи, не носили, а заменили их обычными русскими ситцевыми платками. Платок покрывал спину, а спереди он завязывался двумя концами. Такой платок являлся признаком замужества женщин. Дэглээ сохранился только у старух. В Байкало-Кударе, Кабанске, Ольхоне и Качуге до сего времени старухи носят сверх платья дэглээ.

Женщины-бурятки Забайкалья шубы и халаты старого покроя с «оожами» носили вплоть до революции. Одежда иркутских бурток была разнообразнее, чем у забайкальских.

Платье. Замужние женщины западных бурят носили платье особого покроя. Оно состояло из двух половин: кокетки и мешка. Кокетка доходила до груди и к ней пришивался снизу сборками мешок, с боков же к кокетке пришивались рукава. К нижнему концу мешка пришивались тоже сборки в один, в два и три ряда. Воротник был стоячий, низкий, и спереди пришивались три или четыре пуговицы. Платье такого покроя русские называли «холодаем», а бурятские женщины—«юбкой» или «платьем». Нарядные «холодаи» шились из шелка, чесучи, бархата, плиса, а рабочие—из ситца и бумазеи. К нарядным холодаям пришивались сзади и спереди там, где кокетка сходилась с мешком, кружева и кисточки шелковые, а к нижнему концу их рукавов—сборки.

Женщины забайкальских бурят до революции ходили в халатах. Халат шился без талии из синей далембы без украшений. При поездках по делам в другие улусы одевали халат с «оожей». Девушки тоже носили такой же халат, сшитый из синей далембы. Праздничный халат шили из чесучи, шелка с талией, вокруг талии его украшали вышивкой из разных шелковых ниток. Халат представлял собою мешок и кокетку, причем кокетка была длинная, доходила до талии, мешок образовывал сборки и пришивался к кокетке. Воротник был стоячий и застегивался одной пуговицей. Борты заходили друг на друга, причем правый борт был шире левого, застегивался на 5—6 пуговиц.

Белье. Оно состояло из рубашки и штанов. Рубашка была длинная, доходила до колен, шилась она из бязи, полотна, батиста и ситца. Воротник ее делался низкий, застегивался на одну пуговицу. Рукава были короткие. Штаны шили широкие и длинные, застегивались они спереди на одну пуговицу или же завязывались шерстяным шнурком, продетым в специальное приспособление, сделанное вокруг верхнего края. Летние штаны делались из красного тика, зимние из бумазеи.

Украшения. Родители, имея взрослую дочь, заводили ей украшения. В давние времена, приблизительно в 1700-е годы, укра-

шения девушек состояли из кожаного ошейника, к нему пришивались железные кружочки, равные по величине екатерининским пятакам. На темя накладывалась пластинка из меди, которая имела вид птицы, клюв которой выходил на лоб, к распростертым крыльям прикреплялась искусственная коса, сделанная из плиса или сукна. Впоследствии железные кружочки, боковые украшения—«набига»—были заменены перламутровыми пуговицами; последние пришивались также на косах. Приблизительно в 1800-х годах перламутровые украшения были заменены серебряными монетами. Кожаный ошейник был заменен шелковыми или жильными нитками, на которые нанизывались серебряные монеты рублевого достоинства. Судя по дошедшим до нас украшениям, нужно думать, что такие украшения появились во времена императрицы Анны Иоановны¹. Серебряные монеты опраивались медными пластинками с петелькой на одном конце. Между монетами нанизывались также маржаны. В 1850-х годах серебряные монеты были заменены золотыми. Украшения эти носились состоятельными людьми в два и три ряда, середняки носили их в один и два ряда, а бедные имели по две-три штуки. Этот наряд назывался «хоолобшо» (золотой—«алтан хоолобшо», серебряный—«мүнгэн хоолобшо»). Кроме того, зажиточные буряты покупали для своих девушек золотые кольца, перстни, суперики, золотые браслеты и броши. Бедняки ограничивались серебряными браслетами, кольцами и перстнями, производимыми кустарями.

Обувь. Приготавливалась обувь зимняя и летняя. Зимняя изготовлялась из шкур овцы, козы, а также жеребят и телят. Обувь из овечьих шкур считалась нарядной. Она делалась на специальной колодке, с союзками, перед украшалась вышивками национального орнамента шелковыми нитками. Обувь из козьих шкур считалась рабочей и украшения не имела. Обувь из телячьей и жеребьячьей шкурки носилась обычно осенью и весной, в более или менее теплое время. Делалась обувь также из коровьей и конской шкур. Она была исключительно рабочей и не имела украшений. Вся указанная обувь имела подошву из коровьей и конской кожи, союзки делались из юфты. Юфту производили русские кустари. Свой товар они выменивали на конскую и коровью кожу у бурят же. Летняя обувь делалась из дымленной кожи, а также из черной кожи. Некоторые буряты покупали русские ичиги, производимые кустарями. В Иркутской области выделкой черной кожи (юфты) славилось село Усолье, ныне город Усолье Сибирское.

В пасмурную погоду буряты носили специальную обувь «бамхи». Она делалась из козьей шерсти. Сырости не боялась. Она была легкой и удобной обувью.

---

¹ Украшения сделаны из монет, вычеканенных при императрице Анне Иоановне.

Летняя нарядная обувь делалась из домашней замши—«эльгэн». После освобождения овечьей шкурки от шерсти ее возделывали, а потом дубили. Получалась мягкая и красивая шкурка. Мастерицы шитья из замши делали замечательно красивую и изящную обувь. Союзки и задники делались из «булгайр»¹. Переда украшались национальным орнаментом, сделанным из разных шелковых ниток. Верхний край голенищ оторачивался плисом или сукном, подклад к голенищам делали из темной бумажной материи. Подошва делалась из сыромятной дымленной кожи «һариһан». Летняя рабочая обувь делалась из сыромятной дымленной кожи без украшений.

Для ношения в сильные морозы поверх зимней обуви делалась специальная обувь, называемая «дуктуй», заменяющая теплые калоши. Она шилась из камусов медведя, волка и лошади. Как верх, так и подклад шились наружу шерстью. Они были легонькие, красивые и теплые.

До сего времени мы говорили об обуви невесты западных бурят, теперь перейдем к обуви восточных бурят. У них обувь шьется из такого же материала, как и у западных бурят, только покрой ее совсем другой. Обувь шьется с шишкой на носках, и это считается верхом шегольства. Подошва зимней обуви делается из войлока, она крепко застегивается жильными нитками. Голенища делаются из кожи, подклад—из войлока или же меха ягненка, теленка и жеребенка. Летняя обувь делается из кожи и бумажной материи. У восточных бурят на обуви никаких украшений не делается. Вся обувь у них шьется без колодки.

Рукавицы. Рукавицы шьются из бараньей, козьей, жеребьячьей и коровьей кожи. Рукавицы из бараньей кожи считаются нарядными. Края их оторачиваются плисом или сукном и обшиваются шелковыми нитками для красоты. Рукавицы же, сделанные из козьей, жеребьячьей и телячьей кожи, считаются рабочими и не украшаются. Зимние рукавицы вяжутся из овечьей шерсти, поверх их одеваются верховки, сшитые из кожи. Летние рукавицы шьются из плиса, шелка, сукна, бумажной материи, края их оторачиваются цветной материей, а тыльные стороны украшаются национальным орнаментом, сделанным шелковыми нитками разных цветов. Рабочие рукавицы шьются из сыромятной дымленной кожи и никаких украшений не имеют.

Лукошко для белья. Каждая взрослая девушка готовит себе лукошко из бересты с плотной крышкой. В нем держат грязное белье. Оно называется «ошхон бортого».

Хэһэнэг. «Хэһэнэг» состоит из трех березовых ножек, скрепленных между собою перекладинами, высота его около 2 аршин, ширина сторон—6-7 вершков. Сверху надевается шкура лошади, заколотой на девишнике невесты. При чем шкура надевается так, чтобы грива приходилась на одно ребро «хэһэнэг» и обра-

¹ Булгайр — черная кожа, производимая кустарями.

зовывала переднюю сторону его. Верхняя сторона остается полой, к ней пришивают треугольный клапан, чтобы одна сторона выходила углом и застегивалась на пуговице над гривой. Клапан украшается, как правило, национальным орнаментом, сделанным из разноцветных шелковых ниток. К нижней стороне клапана пришиваются длинные сыромятные ремни, которые в свободном состоянии висят и достигают пола. Дно «хэһэнэка» делается из кожи этой же лошади. Во вновь приготовленный «хэһэнэк» кладут от трех до девяти боевых стрел. Число их зависит от наличности стрел, имеющихся у родителей невесты.

По приезде свадебного поезда в дом жениха хэһэнэк вносят в юрту жениха и ставят у изголовья будущего супружеского ложа. На этом месте он стоит в течение всей супружеской жизни лиц, вступающих в брак. У бурят было в обычае устраивать семейный праздник при рождении каждого ребенка, который назывался «үлгээдэ оруулаха», «милаага»; закалывали специально откормленного бычка или телку и устраивали пир, бедренную кость привязывали к ремням «хэһэнэка». Бабка держала в одной руке ребенка, в другой—бедренную кость заколотого животного и спрашивала малышей, собравшихся на праздник: «Кого укладывать в колыбель: ребенка или бедренную кость?» Дети отвечали: «Ребенка, ребенка, ребенка!» Ребенка укладывали в колыбель, а мясо от бедренной кости делили между ребятами и повивальной бабушкой. Бабушка начисто очищала кость и привязывала ее к одному из ремней хэһэнэка.

В древние времена для невесты готовили обстановку юрты (это предусматривалось при сватовстве) и говорили: «табиһаар гэр, тойроһоор зэбсэг» (готовая юрта, вся обстановка для хозяйства). В это понятие входили поставки для ящиков и сундуков—«үхэг», самогонный аппарат, посуда, чашки, ложки, разные занавески и пр. По старинному обычаю невеста должна привезти к мужу юрту и всю обстановку для хозяйства.

В 1850—60-е годы родители для своих дочерей готовили вооружение, состоящее из колчана со стрелами и налучника с луком. В древние времена буряты устраивали облавную охоту «Зэгээтэ аб а». По преданиям, девушки и молодухи участвовали на охоте с мужчинами и получали долю добычи. Нами записана традиционная песня девушки, участницы облавной охоты, которую считаем нужным привести:

Боро мориной хурдандан
Борьбомни дааралай,
Барин харбаха гэхэдэмни
Баабаймни харбан абалай.
Үлэ мориной хурдандан
Үбсүүмни дааралай,
Үли харбаха гэхэдэмни
Үеэлэмни харбан абалай.

При быстроте бега серой лошади
Голени мои замерзли,
Хотела наверняка застрелить зверя,
Но отец мой отбил добычу.
При быстроте бега сивой лошади
Грудь моя замерзла,
Прицелилась в зверя,
Но отбил сродный брат мой.

Кроме того, родители должны были выделить своей дочери, выходящей замуж, лошадь и корову. Такую лошадь называли «хүл морин» — подручная лошадь. Корова называлась «энжэ үнээн» — корова, выделяемая в приданое дочери. Помимо этого, каждый родители выделяли для своих дочерей кобылиц и коров для приплода. Количество голов лошадей и коров зависело от состояния родителей невесты. Обычай выделять лошадь и корову среди бурят сохранился до революции.

Лошади, коровы, овцы, козы, приведенные невестой в дом жениха, а также их приплод считался полной собственностью ее. Она была полной хозяйкой своего приданого, муж и его родственники, по обычному праву, не имели права распоряжаться ими. При разводах она угоняла весь свой скот к своим родителям.

При приготовлении приданого невестой к ней постоянно заходили женщины-родственницы и рассматривали приготовленное, судили о мастерстве невесты и ее подруг, помогавших ей. выносили суровое решение и говорили по обычаю бурят:

Эд хэбэрхэн,
Эжэн мүнхэ лэ,
Тоорог бу халдаг,
Тоһон халдаг.

Товар износим,
Хозяйка вечна;
Пусть не пристанет пыль,
А пристанет масло.

У бурят каждый семейный праздник и обряд сопровождался особыми песнями, которых у многих народов нет.

Мы находим нужным привести песни при рождении и укладывании ребенка в колыбель.

Гунжа үнэе үтхэхэмнай
Гушан тологой болоһой даа,
Гуниг бага бариһамнай
Гушан һаадаг дүүргэхэй даа.
Дүнжэн үнэе үтхэхэмнай

Дүшэн тологой болохой даа,
Дүүеһэн бага бариһамнай
Дүшэн һаадаг дүүргэһэй даа.

**

Алаг унага үтхэхэмнай
Агтайн түрүү болохой даа,
Албатай хүбүү бариһамнай
Абай түрүү болохой даа.
Зээрдэ унага үтхэхэмнай
Зэргын түрүү болохой даа,
Зэдэ улаан хүбүү бариһамнай
Зоной түрүү болохой даа.

Вскормленная нами трехлетняя телка
Пусть размножится до тридцати голов,
Принятый и ласкаемый нами ребенок
Пусть наполнит тридцать колчанов.
Вскормленная нами четырехлетняя телка
Пусть размножится до сорока голов,
Родившийся крикун-мальчик
Пусть наполнит сорок колчанов.

**

Выхоженная нами пегая лошадка
Пусть станет лучшим конем,
Выращиваемый нами мальчик
Пусть станет руководителем охоты.
Вскормленная нами рыжая лошадь
Пусть станет вожакom боевых лошадей,
Взлелеянный нами румяный ребенок
Пусть станет руководителем народа.

Окончив все приготовления, невеста с двумя самыми близкими подружками-родственницами объезжала всю родню в последние дни своей девичьей вольности. Каждая родня принимала ее, колола барана, угощала свежим мясом, саломатом, пенками, сладкими домашними яствами и молочной водкой. После угощения родня дарила ей деньги, ткань и новую одежду, сшитую специально для этого случая. По обычаю бурят этот подарок должен после возмещаться при выходе замуж дочери и женитьбе сына дарящих. Каждые родители хорошо помнили тех, кто давал подарки их дочери при выходе замуж и без напоминаний должны были возместить его.

IV. НАЗНАЧЕНИЕ ДНЯ СВАДЬБЫ

Когда же с обеих сторон все приготовления закончены, то в доме родителей жениха собираются все родственники и рассуждают о дне свадьбы. Много хлопот стоит перед родственниками: надо подготовиться к приему гостей, приготовить мясо, угощения, водку и вино. По бурятскому обычаю все родственники должны были пригласить к себе гостей в дом, угостить их и дать им ночлег. Недаром среди бурят существует поговорка: «Гость—достояние общества». Исходя из того, что свадьба требовала много приготовлений как со стороны родителей жениха, так и со стороны родственников, срок ее назначали такой, в который могли бы уложиться приготовления. Для переговоров о дне свадьбы родственники жениха выбирали человека настойчивого, сообразительного и ловкого, чтобы он мог отстоять решения родственников жениха о дне свадьбы. Это вызывалось тем, что родители и родственники невесты старались под тем или иным предлогом оттянуть день свадьбы. День свадьбы назначался обычно в начале или в конце месяца. Буряты говорят: «В лицо восходящего месяца или же уходящего месяца». В день отправления посланного к родителям невесты родители жениха совершали жертвоприношение молочной водкой и молоком. В призывании говорилось так:

Мани дайда аршалаашан,
Мани дайда эжэлээшэн,
Сагаан хахал үбгэд,
Хулаһан сагаан хорьботой һамгад,
Урдамнай хараан болоошан,
Хойномнай бараан болоошан,
Үндэймэ ехэ үбгэд,
Хандайма ехэ һамгад,
Үндэр хадайн дуурай баряашан,
Үргэн голи нэльеэ хараашан,
Муу юмые саашан болгоошан.
Мандаа үрөөлөө үрөөшэн,
Һанаһаймнай хүсээгтүүн,
Һарбайһамнай барюулагтүүн,
Улаан нараһаа эжэлээшэн:
Миисхэйн хүбүүн Ажи,

Ажиин хоёр хүбүүд
Архинша Хараама хоёр,
Архиншин хүбүүн Ибаанха,
Баанхин хүбүүн Ганхрай.
Обхор хадаяа эжэлээшэн:
Байхлайн хүбүүн Армаан,
Үабайшхин хүбүүн Халмаат,
Дабинн хүбүүн Түнтэгэр,
Богомоли хоёр хүбүүн
Хүлэг Ботог хоёр. Сөөг!

Покровители земли нашей,
Владетели местности нашей,
Старцы с белыми бородами,
Старицы с белыми камышевыми тростями,
Служащие впереди путеводителями,
Охраняющие нас сзади,
Вытянувшиеся вверх великие старцы,
Могучие великие старицы,
Ловящие эхо высоких гор,
Наблюдающие низины долин,
Отражающие все злое от нас,
Дающие нам благословения свои,
Задуманное нами осуществите,
Желания наши удовлетворите,
Владетели (горы) красных сосен:
Мискин сын Ажи,
Ажиевы сыновья Архинчи и Харама;
Архинчиев сын Иванка,
Ванькин сын Ханхарай,
Хозяева горы Обхор;
Бахлаев сын Роман,
Хабашкин сын Халмат,
Дабиев сын Тунтэгэр,
Богомоловы сыновья Хүлэг и Ботыг, Сөөг!

После этого посланец отправлялся к родителям невесты. Его принимали как дорогого гостя, кололи барана, готовили водку и созывали родственников. Выпивали и закусывали, беседовали на разные темы. Приезжий говорил о цели своего приезда, назначал день свадьбы, установленный на совете родственников. Местные торговались, не соглашались и всячески старались оттянуть день свадьбы. Приезжий настаивал на своем и говорил, что все приготовлено к принятию дорогих гостей, что старики и старухи хотят повидать свою родню, что молодежь жаждет торжества и веселья. Некоторые говорили, что все приготовленные кушанья плесневеют, водка и вино выдыхаются в ожидании гостей, что родня на-

доела вопросами о дне свадьбы, чтобы приехать с подарками. Наконец, местные соглашались и назначали день свадьбы. Посланец гулял дня два-три и возвращался домой.

Родители жениха собирали своих родственников, приехавший сообщал им о дне свадьбы. После этого все родственники начинали готовиться к приему гостей, закалывали лошадь или быка на мясо, покупали русскую водку, гнали молочную водку. Некоторые женщины делали себе новые наряды; певцы, сказители и знатоки старины готовились весело и занимательно встретить гостей.

V. ПОЕЗДКА ЖЕНИХА С РОДСТВЕННИКАМИ К НЕВЕСТЕ И УПЛАТА КАЛЫМА

(Үаал хүргэхэ)

У бурят племени Эхирит существовал обряд «Үаал хүргэхэ»— дословно: «сопровождать дойных коров». Этот обряд совершался при участии жениха, его отца и родственников. Жених в сопровождении 20—30 человек ездил к будущему тестю с деньгами, условленным числом скота, вином и подарками.

Сопровождающими выбирались из родственников те лица, которые хорошо знали родословное, предания, легенды своего рода, свадебные и иные песни. Они должны были вступить в состязание с родственниками невесты и защитить честь и славу своего улуса и рода.

Перед отъездом жених устраивал жертвоприношение своим улусам и родовым покровителям, при котором испрашивалось благословение вступающим в брак, богатство, размножение скота, чадородие.

Как жених, так и родственники его заводили обнову: шили новую шубу, унты, рукавицы. Это вызывалось желанием показать себя и родственников людьми с достатком и живущими хорошо.

Будучи заранее извещенной о дне приезда гостей, сторона невесты готовилась основательно. Кололи лошадь или корову на мясо, покупали водку и выкуривали молочную водку. В назначенный день все родственники собирались у отца невесты. Мужчины делали основательную уборку во дворе, убирали мусор, мели начисто, все ставили на свое место; женщины мыли пол в доме или юрте, приводили все в надлежащий порядок, как у хороших хозяев.

Когда гости въезжали во двор, то все родственники невесты выбегали и встречали дорогих гостей. В доме оставались одни женщины. Лошадей принимала молодежь, старших гостей заводили в дом или юрту, усаживали их за столы, справлялись о здоровье, о хозяйстве, благополучии дома и членов семьи. Хозяйка по обычаю бурят подавала в чашке молоко, которая шла кругом. Этот обычай называется «сагаалаха»—побелиться. Затем на столы подавали закуски, именное мясо, как-то: бедренную и берцо-

вую кости, ребра с брюшным жиром, первые позвонки, лопатку,¹ всевозможные молочные блюда, водку русскую в графинах и бутылках, молочную национальную водку в деревянных посудах «домбо». Сверх этого закалывали еще барана, голову его подавали свату, берцовую и бедренную кости дядьям жениха, прочее мясо остальным. Гости выпивали и беседовали на разные темы.

Молодежь задерживалась во дворе. Она располагалась где-нибудь на подамбарье. Ее встречала тоже молодежь. Подходя к жениху, подружки и молодухи со стороны невесты просили у него денег на водку, пересыпая свою просьбу шутками и прибаутками. Между сторонами происходил такой разговор.

- Таанар юудабта?—
  - Бидэнэр буруу бэдэржэ ябанабди!—
  - Ямар зүһэтэй бурууби?—
  - Хүрэн.—
  - Тиимэ буруу эндэ байна.—
  - Тэрэнэй үгэгтүй!—
  - Түлбэрийн түлэгтүй.—
  - Түлэхэбди!—
  - Хүды үхэбтэ?—
  - Гурбан солхооб.—
  - Багадаа! Архида хүрэхэгүйл.—
  - Болоо. Тэрнэхэ дээшэн үгэжэ болохогүй.—
  - Мүнгөө асагтуй.
  - Гүй, үнэтэй байна.—
  - Боло!—
  - Үнэтэй.—
  - Таанарта мүнгэнгүй,—
  - Бии, бурууда хүрэхэ.—
  - Ямар хомхой хүүнүүдэбтэ?
  - Буруутнай муу юума.—
  - Һайн, һайн!—
  - Туранхай юм, хүлөө ядаал гэжэ татана.—
  - Ябагты саашаа, мүнгэгүй аад!
  - Зээ, баригтуй!—
  - Багаар үгэнэт.—
  - Зэ, гурба нэмэхэбди.—
  - Улаан саарһа нэмэгтүй.—
  - Таба абагтуй.—
  - Бэй. Арбан!—
  - Зай һайн. Шүтхэрнүүд.—
  - Зэ, үгэгтүй.—
- Кто вы такие?
—Мы ищем телку.

---

¹ Именное мясо подается в целом виде, так как у бурят при заклании животных и зверей кости не рубят, а разрезают по суставам.

- Какой масти ваша телка? (Ответ следует, смотря по тому, какова невеста—блондинка или же брюнетка.)
- Бурая!
- Есть такая у нас.
- Отдайте ее нам!
- Уплатите нам ее стоимость.
- Уплатим!
- Сколько же дадите?
- Три целковых!
- Мало даете. На водку не хватит!
- Хватит. Она больше не стоит.
- Платите деньги.
- Нет. Дорого!
- Хватит!
- Дорого!
- Нет у вас денег!
- Есть, на телку хватит!
- Какие вы скупые!
- Телка плохая!
- Хорошая! Хорошая!
- Тощая. Едва ноги передвигает.
- Отстаньте. Денег нет у вас!
- Получайте деньги.
- Мало даете!
- Ну, прибавим тройку!
- Прибавьте красенькую бумажку.
- Получайте пятерку!
- Нет. Десять!
- Ну, хорошо, черти.
- Ладно, дайте.

Получив таким образом несколько раз у приезжих деньги, их приглашают в отдельный дом, отведенный специально для молодежи. Усаживают их за столы, угощают свежей бараниной, разными закусками, молочными блюдами, подают им русскую водку в графинах, молочную водку в домбе. Жениху подносят голову барана, двоюродным братьям его — бедренную и берцовую кости, троюродным братьям—лопатки, ребра и пр. Гости едят поданное именное мясо с соблюдением обычаев и этикета бурят. Например, жених голову должен есть так: отрезать правое ухо, положить на стол хрящ, отрезать у самого основания уха кусочек и съесть. Потом отрезать губу с левой стороны и есть, а затем голову передать кому-нибудь из родственников невесты. Тот должен взять голову, расколоть ее топором на две части и одну вернуть жениху. Последний должен отведать мозгов и передать эту часть кому-нибудь очистить ее.

Получивший лопатку, должен отрезать куски с ее верхней стороны и есть, а потом отрезать маленькие кусочки и раздать при-

сутствующим, говоря: «Лопатку должен разделить между 70 человеками». Гости выпивают и закусывают, ведут разговоры на самые разнообразные темы, но воздерживаются от выпивки в ожидании вечерки в честь приезда их.

Когда кончается обильный обед, совершают молебствие местным духам-гениям хранителям, покровительствующим над улусом и над родителями невесты. Жертву приносят вином от имени жениха и невесты в отдельности. В качестве исполнителя выступают два старика—родственники жениха и невесты, хорошо знающие обряды, обычаи и призывания местных старцев и стариц. Необходимые предметы для жертвоприношения готовит мать невесты. Для жертвоприношения жениха она берет водку, привезенную им из дома, а для жертвоприношения от имени невесты готовит водку собственного приготовления. Старики жгут богородскую траву, освящают приготовленную старухой водку, себя, невесту и жениха возжженной пихтовой корой; жених садится против очага. Старики приывают так:

Анханаймнай нютаг
Худайн голый гол,
Гүүлиимнай нютаг
Хударин сагаан хээр,
Урданаймнай нютагай аршалагша
Хашаагай эжэн
Хан Дошхон ноён!
Энэ нютагаймнай аршалагша
Хударин хээрэй эжэн
Хуһан сагаан ноён,
Хулһан сагаан хатан,
Айл болохо хүбүүемнай,
Улаадайн хүбүүн Хандраанда,
Үрөөлөө үгэгтүүн,
Адуутай баян боллогтуй,
Ашатай үнэр боллогтуй!
Фофанойн эжэн,
Үргэнэй урдан гараһан,
Хан Заргаша ноён,
Нүхэржэлэн нүхэртнай,
Иван Тимофеевич,
Шодойн мангад.
Ураймнай хараан бологтуй,
Хойномнай бараан бологтуй!

Прежнее наше обиталище —
Долина реки Куды,
Последнее наше жительство —
Кударинская белая степь;
Прежний наш покровитель рода—

Хозяин местности Качуг,
Хан Дошхон суровый нойон!
Теперешний покровитель наш—
Хозяин степей Кудары,
Белый, как береза, начальник,
Белая, как камыш, госпожа,
Благословите нашего жениха
Сына Уладая, Хандрана,
Даруйте ему счастье,
Расплодите его потомство,
Размножьте его скот!
Хозяин местности Фофаново,
Искушенный в тяжбе,
Хан Заргаша начальник;
Подружившийся с вами,
Дорогой друг ваш,
Иван Тимофеевич,
Русский из деревни Шодой,
Будьте впереди путеводителем,
Будьте сзади защитником!

После этого тот же старик приносит жертву от имени невесты. Приготовление такое же, как у жениха, в том же призывании является только имя невесты.

После жертвоприношения от имени жениха и невесты жених приносит свое угощение, девушки накрывали столы, подавали всевозможные закуски в виде разных мясных, рыбных и молочных блюд, водку и вино. Начинается гульбище. Когда выпьют основательно, тогда жених вытаскивает свои подарки в виде платья невесте, рубашек, штанов, рукавиц, кисетов, платков, даже шуб и халатов. А более зажиточные люди дарили невесте золотое кольцо, серьги, браслет, брошь и пр. Подарки зависели от состояния жениха и его родителей. Все одевают, рассматривают качество ткани, покрой и шитье. Девушки тут же выносили решение о мастерстве тех, кто шил и трудился над подарками.

Старики и пожилые между тем гуляют и выпивают в соседнем доме или же юрте. Когда подгуляют, присутствующий сват вытаскивает подарки и раздает родне: свату шубу или халат, сватье платье, прочим родственникам свата—кому рубашку, кому штаны, кому кисет, кому шаль, кому платок и т. д. Все радуются и благодарят свата, обходят всех родственников, выпивают, закусывают, ведут беседы на разные темы.

Вечером приехавшие гости с местными стариками и старухами, вместе с молодежью собираются в тот дом или юрту, который был отведен жениху и его сопровождающим, и совершают обряд «сагаалган», и присутствующие все усаживаются за столом. Приезжий сват вытаскивает водку, привезенную в туязке, мать невесты наливает в маленькую посуду молоко и ставит ее около туяза свата, один старик возжигает пихтовую ко-

ру и освящает туяз и посуду с молоком. Приезжий сват садится против туязка и молока. Один старик берет чашку и передает свату. Он капает по несколько капель водки и молока и подает старику. Он принимает молитвенную позу и призывает:

Сөөг!

Энэ дайдая эжэлээшэн,
Хан дайдая хараашан,
Үрөөл, омог үгөөшэн,
Зол заяан болоошан,
Үндэйма ехэ үбгэдмнай,
Хандайма ехэ һамгадмнай,
Хон сагаан толгойтон,
Хулаһан сагаан һорьботон,
Хударийн хээрэй эжэн
Хуһан сагаан ноен,
Хулаһан сагаан хатан,
Айл болоошандамнай
Үрөөлөө үгэгтүй,
Гэр болоошандамнай
Золоо үгэгтүй!
Адуутай баян болгогтуй,
Ашатай үнэр болгогтуй!
Фофанойн эжэн
Хан Заргаша ноен,
Нүхэржэһэн нүхэртнай,
Хойноһоотнай дахааша
Иван Тимофеевич,
Шодойн мангад,
Мүриитнай олоһон,
Мүргэлиитнай таниһан,
Хорхойн хүбүүн Ниса заарин!
Посольскын боори намналга,
Үргэн далай һэльзеэн,
Далайн эрги эжэлһэн,
Посольска боорин эжэн
Посоол ехэ ноён,
Соол ехэ хатан,
Үргэһэндэмнай үрөөлөө үгэгтүй,
Үдэритнай сасали барина,
Елитнай үргэлгэ үргэнэ.
Ороходоо уурбэй ябагтуй.
Гарахадаа гасаабэй гарагтуй! Сөөг!

Сөөг!

Владетели данной местности,
Защитники сей земли,
Насылающие счастье,
Дарующие благополучие,

ворят слова молитвы, просят местных старцев и стариц благословить бракосочетающихся, затем на столы девушки и молодухи подают саломат и все угощаются. Этим кончается обряд «сагаалган». После этого обряда молодежь устраивает игры и пляски. Стариков и пожилых разбирают родственники на ночлег. Молодежь продолжает пляску и игры почти до самого утра. Под конец вечера молодежь разбирает гостей по домам, жених остается ночевать у будущего тестя.

На другой день гостей собирает к себе родной дядя невесты. Он тоже колет барана или же быка, готовит столы по своему состоянию. Затем гостей приглашают по порядку все родственники невесты. Гости и местные выпивают, поют песни и беседуют. Вечером дядя невесты устраивает у себя вечеринку, куда собирается молодежь улуса и гости. Если же у невесты три-четыре дяди, то каждый должен устраивать у себя дома вечеринку, колоть барана или же телку и угощать собравшихся людей и гостей. Во время вечерки у одного дяди совершают обряд «Хашарагай үлдэлгээн» (буквально: «гоньба телки»). Для совершения этого обряда гости и местные выходят во двор. Кто-нибудь выгоняет из стайки телку во двор. Молодежь образует две группы: правую—приезжие гости, левую—местные. Все они гоняются за телкой и стараются отбить друг у друга. Собравшийся народ наблюдает, пускает разные реплики по адресу того или другого, одобряет или порицает поступки исполнителей. Между тем молодежь, гоняясь за телкой, входит в азарт, увлекается, некоторые не на шутку толкаются, схватываются, даже дело доходит до потасовок. Наконец одна сторона побеждает другую и отбивает телку. Победители торжествуют и хвастаются перед собравшимися. Потом совместно колят телку, мясо варят тут же во дворе в большом котле. Молодежь встает вокруг костра и котла, образует несомкнутый круг, пляшет и поет:

Бурууяа мяхандан булигдаабэйлди,
Булад хажууртаа дарагдаабэйлди;
Үхэрэй мяхандан хашараабэйлди,
Түмэр хажууртаа илагдаабэйлди.

* * *

Хүрэн зээрдэ моримнай
Хүүнэй дотор доторлоо ло,
Хүжэ мүнгэн хуягмнай
Хүүнэй зүһэ зүһэлөө лэ.
Шуһан зээрдэ моримнай
Шолмойн дотор доторлоо ло,
Шутхамал алтан хуягмнай
Шолмойн зүһэ зүһэлээ лэ.

* * *

Хүмэрүүлэн мүльжэхэдэмнай
Хүзүүнэй мяхан амтатай ла,
Хүтэрэлдэн наран руу хатархадамнай

Хүбүүд басагад найхан ла,
Тойруулан мұльжэхэдэмнай
Тарган хүзүүнэй мяхан амтатай ла,
Тойрон нара руу хатархадамнай
Ураг эльгэн найхан ла.

Мясо телки не опротивело нам,
Стальная коса не тяжела нам;
Мясо коровы не опротивело нам,
Железная коса не в тягость нам.

* * *

Рыже-бурый наш конь
Наполнился чужим нутром¹,
Серебряная наша броня
Приняла чужой вид.
Кровяно-красный наш конь
Наполнился могучим нутром,
Вылитая из золота наша броня
Приняла суровый вид.

* * *

Когда ворочая обгладываем,
Вкусна шейная кость,
Когда пляшем, двигаясь по солнцу,
Красива молодежь.
Когда кругом обгладываем,
Вкусны жирные шейные позвонки,
Когда кружась, пляшем по солнцу,
Родные красивы.

После пляски молодежь и присутствующие едят мясо телки тут же во дворе, запивают горячим бульоном. Затем гостей и местных родственники приглашают к себе, гуляют по домам почти до света.

На другое утро всех гостей собирают в дом отца невесты. Здесь совершают обряд «үүхэ эдилгэн» — кушание сала. Для этого обряда девушки и парни собирают жир и молочные продукты со всего улуса. Каждая хозяйка дома по обычаю обязана дать жир и молочные продукты. Собранные сало и жир женщины варят в двух или трех котлах, исходя из их количества. Всех присутствующих усаживают на дворе так, чтобы образовались три группы: первая — жених со своими дружками и местной молодежью, вторая — невеста и ее подружки, третья — два свата, старики и пожилые мужчины и женщины. Молодухи — родственницы невесты угощают всех собравшихся жиром, салом и молочными продуктами.

---

¹ Мною сделан дословный перевод, певец не мог объяснить происхождение этих куплетов песен.

Во время кушанья жира и сала дядя и тетка невесты подносили невесте подарки, причем не давали ей в руки, а отдавали девушке, сидящей по правую руку невесты. Подарки состояли из платья, платка, шали, колец, маржанов. Все подружки осматривали подарки, судили и рядили и выносили решение о их достоинствах и недостатках.

Затем девушка, сидящая по правую руку невесты, подносила подарки жениху от имени невесты, которые состояли из халата или шубы, рубашки, кисета и пр.

После этого обряда совершали обряд «туулга хадаха»—пришивание олова на одежду жениха и его друзей. Подружки невесты брали заранее подготовленные кусочки олова и мелкие серебряные монеты и пришивали их на правые плечи жениха и его свиты, а также ленточки или лоскутья различной материи. По окончании церемонии «туулга хадалган» жених со своей свитой должен был спеть традиционную песню «туулгын дуун»—песню про олово. Текст приводим полностью.

Арбан нюдэтэй туулгая
Ара дээрэмнай хадаба ла,
Алаг зүрхэнэй зугаае
Аяглан нуужа зугаалая ла.
Хоринь нюдэтэй туулгая
Хүзүүн дээрэмнай хадаба ла,
Хүрэн зүрхэнэй зугаае.
Хольшорлон нуужа зугаалая ла.

Олово с десятью значками
Пришили на плечи наши,
Задушевные песни свои
Мы весело поем вам.
Олово с двадцатью значками
Пришили на спины наши.
Сердечные свои песни
Мы с шутками поем вам.

На эту песню местная молодежь отвечает такой песней:

Ара дундатнай туулга хадажа,
Анханаа ёно дүүргэбэбди,
Аягта зугаая зугаалажа,
Урагуудаа мэндьен дууланабди.
Хүзүүн дундатнай туулга хадажа,
Эхээ ёно хүсээбэбди,
Хольшорто зугаая зугаалажа,
Худануудаа мэндые дуулабабди.

Пришив олово со значками на плечи ваши,
Мы исполнили обряд старины,
Пропев свои задушевные песни,
Мы славим здоровье родни.
Пришив олово на спины ваши,
Мы исполнили обычай матери,
Слев свои веселые песни.
Мы славим благополучие родни.

Обряд пришивания олова на плечах жениха и его свиты, по-видимому, очень древний. Аларские, унгинские, осинские, боханские и кудинские буряты этот обряд заменили серебряными монетами. Это объясняется тем, что монеты в бурятских улусах вытеснили олово. Монеты пришиваются на рубашках и халатах, даримых жениху тещей, а также на рубашках и халатах, даримых бабушками внучатам.

Говоря о свадебных обрядах бурят племени Эхирит, нужно остановиться еще на одном, который выпал из обрядов вышеуказанных бурят. Это обряд «оройдоһо буляалдах» — отнимание кольца друг у друга. Обряд этот совершается в день приезда свадебного поезда. Все гости и местные садятся. Заранее назначенная молодуха со стороны невесты выбегает с кольцом из юрты во двор. Вслед за ней выбегают молодые женщины и один молодой человек со стороны жениха. Во дворе они гоняются за первой женщиной и стараются отнять у нее золотое кольцо. Молодая женщина отбивается, толкается и даже дерется. Но сторона жениха, наконец, отнимает кольцо. Все входят в юрту. Женихова сторона просит выкуп за кольцо. Молодая женщина, у которой отняли кольцо, и сторона невесты торгуются с другой стороной. Женихова сторона просит дать три бутылки русской водки. Сторона невесты предлагает одну бутылку. Наконец, договариваются на двух бутылках. Молодая женщина, у которой отобрали кольцо, приносит две бутылки вина и берет свое кольцо.

Дружки жениха выпивают и поют:

Туруутай зээрдээрээ
Турайн городто хүрэбэбди,
Турайн дээдэ магазинһаа
Туулган бэһэлиг асарбабди.
Туулган бэһэлигэй толондон
Эхээ түри хүсээбди.
Ута дэлэһэтэй зээрдээрээ
Үдэйн городто хүрэбэбди,
Баян городой магазинһаа
Үнэтэй бэһэлиг асарабабди.
Тэрэ бэһэлигэй толондон
Эсэгээ түри дүүргэбди.

* *
*

Шэлэ найхан хээрээрээ
Читын городто ошобобди,
Читын дээдэ магазинһаа
Шэнэ бэһелиг асарабабди.
Тэрэ бэһелигэй тоолондон
Шэнэ түриез бүтээбди.
Үндэр хээр морёороо
Эрхүү городто хүрэбэбди,
Эрхүүгэй дээдэ магазинһаа
Алтан бэһелиг асарабабди.
Тэрэ бэһелигэй толондон
Түрүүнэй түри дүүргээ.

На рыжке, что с копытами,
Мы съездили в город с большими домами.
В лучшем городском магазине
Мы купили оловянное кольцо.
При блеске оловянного кольца
Справимте материнскую свадьбу.
На рыжке, что с длинной гривой,
Мы побывали в верхнем городе¹,
В богатом городском магазине
Мы купили дорогое кольцо,
При сиянии дорогого кольца
Завершимте отцовскую свадьбу.

* *
*

На гнедом коне, что с красивой шеей,
Мы побывали в городе Чите,
Там в лучшем магазине
Мы приобрели новое кольцо,
При свете нового кольца
Исполнимте новую свадьбу.
На высоком гнедом коне
Мы посетили город Иркутск,
Там в лучшем магазине
Мы взяли золотое кольцо,
При яркости золотого кольца
Справимте старинную свадьбу.

После этого обряда гости и местные гуляют, переходят из дома в дом, из юрты в юрту, поют, беседуют на разные темы, а потом через три-четыре дня едут домой.

---

¹ Верхнеудинск.

IV. Д Е В И Ш Н И К

В дореволюционное время для бурятской молодежи обоего пола девишник представлял большой праздник. Клубов тогда не было. Девишник был единственным местом, где встречалась молодежь, проводила свой досуг, плясала, устраивала игры, пела песни и веселилась. Поэтому каждый молодой человек и молодая девушка считали своей обязанностью посетить девишник, повстречаться со знакомыми парнями и девушками, а главное попеть, поплясать вдоволь в обществе друзей и знакомых. На девишник съезжалось очень много молодежи не только из ближайших улусов, но и из отдаленных, верст за 15—20. Каждая девушка была заинтересована в том, чтобы на ее девишник съехалось много народу и чтобы он прошел весело. Родители ее тоже заинтересованы, чтобы девишник был обставлен богато и чтобы приезжие остались довольны, и поэтому родители невесты старались как можно лучше устроить девишник, а это требовало больших расходов. Надо было заколоть лошадь или быка, приготовить русскую водку и молочную водку, домашнюю закуску, а также сладости, орехи и папиросы. Каждый родитель, готовясь выдать замуж свою дочь, при сватовстве старался получить помощь со стороны будущего зятя. Зная, что девишник требует много расходов, жених соглашался принять часть их на себя. Он обычно приводил сытую лошадь или быка, которого закалывали для угощения гостей.

Некоторые состоятельные люди устраивали девишник в течение 3—4 вечеров. Это зависело от ближайших родственников невесты. Если у невесты было трое или четверо родных дядьев, то они устраивали девишник в течение трех или четырех дней подряд, каждый у себя дома и за свой счет. Обычно первый девишник устраивал младший дядя, оставшийся при разделе на пепелище своего отца. Он закалывал телку и угощал гостей мясом. Мясо животного разрезали на небольшие куски, клали в бочку. Сам же дядя или его сынсвья делили мясо. Собравшиеся ели мясо, потом плясали и пели до утра. Этот девишник назывался—малый девишник.

Второй девишник устраивал средний дядя у себя дома. По обычаю бурят, он угощал гостей папиросами. Для этой цели ездил в соседнее русское село, там у торговцев закупал дешевые папи-

росы, например «Трезвон», «Тара-тара», «Роза». Молодежь угощалась папиросами, потом плясала и пела до утра.

Третий девишник, самый большой и самый обставленный, устраивал отец невесты у себя дома. Родители невесты, а также ее родственники были заинтересованы, чтобы девишник прошел организованно, тихо и мирно, чтобы на нем не было недовольства гостей, чтобы он был обставлен богато, было бы чем угостить и напоить собравшихся людей. А так как это требовало много хлопот, то родители невесты собирали всех родственников и распределяли должности: девушек назначали к столам и на кухню варить, жарить, двоих молодых парней ставили, чтобы они приглашали гостей к столам, одну молодуху назначали заведовать отпуском продуктов, другую — водкой и вином, двух подростков назначали караульными входных дверей девишника. Одного парня назначали смотреть за костром, разведенным во дворе, другого, находчивого, сообразительного и расторопного, назначали руководителем пляски, парня и девушку посылали на конях к дальним родственникам отца невесты, чтобы они известили родню о дне девишника и пригласили ее приехать. На девишник и на свадебные торжества обязательно приглашались свояки с женами, замужние сестры как отца невесты, так и матери, братья матери невесты с женами, а также племянники и племянницы ее.

Все они должны были приехать с подарками невесте и жениху. В качестве подарков фигурировали деньги, одежда и скот. Эти подарки, по бурятскому обычаю, должны были быть обязательно возвращены при девишниках и свадьбах детей или внуков, привезших подарки. Поэтому у западных бурят они назывались «х а р у у», т. е. подарок, который должен быть возвращен обратно.

В день девишника с утра метут двор начисто, ворота открывают настежь, чтобы всякий проезжающий и проходящий мог зайти и найти радушный прием у хозяев наряду с приглашенными гостями. Во дворе разводили большой костер. Девушки и молодухи собирались и убирали помещение, которое назначено для принятия гостей, мыли пол, расставляли столы, скамейки и стулья, собирали посуду, ножи и вилки. А отец невесты с раннего утра с одним молодым родственником ехал в русское село покупать конфеты, пряники, дешевые папиросы, а также водку.

По приезде отца невесты девушки и молодухи топили печку, ставили квашню, пекли оладьи и блины, варили мясо, готовили закуски, покрывали столы скатертями.

К вечеру собирались молодежь, подростки и дети. Парни, собравшись вместе, беседовали на разные темы, зубоскалили, раздавался смех, шутки и прибаутки. Подростки не отставали от молодежи, тоже заводили беседы на разные темы, шутили, смеялись, говорили шутки и прибаутки. Дети бегали, играли, некоторые боролись. Невеста угощала их конфетами и орехами.

Распорядитель вечера, лихой плясун и застрельщик плясок и песен, всего интересного и занимательного, собирал круг и начи-

нал «Е э х э р», любимую пляску молодежи самых седых времен. Молодежь группой или в одиночку входила в круг, и начиналась грандиозная пляска. Круг пляшущих представлял собою многокрасочный букет, составленный из самых разноцветных цветов. Участники пляски были одеты в халаты самого разнообразного цвета: красного, белого, синего, бордового, зеленого, желтого, оранжевого, черного, пунцового, голубого, коричневого и т. д. Буряты любили яркие цвета, поэтому до революции на наряды покупали преимущественно китайский шелк, чесучу, которые отличались яркостью и были по вкусу молодежи. Подростки не отставали от молодежи, они создавали свой круг: имели запевал, а также лихих плясунов и плясуний. Они во всем подражали молодежи, старались копировать плясунов: е э х э р отплясывали не хуже их.

Отец невесты расставлял людей по намеченным местам и строго наказывал, чтобы постовые исполняли свои работы точно и не покидали своих мест без особой причины. Подростки у входных дверей смотрели за входящими и выходящими. Девушки в кухне готовили разные закуски и кушанья, назначенные для гостей, в помещении расставляли кушанья на столах, конфеты, орехи, молочные продукты, как-то: тарак (кефир), пенки, домашний сыр, салат, вино русское в бутылках и графинах, молочную водку в деревянных сосудах—«домбо». Молодухи, назначенные для отпуска продуктов и водки, тоже хлопотали в кладовке. Наблюдатель за костром следил за тем, чтобы он горел хорошо, подбрасывал в него дрова и наблюдал за детьми и подростками.

Родители невесты, готовясь к поездке со свадебным поездом своей дочери, устраивали жертвоприношения местным старцам и старицам, чтобы они благословили их дочь, чтобы они даровали ей счастье и чадородие. Для этого старуха наливала водку в домбо, в туяз молока и ставила их в юрте около очага. Один старик, обычно родственник отца невесты, исполнял роль посредника между хозяевами и местными покровителями. Он брал угли из очага и складывал их у подставки, потом на них клал богородскую траву. Брал домбо с водкой и туяз с молоком, освящал над богородской травой. Старик со старухой садились рядом против домбо и туязка, исполнитель-старик подавал чашку хозяину. Он капал по несколько капель того и другого в чашку. Исполнитель эти капли выливал на очаг, как жертву домашнему очагу, говоря:

Гал гуламтын эжэн
Сахяадай ноен баабай,
Сахала хатан ийби,
Минган елдэ минаа барюулһан,
Түмэн елдэ түүргэ бодхуулһан,
Адуутай баян болгоһон,
Ашатай үнэр болгоһон.

Хозяева домашнего очага—
Сахяадай начальник, отец наш,
Сахала госпожа, наша мать,
Дающие возможность держать кнут в руках
В течение тысячелетий,
Благословляющие водружать туургэ¹ (на
тайлганах)
В течение многих тысячелетий,
Сделавшие богатыми скотом и внуками.

Потом он подает чашку хозяину. Последний также капает в чашку капли вина и молока. Исполнитель, приняв молитвенное положение, призывает:

Энэ дайдаяа эжэлээшэн,
Мани газарта нуугаашан,
Үндэр хадайн дуурай баряашан,
Намтар газари нэльеэ хараашан,
Ута ехэ нахалтан,
Үргэн ехэ шарайтан,
Хон сагаан толгойтон,
Хулаһан сагаан хорьботон,
Үндэймэ ехэ үбгэдмнай,
Хандайма ехэ намгадмнай,
Улаан нараһан хадаараа
нуудал хэһэн,
Ажалад голоороо
нэльеэ баряашан,
Мисхэйн хүбүүн Ажи,
Ажин хүбүүд
Архинша Хараама хоёр,
Архиншин хүбүүн Ибаанха,
Баанхин хүбүүн ханхрай! Сөөг!

.

Обхор үндэр хадаараа
нуудал хэһэн;
Үргэн Емгэрээрээ
нэльеэ бариһан:
Байхлайн хүбүүн Армаан,
Набайшхин хүбүүн Халмаат,
Дабиин хүбүүн Түнтэгэр,
Бохомоли түргэн хүбүүд
Ботог Хүлэг хоёр.
Байсаяа голи эжэлээшэн:
Бажигин хүбүүн Баатар,

¹ Туургэ—березовые ветви, втыкаемые в землю при исполнении некоторых шаманских обрядов.

Марханаги хүбүүн Алексей,
Заяанай басаган Заяхан,
Зүнтэйн басаган Зөөлэн,
Шаргайн басаган Шаруухан,
Түлөөсэйн хүбүүн Түгэд,
Хадамуушалһан басагандамнай
Үрөөлөө үгэгтуун,
Адууен олон болгогтуун,
Баяа хубаалдагтуун,
Хүнжэлдэн хүбүү заяагтуун,
Хүрээдэн адуу заяагтуун,
Ороходоо үүрбэй ябагтуун,
Гарахадаа гасаабэй гарагтуун,
Үдэриитнай сасали барина,
Елиитнай үргэлгэ үргэнэ. Сөөг!

Владетели данной местности,
Обитатели наших земель,
Ловящие эхо высоких сопок,
Принадлежащие прохладной низине,
Имеющие большие бороды,
Широкие круглые лица,
Как лунь, белые головы,
Как камыш, белые трости,
Тянущиеся вверх великие старцы,
Могучие старицы наши,
Избравшие местом своего упокоения
Гору Улан Нараһан (красная сосна),
Посылающие прохладу
По долине Ажалак,
Мисхин сын Ажи,
Сыновья Ажи Архинчи и Харама,
Сын Архинчи Иванка,
Сын Ваньки Ханхарай. Сөөг!
Избравшие местом своего упокоения
Высоты горы Обхор,
Сделавшие местом прохлады
Широкою долину Емгэр,
Бахлаев сын Роман,
Хабайшкин сын Халмат,
Дабаев сын Түнтэгэр,
Богомоловы сыновья стремительные
Ботог и Хулыг.
Владеющие долиной пади Байса,
Бажигеев сын Батар,
Марханаков сын Алексей,
Заянова дочь Заяхан,

Зунтоева дочь Золин,
Шаргаева дочь Шарухан,
Тулосоев сын Тугут,
Благословите нашу дочь в замужество,
Умножьте ей скот,
Наделите ее богатством,
Сотворит в одеяле детей,
Розмножьте скот во дворе!
Входя к ним, не гневайтесь,
Выходя от них, не серчайте!
Ежедневное подношение вам подносим,
Ежегодное приношение вам приносим! Сөөг!

После этого собравшиеся выпивают жертвенную водку, угощаются свежим мясом. Старики и старухи, а также и пожилые уходят домой. Остаются молодежь и подростки. Уполномоченные два парня проверяют, все ли столы готовы к приему гостей, выходят во двор и приглашают молодежь к столам. Гости входят в помещение в количестве 20—30 человек. Уполномоченные рассаживают их за столы, угощают закусками и молочными продуктами, исполняющие обязанности виночерпиев подают гостям водку и вино. Гости пьют и закусывают. Девушки подносят им чай на подносах, угощают их свежими калачами, конфетами, орехами и папиросами.

Гости, наевшись, благодарят девушек и уполномоченных за угощение и уходят из помещения. Девушки убирают столы и снова накрывают. Уполномоченные выходят и снова приглашают такое же количество гостей. Их тоже угощают девушки. Уполномоченные снова идут и приглашают новых гостей. Так продолжается, пока не пригласят к столу всех гостей. Под конец уполномоченные выходят и кличут: «Кто не приглашен к столам?». Убедившись, что все собравшиеся приглашены к столам, приглашают дальних гостей во второй раз. Их угощают так же, как и в первый раз. Столы, приготовленные для гостей девишника, буряты называют «инагша». Слово «инагша» происходит от слова «инаг», означающего «сердечный», «близкий», «приближенный». Нужно думать, что угощение первоначально готовилось для близких и приближенных невесты, а потом оно было расширено, и на него приглашалась уже вся молодежь улуса или рода.

Невеста принимала самое деятельное участие в плясках, она обычно плясала в кругу самых близких подружек. Собравшиеся наблюдали за действиями ее. Если случилось с ней что-нибудь неприятное, то считалось плохим предзнаменованием. В 1901 г. у одной невесты во время пляски на своем девишнике порвалась нитка шейного украшения. Другой случай произошел в соседнем улусе. Невеста плясала в кругу своих подружек. Собака ее отца отвязалась, бросилась на невесту и порвала платье. Эти случаи присутствующие на девишнике сочли за плохое предзнаменование.

У бурятского народа имеется специальный цикл плясовых песен—«хатарай» или «нааданай дуунууд». Этот жанр в устном народном творчестве занимает довольно заметное место и передается из поколения в поколение. Плясовые песни распадаются на два раздела: одни песни поются на священных плясках «Ягшал» или «Багшал», другие—на обыкновенных плясках молодежи. Песни Ягшал имеют свой цикл, который называется Ягшалай дуунууд. Плясовые песни бурят возникли на заре истории, они развились, приняли наслоения различных общественных формаций и дошли до нас.

Тайгада агнахадам
Табан сагаан файхан ла,
Тайгаһаан буухадам
Еэхэр наадан файхан ла.

Во время охоты в тайге
Пять белых красивы,
После возвращения из тайги
Пляска Еэхэр красива.

В этой песне отразилась охотничья жизнь древних бурят. В песнях и плясках нашла свое отражение старая родина бурят—Алтай.

Алтай хадайн хажууһаан
Агтайн түбэрөөн гарана ла,
Аха баабайн тииргэнһээн
Нааданай түбэрөөн гарана ла.

С увалов алтайских гор
Слышен топот коней,
Со стороны улуса старого деда
Слышны песни молодежи.

Общих плясовых песен у бурят нет, каждое племя имеет свой цикл, отличный от цикла другого племени как по содержанию, так и по мотивам исполнения. Причем одни племена очень богаты плясовыми песнями, другие, наоборот, очень бедны. По свидетельству исследователей восточных бурят Тимковского, Спасского¹, Бестужева и Кроля, у восточных бурят, как и у монголов, нет пляски и плясовых песен.

Посланные созывать парень и девушка, приглашая на девишник, поют следующую песню:

Үлэ морео унажа
Үетэнэй нааданда ошyta,
Сабидар морео унажа

¹ См. Тимковский. Путешествие в Китай. СПб, 1824 г., III, стр. 1820; Спасский Г. Буряты или братские «Сибирский Вестник», № 1, 1824 г., стр. 55—56.

Сасуутанаа нааданда ошыта,
Үетэнэй нааданда уринабди.
Үелэн баран ошыта,
Сасуутанаа нааданда уринабди
Сугларжа баран ерыта.

Садитесь на сивого коня,
Поезжайте на девишник сверстницы:
Садитесь на саврасого коня,
Поскачите на девишник ровесницы.
Созываем на девишник сверстницы,
Породнившись, все приходите,
Приглашаем на девишник ровесницы,
Собравшись, пожалуйте на праздник.

Когда же соберутся молодежь и подростки, то начинается пляска «Еэхэр». При открытии пляски поют так:

Урилдаанда гарһан морео.
Угтан дуулан абанабди.
Урярта ерэхэн үетэнэй
Уран дуугаараа угтанабди!
Хара мориной хатархадан
Ханхагар харгуй бэлдэйтэй лэ,
Ханилһан үетэнэй зугаалхадан
Хамагай наадан бэлдэйтэй лэ.

Скакуна-победителя
Встречаем песней-хвалой!
Друзей, прибывших по приглашению,
Приветствуем песней красивой.
Чтобы карий рысил хорошо,
Приготовлена объезженная дорога;
Чтобы друзья веселились,
Приготовлены для всех игры.

Песни эти направлены к тому, чтобы поднять настроение прибывших гостей и чтобы каждый гость чувствовал себя как дома, пел, плясал и веселился. Когда же гости после приветственных песен войдут в колею торжества, то поются обыкновенные песни и пляски Еэхэр. Каждый девишник имеет руководителя и застрельщика, который руководит пляской, зазывает стоящих и наблюдающих в круг.

Хара далайн хулаһан
Хажуу тээшээ найгана ла,
Ханхан баабайн хүбүүд
Наадан тээшээ найгана ла.

Харганайн найгалгаар найгаяа,
Хандагайн хатаараар хатараяа,
Бургаананай найгалгаар найгаяа,
Бугайн хатараар хатараяа.

Хотон соодо хонин дэли
Шууян мяаран байебди,
Хондолой сагаан бугайн дэли
Урамдан шууян байебди.

* * *

Арбан табан столба
Астаанцаяа зохёобо ло,
Арбан табан шаажатайшуул
Энэ наада зохёобо ло.
Хорин табан столба
Хонтоорине зохёобо ло,
Хорин табан шаажатайшуул
Энэ наада зохёобо ло.

* * *

Соохор морин сохилгойн,
Сарюун хоолой заһалгайн,
Улаан морин уялгайн,
Уран хоолой заһалгайн.
Хүл бэеын гоёлтон
Козлово һайхан сапоги ла,
Хурган бэеын гоёлтон
Хитад мүнгэн бэһэлиг ла.

* * *

Намаранаа нааша
Наһатанаараа золгообэйбди,
Наһатанаараа золгожи
Налайсараа хатараяа.

* * *

Зуунхан гурбан столба
Зурыхажа һайхан ла,
Зугаһалан гараһан дайдамнай
Дуняаража һайхан ла.
Тологойн үһэн тобхорхон,
Тохой бэе залуухан,
Үетэнэй һайхан нааданда
Юундэ хатархабэйбди?

* * *

Тахир тахир хатаража,
Тахимай шалаа гаргаяа,
Тахяшалажа зохоржо
Хоолойн шалаа гаргаяа.

Хадайн хадайн хирууе
Хайласаран хатараяа,
Хараасгайхан шубуунай
Ерьесэрэн хатараяа.
Боорин боорин хирууе
Боролосорон хатараяа,
Больжомуурайхан шубуунай
Ерээсэрэн хатараяа.

* *

Хатараашан хатараяа,
Хандайлдаашан байгуужан,
Дэбхэрээшэн дэбхэрээ,
Дэнхээлдээшэн байгуужан.

* *

Боорин боорин дабаанда
Боро морин тулуужан,
Боро хүнийн нааданда
Болзоһон үетэн тулуужан.
Дэлхээ дээрээ хатараяа,
Дэмээтээр хатараяа,
Хангай дээрээ хатараяа,
Хабатаяар хатараяа.

* *

Тохой мүнгэн эмээлээ
Толон дунда тохояа,
Тохой бэеын залуудан
Иижэ байжа хатараяа.
Шүрэтэй мүнгэн эмээлээ
Шүлэг дундан тохояа,
Шэхэ бэеын залуудан
Шадан байжа хатараяа.

* *

Хажуу бэеын гоёлтон
Хадамал мүнгэн хэтэ лэ,
Хатар нааданай гоёлтон
Хараһан залуу сасуутан ла.
Тологой бэеын гоёлтон
Торгон найхан палаад ла,
Хатар нааданай гоёлтон
Найхан хоолойтой үетэн лэ.
Ута хүзүүнэй гоёлтон
Улаан найхан шүрэ лэ,
Улаан хүлэй гоёлтон
Хоншоортойхон годоһон лэ.

**
*

Хормойн шэнээн үүлэнһээ
Хура орохо ёһотой ла,
Хорин хүрэхэ наһандаа
Харин болхо ёһотой ло.
Хамсуйн шэнээн үүлэнһээ
Саһан орохо ёһотой ло,
Залуу эдир наһандаа
Хүүнэй болхо ёһотой ло.

**
*

Үхэрэй тологой ло,
Үһэтэй тологой,
Үлимэтэй наһагай ла,
Нааданай наһагай.
Шандаганай тологой ло,
Шэхэтэй тологой,
Шэлбэтэй наһагай ла,
Нааданай наһагай.

**
*

Алтайн үндэр араһаа
Агтайн түбэрөөн гарана ла,
Аха баабайн тииргэнһээ
Нааданай дорьбоон гарана
ла.

Хүхэйн сагаан хушуунһаа
Хүлүгэй түбэрөөн гарана ла,
Хуушан баабайн тииргэнһээ
Хорьмой дорьбоон гаранала.

**
*

Алтанай шарадан зүүхэдээ,
Аягтай залуудаа зугаалая.
Мүнгэнээ мүхэрөөндэн зүүхэдээ,
Мандагар залуудаа зугаалая.

**
*

Алтанай шаран мүнхэ юм,
Амитанай залуун худалша юм.
Мүнгэнэй мүхэрөөн мүнхэ юм,
Манай залуу худалша юм.

**
*

Хабарай болхые мэдэжэ,
Харсага шубуун ерэбэ лэ,
Дүүхэйн һайхые дуулажа,
Ахай хулхай ерэбэ лэ.

**
*

Нарата газар ногоотой,
Нагасата газар наадатай.
Нарата газар хагдатай,
Хадамта газар зугаатай.

**
*

Унахан найхан моримнай
Ууса дүүрэн үтэлэхэй даа,
Үелхэн найхан дүүхээмнай
Ашатай-гушатай яргаһай даа.

**
*

Хурдан номоёо барижа
Ангуушалжа тайгада гараяа,
Хулхай хүбүүдэй суглуулжа
Наадан тээшэ ошоая.

**
*

Хабар болхын урдан
Хартуус малгай бэлдэээ,
Хадамда ошохоёо урдан
Хамагаараа баран хатараяа.
Үбэл болхын урдан
Үнэгэн малгай бэлдэээ,
Харин болхын урдан
Олоороо баран хатараяа.

**
*

Дүүхээ ябыш дүмэлзыш,
Дүрбэн жэлэй талайнхиш,
Ахай ябыш аяglyш,
Арбан жэлэй талайнхиш.

**
*

Нааданаа гал түлижэ,
Наһатанаараа хатараяа,
Үетэнээрээ хатаража,
Үүри сайсаран хатараяа.

**
*

Наран гархан наһараяа,
Наадан тархан хатараяа,
Солбон гархан собхорое,
Суглаан тархан хатараяа.

**
*

Алтайда агнахадамнай
Арбан ногоон найхан ла,

Алтайһаан буухадамнай
Амитанай наадан һайхан ла.

**
*

Үргэн хээрэй хайр
Мориноймни туруу барана ла,
Үргэн һайхан шарай
Урьхан зүрхэ барана ла.

**
*

Ангарайн сагаан хайр
Агтайн туруу барана ла,
Аягтай улаан шарай
Алаг зүрхэ бараана ла.

**
*

Хадайн модон гэнэмнай
Һальтинда хүдэлдэг юм,
Дүүхэйн үнэн зугаан
Аягтай ахайда дэлгэрдэг юм.
Арбан дэльбэтэй сэсэгмнай
Эмээхээ эрбээхээ татана ла,
Аягтай һайхан дүүхээмнай
Ахайн һанаа абана ла.

Камыши черного моря
В сторону поклоняются.
Дети престарелого отца
Тянутся к веселой пляске.

**
*

Наклоном кустарника
Будем нагибаться,
Рысью сохатого
Будем плясать.

Наклоном прутьев
Будем склоняться,
Бегом марала
Будем плясать.

Как овцы в стайке,
Давайте шуметь;
Как серозадые маралы,
Будем призывать и петь.

**
*

Пятнадцать столбов
Украшают нашу станцию,

Пятнадцать девушек
Украшают нашу пляску.
Двадцать пять столбов
Украшают нашу думу (контору)¹,
Двадцать пять красавиц
Украшают нашу пляску.

**
*

Чубарый скакун
Зависит от ухода,
Звонкий голос
Зависит от упражнения.

Буланый конь
Зависит от выстойки,
Приятный голос
Зависит от упражнения.

**
*

Украшением наших ног
Служат козловые сапоги,
Украшением наших пальцев
Служат перстни Китая.

**
*

Начиная с осени,
Мы не виделись со сверстниками,
Встретившись на этой пляске,
Попляшемте и повеселимтесь.

**
*

Сто три столба,
Сливаясь в линию, красивы;
Летники наши, где мы родились,
Дымком своим красивы.

Волосы на макушке подобраны,
Наши тела молоды,
Так почему же нам на празднике ровесников
Не поплясать лихо?

**
*

Сгибая ноги попляшемте,
Усталъ ног удалимте;
По птичьи распевая,
Усталъ горла удалимте,

**
*

Иней горы не растаял,
Так попляшемте, чтоб он растаял;

---

¹ Дума—административное учреждение, созданное по закону 1882 г.

Ласточки-щебетуны не щебечут,
Так попляшемте, чтоб они
защебетали.

**
*

Пляшущие, попляшите,
Непляшущие пусть постоят;
Скачущие, поскачите,
Нескачущие пусть постоят.

При проезде крутизны бугра
Мы надеемся на серого;
При плясках темной ночи
Мы надеемся на своих друзей.
На земле будем плясать,
С остервенением будем плясать;
На Хангае будем плясать,
Изо всех сил будем плясать.

**
*

Пока серебряное седло в красоте,
Будем седлать и ездить;
Пока наше тело молодо,
Будем плясать и веселиться.

Пока седло с маржанами ново,
Будем седлать и ездить;
Пока наше тело сильно,
Будем плясать и веселиться.

**
*

Украшением нашего бока
Служит серебряное огниво,
Украшением нашей пляски
Являются молодые сверстницы.

Украшением нашей головы
Служит шелковый платок,
Украшением нашей пляски
Являются голосистые наши
ровесницы.
Украшением нашей шеи
Служат красные маржаны,
Украшением наших ног
Являются унты с острыми носками.

**
*

С тучи величиной с подол
Должен падать дождь,

С двадцатилетнего возраста
Должны быть девушки проводимы
на чужбину.

С тучи величиной с рукав
Должен падать снег,
В пору самой молодости
Должны быть девушки отданы
на чужбину.

**

Голова бычья,
Так она с шерстью,
Пятки со ступнями,
Так они для пляски.

Голова заячья,
Так она с ушами,
Пятки с лытками,
Так они для танцев.

**

С высоких острогов Алтая
Слышен топот охотников,
С большого улуса старшего деда
Слышен топот пляшущих.

С седых вершин Хүхэя
Слышен шум охотников,
С улуса старого деда
Слышны песни пляшущих.

**

Пока золото желто, поносимте,
Пока игривы и молоды, попляшемте,
Пока серебро кругло, поносимте,
Пока сильны и молоды, попляшемте.

**

Желтизна золота вечна,
Людская молодость обманчива.
Круглота серебра вечна,
Наша молодость обманчива.

**

Птица-коршун прилетает,
Почуяв весну, прилетает;
Молодцеватые друзья приезжают,
Услышав про красавиц, приезжают.

**
*

Где солнце греет,
Там растет зеленая травка,
Где родственники матери,
Там всегда веселье.

**
*

Объезженная нами хорошая лошадь
Пусть стареет при упитанном теле,
Проводившая молодость с нами девушка
Пусть стареет, няньчая внучат.

**
*

Вооружившись быстрыми стрелами,
Пойдемте в тайгу за зверями;
Собравши молодых ребят,
Направитесь на веселый девишник.

**
*

Перед наступлением весны
Следует обзавестись картузом,
Перед проводом на чужбину
Следует повеселиться со сверстниками.

Перед наступлением зимы
Нужно запастись лисьей шапкой,
Перед отправлением на чужбину
Надо поплясать с ровесниками.

**
*

Девушка, иди, веселись,
Веселье твое—четыре года.
Парень, вставай, попляши;
Веселье твое — десять лет.

**
*

Разожжем костер девишника,
Соберемте сверстников,
С ровесниками попляшемте,
Попляшемте до самого утра.

**
*

Солнце всходит, порезвимтесь;
Пляска расходится, попляшемте;
Венера всходит, поскачемте,
Собрание расходится, попоемте.

**
*

Когда мы охотились на Алтае,
То были красивы маралы;

Когда мы вернулись в улус деда,
То красива пляска.

**
*

Галька широкой степи
Растирает копыта скакуна;
Круглолицая красавица
Гложет сердце молодца.

Белая галька Ангары
Растирает копыта лошади,
Веселый молодец
Гложет сердце красавицы.

**
*

Деревья, растущие на горе,
Качаются от силы ветра;
Песни красавицы
Раскрываются удалому молодцу.

Цветы с десятью лепестками
Притягивают бабочек нежных.
Сердце красавицы прелестной
Притягивает молодца.

Плясовых песен очень много, поместить их все здесь не представляется возможным, а потому мы ограничиваемся приведенными. Каждая из них имеет, как вообще песни бурятского народа, много вариантов и параллелей. Последние зависят от находчивости и сообразительности поющих и пляшущих. Среди бурят встречается много импровизаторов, которые сочиняют множество вариантов и параллелей. Они на каждой пляске сочиняют все новые и новые вариации, применяясь к каждому отдельному случаю девишника. Такие люди на девишниках и плясках всегда являются затейниками и застрельщиками, считаются лихими плясунами и певцами. Они являются неизменными завсегдатаями плясок и праздников. Их называют «фээлээ ахай». Такие люди бывают известны далеко за пределами своего улуса и рода. Они начинают пляску и уходят последними. Лихие плясуны и плясуньи узнавались по одежде. Свои кушаки плясуны подпоясывали так, чтобы кисти болтались на обеих поясных и доходили до колен. Это считалось особым щегольством, при исполнении плясок кисти кушака болтались и развевались. Девуцы—плясуньи и запевалы—заплетали свои косы так, чтобы они спускались до колен, на концах их вплетались монеты, кораллы, бусы, шелковые кисточки, а иногда делались надкосницы из плиса или сукна, на которое нашивались вдоль серебряные монеты рублевого достоинства. Такая коса называется

«гээзэг» или «шаажая». При исполнении пляски «гээзэг» развевались в разные стороны, звенели под такт. Плясуньи с такими косами были известны далеко за пределами своего рода и улуса. Образ такой красавицы нашел свое отражение в песнях разных жанров:

Гэрэй шэнээн газар
Гэшхэн байжа хатарая,
Гээзэгэдэхи шаажая
Ханхир янхир хатарая.

***

Үбэр бэеын гоёлтон
Алтан шүрэ хоёр ло,
Ара бэеын гоёлто
Шаажая шүрэ хоёр ло.

Землю окружностью с юрты,
Топая ногой, будем плясать;
Косу, висящую сзади,
Развевая направо и налево, будем плясать.

***

Украшение лицевой стороны—
Это золото, чередующееся с маржанами,
Украшение затылочной стороны—
Это коса, переплетающаяся с маржанами.

Плясали парочками — парень и девушка. Они становились рядом, прижавшись друг к другу, запевали и под такт песни плясали. Такие парочки пляшут всегда вместе, поэтому привыкают друг к другу, движения и голоса их слажены. Вокруг таких парочек собирается толпа зевак—девушек и парней; одни хвалят, восторгаются, другие, наоборот, осуждают и говорят разные шутки. Про такие парочки создано много песен, которые имеются почти в каждом улусе. Находим нужным привести два куплета:

Хотолзомо тайгада
Хурайн дуунхан янгинаа,
Хуугай зэргэйн нааданда
Михаалын Ксеениин дуухан янгинаа.
Нахилзама тайгада
Налайн дуухан янгинаа.
Наадан хорьмой зугаада
Пайвлай Ааннын дуухан янгинаа.

В мерно колыхающейся тайге
Раздаются голоса тетерева,

На наших веселых плясках
Слышатся голоса Михаила и
Ксении.

В мерно нагибающейся тайге
Раздаются голоса птицы Налай.
На наших ночных плясках
Слышатся голоса Павла и Анны.

Пляска продолжается до самого утра, иногда даже до восхода солнца. До самого утра длится и угощение гостей. Распорядитель приглашает оставшихся гостей за столы. Этим кончается девишник. Ворота закрывают.

После девишника невеста с подружками удаляется из дома родителей и ночует у кого-нибудь из родственников, намеченного заранее. Невесту с подружками угощают хозяева водкой и мясом, сладостями и орехами.

VII. РАЗЫСКИВАНИЕ НЕВЕСТЫ И ОТПРАВЛЕНИЕ СВАДЕБНОГО ПОЕЗДА

На другой день девишника с утра собирались родственники невесты и сородичи, как едущие сопровождать невесту к жениху, так и пришедшие просто поглазеть. Все они одевались в лучшую одежду. Зимой мужчины надевали овчинные шубы, покрытые сукном, полусукном или плисом, с бобровыми воротниками и обшлагами на рукавах, подпоясывались шелковыми кушаками, на голову надевали бобровые шапки. Так обычно одевались люди богатые и среднего достатка. Бедняки одевались в шубы, покрытые полусукном или какой-либо черной материей, подпоясывались матерчатыми кушаками; на головы надевали лисьи или бараньи шапки. На ноги как те, так и другие надевали унты, сшитые из бараньего меха. Молодые парни тоже одевались в шубы, покрытые сукном, с бобровыми воротниками и с такими же обшлагами на рукавах, подпоясывались шелковыми кушаками, на ноги надевали такие унты, как и пожилые. Летом мужчины одевались в шелковые или чесучевые тёрлыки — халаты, подпоясывались шелковыми кушаками, на ноги надевали русские, кунгурские или сарапульские сапоги или плясовые унты, украшенные национальным орнаментом, на головы — русские шляпы или же национальные матерчатые шапки. Бедняки надевали халаты, сшитые из темной материи, подпоясывались матерчатыми поясами, на головы надевали русские картузы или же национальные шапки, сделанные из материи темного цвета.

Женщины из богатой семьи одевались зимой в овчинные шубы, покрытые сукном или плисом, или бархатом, сверх шубы западные буряты надевали хубайхи или дэглээ, восточные — оожи из парчи или бархата. Головы покрывали платками и шальями русского производства или же надевали бобровые конусообразные шапки; на ноги надевали унты, сшитые домашним способом из овчины, на шею — украшения, состоящие из золотых монет, маржанов и серебряных украшений. Девушки тоже надевали в зимнее время шубы из овчины, покрытые сукном или плисом, или бархатом, на головы надевали платки и шали русского или китайского производства, на ноги — унты. Кроме того, женщины надевали на пальцы золотые кольца и суперики, а также браслеты и броши и серги золотые. Бедняки таких украшений не имели, украшения их состояли из серебра. В летнее время все женщины надевали

шелковые или чесучовые халаты, замужние сверх их— безрукавки—оожи. Цвет халатов и шуб был самый разнообразный, преобладали яркие цвета. Собравшиеся находились в юрте (в избе) или во дворе. Во дворе располагались в большинстве молодые, чтобы вдали от глаз старших поговорить, посмеяться и по зубоскалить.

Родители невесты готовили молочную водку, кислое молоко и совершали жертвоприношение местным своим покровителям, чтобы они благословили предстоящую свадьбу, чтобы свадьба прошла удачно и чтобы все участники ее погуляли хорошо. Один старик из родственников совершал брызгание, он брал чашку с водкой и произносил такие слова призывания:

Сөөг!

Гушан гурбан Готол,
Гурбан зуун шүүгэл,
Дүшэн дүрбэн Готол,
Дүрбэн зуун шүүгэл,
Баруулажа дууданам
Табин табан тэнгэри,
Ахалагша Эсэгэ Малаан баабай,
Эхэ Юуран ийбии,
Бухан ноён баабай,
Будан хатан ийбии,
Унгилама угмнай,
Түрэлэмэ түүхэмнай.
Бухан ноён баабай,
Арбайма ехэ эбэртэй,
Ганжама ехэ бойногтой,
Гарайма ехэ эбэрээрээ
Үндэр тэнгэри һиилһэн,
Ганжама ехэ бойногоороо
Үргэн дэлхээ шударһан
Булагат хүүни гарбали,
Бурят хүүни түүхэ,
Үргэһээмнай эри болгогтуун,
Үдхөөһээмнай унаа болгогтуун,
Мүргэлиймнай абагтуун,
Үрөөлөө үгэгтүүн!

Сөөг!

Дайдымнай үбгэд,
Далаймнай һамгад,
Үндээмэ ехэ үбгэдмнай,
Хандайма ехэ һамгадмнай,
Үндэр хадайн дуурай баряшан,
Үргэн голой һэльэе хараашан,
Энэ дайдаяа эжэлэйшэн,
Хан дайдаяа хараашан,

Үбгэнэй хоёр түргэд
Ингаан Хөөстэй хоёр,
Хөөстэйн хоёр түргэд
Буян Баатан хоёр.
Буянай хүбүүн
Аба-шижитэй Буяшха,
Буяшхиин түргэд
Шобхоног Пороол хоёр ло,
Шобхоногой түргэн
Түргэн шара Егөөр лэ!
Сөөг!
Емгэрээр нэльбээ баряшан
Байхлайн хүбүүн Армаан,
Үабайшхиин хүбүүн Халмаат,
Дабиин хүбүүн Түнтэгэр,
Боһомоли хүбүүд
Ботог Хүлэг хоёр.
Байсаяа эжэлээшэн:
Бажигиин хүбүүн Баатар,
Түлөөсэйн хүбүүн Түгэт,
Заяанай басаган Заяахан,
Зүнтэйн басаган Зөөлэн,
Шаргайн басаган Шаруухан.
Сөөг!

**
*

Сөөг!
Тридцать три Готола,
Триста шугэлов,
Сорок четыре Готола,
Четыреста шугэлов,
Призываю справа
Пятьдесят пять тэнгэринов,
Старшего из них Эсэгэ Малан-отца,
Эхэ Юран-мать;
Быка начальника отца,
Будан госпожу мать,
Наших родоначальников,
Основателей нашего племени;
Быка отца начальника,
Имеющего расходящиеся большие рога,
Свисающую подшейную кожу;
Большими своими рогами
Бороздящего небесный свод,
Широкой подшейной кожей
Бороздящего широкую землю,
Вы, родоначальник племени Булагат,
Исток бурятского народа!

Наших детей вырастите людьми,
Наш скот сделайте подводами,
Примите наше жертвоприношение,
Дайте нам благословение!
Сөөг!
Местные покровители, старики и старухи,
Высокие наши старцы,
Могучие наши старицы,
Ловящие звуки высоких гор,
Смотрящие на низины долин,
Владельцы нашей земли,
Охранители нашего добра,
Два стремительных сына Убугуна—
Инган и Хостой.
Хостоева два сына—
Буян и Батан,
Буянов сын—
Буяшха могущий,
Буяшиева сыновья—
Шобхоног и Порол,
Шобхоноков сын—
Разудалый Егор.
Сөөг!
Избравшие местом своего упокоения
Сопку горы Емгэр,
Бахлаев сын Роман,
Хабашкин сын Халмат,
Дабиев сын Түнтэгэр,
Богомоловы сыновья
Ботог и Хүлэг,
Хранители местности Байса,
Бажигеев сын Батар,
Марханаков сын Тугут,
Заянова дочь Заяхан,
Зунтоева дочь Шарухан.
Сөөг!

После жертвоприношения все выпивают водку. Отец невесты из котла вынимает мясо и кладет в цельницу, а котел снимает с подставки около стены юрты. Потом садится около мяса, отрезает по маленькому кусочку от каждого вида и трижды бросает в домашний очаг. При этом шонотом говорит:

Гал гуламтын эжэн
Сахяадай ноен баабай,
Сахала хатан ийбии,
Минган жэлдэ минаа барюулаашан,
Түмэн жэлдэ түүргэ бодхоошан!

Хозяин домашнего очага
Сахяадай начальник-отец,
Мать—Сахала госпожа,
Дающие благословение
В течение тысячи лет держать кнут,
Дарующие благословение
В течение многих лет водружать туургэ!

После этого торжественно вручает в руки двум парням—родственникам целое бедро лошади, весом приблизительно с пуд. Парни берут мясо, садятся и едят. Прочее мясо кладется в деревянные корытца—«гэбши» и раздается присутствующим, хозяйка подает молочную водку, все выпивают и кушают мясо.

Самые лучшие лошади—рысаки, иноходцы и бегунцы, оседланные в лучшие седла или впряженные в экипажи, с колокольчиками на дугах, стоят на дворе. Два молодых парня, поев мяса бедра, садятся на пару лошадей с колокольчиками, приготовленную для невесты с подружками, и едут искать невесту. Молодые парни, наевшись вдоволь мяса, выходят, садятся на лошадей и едут по улусу. Кто пускается в скачки, кто на паре летит, как стрела, по улицам. Над улусом стоит шум и гам, там и сям звенят дужные колокольчики, раздается бряцание потфеев и черкунцов. Этот обычай называют разминанием необъезженных лошадей, он является далеким отголоском седой старины. В давние времена невесту умыкали из чужих дальних родов, умыкание было связано с драками и боями. Надо было иметь хорошо объезженных лошадей, так как за умыкавшими гнался род невесты, хорошо вооруженный. До нас дошло предание Шаралдаева рода, которое рассказывает об умыкании невесты Убай мэргэном, с Ноетского рода, живущего на реке Ангара, в 150 верстах от Шаралдаева рода. Погоня застала умыкавших невесту на водораздельном хребте рек Иды и Осы. Убай мэргэн был знаменитым стрелком и силачом. Навстречу погони он выпустил свою боевую стрелу, которая попала в лиственницу, стоящую на дороге. Пробив насквозь лиственницу, она застряла. Погоня увидела стрелу мэргэна и вернулась домой. После дело уладили миром.

Парни, посланные за розыском невесты, заезжают в каждый дом ее родственников, обыскивают, лазят по чердакам, юртам, по скотным дворам, заглядывают в подполье. Если много родственников, то парни устают; сердятся на тщетные поиски, выходят из себя. Молодежь, разминающая лошадей, ежеминутно приезжает к ним и спрашивает о результатах розыска. Многие девушки, отдаваемые не по любви, пользуясь своим правом прятаться, убежали ночью со своим возлюбленным и венчались в миссионерских станах за известную мзду.

Когда же, наконец, найдут невесту с ее подружками, то они, защищаясь до последней возможности. Для этого девушки обни-

маются крепко-накрепко друг с другом, связывают косы, переплетаются ногами, руками, царапают, бьют и лягают нападающих парней. Парни отделяют каждую или же поднимают всех, вытаскивают во двор, во весь карьер едут к дому родителей невесты.

Здесь вытаскивали девушек из телеги или саней и заносили в юрту или дом, но девушки все же отбивались и защищались. Парни выбивались из сил, тогда помогали им другие. Невесте мыли лицо, подружки одевали ее в нарядную одежду. (В некоторых местах невесту одевали в мужскую одежду, а одного парня в ее одежду.)

К тому времени, когда оденут невесту, подростки и молодежь уже размяли лошадей и налаживают столы, подают кушанья и водку. Все садятся и угощаются, невесте и ее подружкам подают особо за отдельным столом.

Когда все наедятся, то собираются. Невесту окружают плотным кольцом подружки, они покрывают себя поверх большой шалью и плачут. Молодежь образует круг, вовлекает в него невесту с подружками, все поют и пляшут.

Гүрэмэл һүүлтэй хулая
Ута һахалтай үбгэнөө
Абай түрүү болгоя,
Хорьмой түрүү болгоя.

Алтай хадын хажууһаан
Агтайн түбэрөөн гарана ла,
Аха баабайн тииргэнһээн
Нааданай түбэрөөн гарана ла.

Соврасую лошадь с заплетенным хвостом
Пошлем посланцем облавной охоты;
Седого старика с длинной бородой
Выберем начальником нашего поезда.
С высоких склонов Алтая
Раздаются гиканья облавщиков,
С улуса большого деда
Раздаются песни свадьбы.

Песня эта относилась к глубокой древности, она говорит нам об умыкании невест с облавной охоты.

Пляска продолжается своим обычным чередом, провожающая молодежь поет:

Хормойн шэнээн үүлэнһээ
Хура орохо ёһотой ло,
Хори хүрэхэ наһанһаа
Харин болхо ёһотой ло,

Малгайн шэнээн үүлэнһээ
Манан бууха ёһотой ло,
Мандагар болоһон наһандаа
Хүүнэй болхо ёһотой ло.

От тучи величиной с подол
Должен падать дождь,
С двадцати лет девушки
Должны быть отданы на чужбину.
От тучи величиной с шапку
Должен пасть туман,
Девушки зрелого возраста
Должны быть проводимы на чужбину.

После этой песни молодухи поют:

Түмэр түмэр үүдыен
Түгдэ түльхэн ороорой,
Түмэн зоной байхадан
Түдэнгүйээр байгаарай.
Харша харша үүдыен
Хамха түльхэн ороорой,
Хамаг зоной байсаран
Халингүйээр байгаарай.

Железную, железную дверь,
Толкнув, отломив, войди;
В присутствии тысячи человек,
Не боясь, не оробев, войди!
Деревянные, деревянные двери,
Выворотив, толкнув, войди,
В присутствии множества людей,
Не стесняясь, не боясь, войди!

Песня эта дает наказ девушке, чтобы она вела себя на чужбине как человек, не робела, не стеснялась людей, чтобы она не считала себя чужим в новой среде и обстановке. Будущая среда девушки была полна условностей и традиционного этикета, существовавших с седой древности. Эта среда была насквозь проникнута идеей патриархата, основанного на господстве старших, уважения к ним и воздания им почестей. Девичье положение сравнительно с положением молодухи в доме мужа было диаметрально противоположным. Замужество ограничивало свободу, жена становилась зависимой от мужа, его родителей, братьев и их жен. Всех старших она не имела права называть по имени, не могла в присутствии их сидеть с непокрытой головой, без обуви, стоять и сидеть к ним спиной, разговаривать и смеяться в их присутствии. В юрте ей отводилось особое место, она могла передви-

Хүүнэй хүрээр ябаарайш.
Унаашни уяхан,
Унанай талаар ябаарайш,
Ухаашни залуухан
Хүүнэй хүүрээр ябаарайш.

Конь твой молоденький —
Сторонись препятствий,
Тело твое еще слабенькое—
Следуй советам людей.
Конь под тобой еще мал —
Реки объезжай,
Разумение твое молодо,—
Следуй советам людей.

Невеста продолжает:

Гэбхи сэмбэ нэхэдэг
Эрхүү город хосорог даа,
Хариин болохоор үргэлэн
Эхэмни хосорог даа.
Хармаажан сэмбэ нэхэдэг
Тельминин фабрика хосородаа,
Худалдаанда одохоор тэжээлэн
Гаргаһан эхэмни хосорог даа.

Иркутск выпускает плохое сукно,
Так он будет проклят,
Мать родила меня для чужбины,
Так будь она проклята.

Фабрика¹ ткет карамзиновое сукно,
Так будь она проклята;
Мать родила меня для чужих;
Так будь она проклята.

Молодежь поет:

Ганса сусал гал болохобэй юм,
Ганса хүүн хүүн болохобэй юм.
Ганса ошонһоо гал болохобэй юм,
Ганса басаган хүн болохобэй юм.

Одна головешка
Не разгорается в большой костер,
Один человек
Не может размножиться в род.

---

¹ Тельминская суконная фабрика (Иркутская область).

Одна искра
Не может создать пылающий
костер;

Одна девушка
Не может разрастись в племя.

Невеста с подружками:

Элгэбшэтэй хэбтэхэдэмни,
Эхэмни минии гэжэ үргэлэй.
Эхээ шэнээн болоходомни,
Хариин гэжэ газаашалбат.
Бааяжа хэбтэхэдэмни,
Баабайн гэжэ үргэлэйт,
Баабайяа шэнээн болоходомни,
Басаган гэжэ газаашалалайт.

Когда я лежала в пеленках,
Все говорили: дочь матери,
Когда же я выросла,
То говорят, что я чужая.
Когда я была малюткой,
Все говорили: дочь отца,
Когда же я стала взрослой,
Считаете девушкой чужой.

Присутствующие поют:

Гунатай бага үргэнэн,
Гурбан зуун наадаг болодог ло.
Дүнэтэй бага үргэнэн,
Дүрбэн зуун наадаг болодог юм

Трехлетняя малютка, выданная замуж,
Размножается до трехсот луков,
Четырехлетняя девочка, отданная на чужбину,
Образуег улус в четыреста луков.

Невеста с подружками:

Хурганайн шэнээн байхадаа,
Эхэдээ юунаар сэнтэй бэлэйб,
Эхээ шэнээн болоходоо,
Харидаа юунаар сэнтэй бэлэйб?
Барбагайн шэнээн байхадаа,
Баабайдаа юунаар сэнтэй бэлэйб,
Баабайяа шэнээн болоходоо,
Харидаа юунаар сэнтэй бэлэйб?

Когда я была с перст,
Во что оценивала меня мать?
Когда же я выросла,
Во что оцениваюсь чужбиной?
Когда я была с ладошку,
Во что оценивал меня отец?
Когда же я стала взрослой,
Во что оцениваюсь чужими?

Присутствующие поют:

Таанар һаншагта зон —
Бүгдэ хүүнэй хахадын юумат,
Хоримбэй болоболиин
Дэлхэй дээрэ хүн үдэхэбэй;
Таанар басагад
Бүгдэ зоной хахадын байнат,
Түрэбэй болоболиин
Манай зон гээгдэхэ байна.

Вы, женщины,—половина человечества,
Без брака жизнь человечества прекратится,
Вы, девушки,—половина племени,
Без замужества жизнь племени прекратится!

Невеста и ее подружки поют:

Хагда шүүрэн эдихэ
Хара морин тэнэг лэ,
Хүүжүүлэнэнэ наймаалха
Эхэ хүүн тэнэг лэ.
Модо хэмэлэн эдихэ
Малаан морин тэнэг лэ,
Мансуйлһанаа наймаалха
Манай эсэгэ тэнэг лэ.

Глупа та лошадь,
Которая гложет ветошь,
Глупа та мать,
Которая продает свою дочь.
Глупа та лошадь,
Которая кусает дерево,
Глуп тот отец,
Который продает свое дитя.

Все присутствующие поют:

Харә хара мориие
Хазаарлаха гэлсэнэ лэ,
Хара зоной харгуйгаар
Хатаргаха гэлсэнэ лэ.
Улаан улаан мориие
Эмээллэхэ гэлсэнэ лэ,
Уухи эхэ эсэгээ харгуйгаар
Харайлгаха гэлсэнэ лэ.

Карего, карего коня
Обуздать, говорят;
По народной дороге
Рысить, говорят.
Буланого, буланого коня
Оседлать, говорят;
По дороге великого отца
Скакать, говорят.

Невеста и подружки поют:

Багадаа үмэдэһэн дэгэлни
Баабайн гэртэ үлгээтэй лэ,
Баабай намадаа гэсэрэмни
Басаган гэжэ голобо ло.
Элгэбшэтэйдөө үмэдэһэн дэгэлни
Эхэйн гэртэ үлгээтэй лэ,
Эхэ намадаа гэсэрэмни
Үхин гэжэ голобо ло.

Шуба, которую я носила малюткой,
Висит в юрте отца,
Просила отца, чтобы он отдал ее мне,
Он отказал, говоря, что я девушка.
Халатик, который я носила
в пеленках,
Висит в юрте матери,
Кланялась, чтобы она дала его мне,
Она отказала, говоря, что я чужая.

Присутствующие поют:

Алаг алаг морёо
Абай түрүү болгое,
Альбан залуу хүбүүгээ
Хорьмой түрүү болгое.
Улаан улаан морёо
Урилдаанай түрүү болгое,
Урин һайн хүбүүдээ
Түриин түрүү болгое.

Пегую лошадь
Пошлемте передовиком облавы,
Умного молодца
Снарядимте передовиком свадьбы.
Белую лошадь
Отправимте передовиком скачки,
Красивого молодца
Снарядимте передовиком поезда.

После этих песен в юрте слышны плач, вой женщин и молодых, и старых. Пожилые женщины и молодухи плачут, причитают и воют, жалея девушку. Многие из них, вышедшие замуж не по любви и влечению сердца, вспоминают мучения и жестокости своих мужей, свекров и свекровок, свои избиения и издевательства над собой. Смотря на своих матерей и бабушек, плачут малыши и подростки. Получается тяжелая картина. Угнетенное и бесправное положение женщины в дореволюционное время всплывает во всех своих видах наружу.

Между тем невеста и подружки крепко-накрепко обнимаются, берут косы в зубы, их ноги и руки переплетаются, все они пластом лежат на полу юрты. Их окружают все присутствующие девушки. Настает горячее время боя девушек с парнями. Девушки защищаются всеми средствами, отбиваются, кусаются, щиплются, царапаются, толкаются, пинаются, лягаются. Молодые парни набрасываются со всех сторон, отбивают девушек по одиночке и выталкивают в дверь. Наконец, кое-как отбивают невесту, сажают на верховую лошадь или в экипаж, а с ней вместе двух-трех девушек, на козлы садится заранее назначенный парень из родственников.

Собравшиеся сопровождать невесту садятся также на коней и в экипажи. Отец и мать невесты едут впереди всех, за ними повозка невесты и ее подруг, за невестой подвода с приданным ее, а за ними уже прочие сопровождающие и целая конница молодых на верховых лошадях. Сначала едут шагом, а потом рысью.

В старину отец и мать невесты брали со свадебным поездом «хэһэнэг» — своеобразный высокий узенький ящик, сделанный из кожи лошади, заколотой на девишнике невесты, с гривой и хвостом, украшенный национальным орнаментом. В него клали боевую стрелу, нож и березовое деревцо. Этот обычай позабыт аларскими, осинскими, унгинскими, боханскими и кудинскими бурятами, сохранялся он до недавнего времени у качугских, ольхонских, кударинских и баргузинских бурят. Существовал ли такой обычай у забайкальских бурят, у нас нет сведений. По крайней мере наши расспросы хоринских, агинских и селенгинских бурят не дали никаких результатов.

Остающиеся дома провожают отъезжающих и говорят им благопожелания, а потом расходятся по домам. Старики и старухи допивают остатки вина и водки от девишника.

Свадебный поезд, выехав за околицу улуса, останавливается на шаманских стоянках, которые имеются в каждом улусе. Один старик разводит костер, приносит жертву мясом и водкой, захваченными из дома отцом и матерью невесты. Жертва эта направлена местным старцам и старицам, чтобы они благословили и охраняли в пути свадебный поезд и дали возможность благополучно справить свадьбу. Слова призывания те же, которые мы приводили раньше. Затем свадебный поезд во весь карьер несется прямо к улусу жениха. Конница молодежи скачет впереди. Тут есть рысаки, иноходцы и скакуны, которые не один раз были победителями на скачках и сурхарбанах. Образуются три группы: рысаки, иноходцы и скакуны. Каждая группа соревнуется, чья лошадь победит. Слышатся шум, гвалт, гиканье и топот конницы. Пыль столбом поднимается к небу, проезжающие сворачивают с дороги, останавливаются, смотрят, любуются наездниками и их конями. Проехав известное расстояние, молодежь останавливается, дает передышку лошадям. Возникают споры и даже ссоры о том, чья лошадь бежит лучше. Подъехавшие старики и пожилые вмешиваются в споры и выясняют недоразумения. В пути молодежь устраивает борьбу. Два молодца сходят с коней, раздеваются и борются. Подростки играют на своих верховых лошадях вдогоняшки и меты. Гоняясь друг за другом, поднимаются на горы и бугорки, заезжают в лес. В общем весело и занимательно всем. Так они доезжают до шаманской остановки того улуса, где живет жених.

VIII. ОЖИДАНИЕ ДНЯ СВАДЬБЫ В ДОМЕ РОДИТЕЛЕЙ ЖЕНИХА

В день приезда свадебного поезда в доме родителей жениха с утра собирались родственники и одноулусники, приезжали и те дальние родственники, которые были оповещены заранее и должны оплатить «харюу»—подарки, полученные в день своих свадеб от родителей жениха. Родственники жениха совместно с родителями его приготавливали все необходимое: назначали ответственных лиц по встрече гостей, приему лошадей, наблюдателя за костром во дворе, распорядителя запаса, а также песенников и балагуров для состязания и развлечения гостей. С самого утра во дворе разводили костер, ворота открывали настежь, со двора убирали все лишнее, двор выметали начисто, назначали помещения для приема гостей, расставляли мебель, приготавливали угощения, варили мясо в больших котлах, разливали водку и вино в посуду. Если было лето, то свата и сваху принимали в юрте отца жениха, невесту с подружками и вообще молодежь в юрте жениха. А если нет у него своей юрты, то в одном из домов родителей жениха. Помещение, отведенное невесте с ее подружками, называли «шэнэ гэр» — новая юрта. Угол, где должна будет помещаться невеста с подружками, завешивали занавеской или кошмами. Помещение, которое отведено приезжему свату, называли «худын гэр»—юрта свата. В день приезда свадебного поезда отец жениха принимал свата и приглашал в дом или юрту. Им подавали угощения, они беседовали, выпивали. Но две свахи по обычаю не встречались до совершения обряда бракосочетания «мүргүүмжэ». Мать жениха должна была находиться в юрте, а не в избе, хотя бы и зимой. В юрте она в числе своих родственников и мужа встречала туруушиев—предвестников свадебного поезда.

В ожидании гостей молодежь устраивала пляску «Еэхэр», не отставали от нее подростки и дети. Они тоже создавали свой круг и плясали. Старики, старухи и пожилые люди, в ожидании гостей, сидели, выпивали общественную водку, принесенную из каждого дома или купленную на общественные деньги,—«ведрое мүнгэн»; беседовали на разные темы.

У бурят в обычае принимать всякого человека: знакомого или незнакомого, приезжего или заезжего. Для этого ворота во все

дни свадебного празднества бывают открытыми настезь. Всякого пришедшего из другого улуса или же проезжающего приглашают в дом или в юрту, угощают водкой и мясом. Поэтому-то на свадьбу бурят собирались все убогие, слепые, хромые, одинокие, бобыли, приходили даже из соседних русских сел и деревень.

На свадебный пир у бурят собирались люди не только из данного улуса, но и из соседних улусов. Каждый человек имел право гулять наряду с приезжими гостями, сесть с ними за один стол, выпивать, закусывать, принять участие в состязаниях по вопросам происхождения племен, родов и улусов. Никто не имел права выгнать его или обделить круговой чашкой водки. Недаром у бурят существует поговорка: «На свадебном пиру валяется изглоданная голова».

Со свадебным поездом приезжали многие родственники тех бурят, которые жили в одном улусе с родителями жениха. Каждый приезжий гость считал нужным навестить свою родню. А родни у бурят много. Родственные термины у западных бурят сохранились хорошо и бытуют в наши дни. Если приедут со свадебным поездом сестра с мужем или сын ее или дочь, племянник бабушки, или племянница, или родственники 5—7 поколений, то каждый бурят считает своим долгом пригласить их к себе, угостить водкой и мясом. Таких людей набиралось множество: один поджидал сестру с мужем, другой своего свояка с женой, третий свата со сватьей, шестой племянника бабушки своей и т. д. В ожидании гостей собравшиеся пели обычно так:

Алтай хүбшын арадан
Агтайн түбэрөөн гарана ла,
Аха баабайн тииргэндэн
Хатарай түбэрөөн гаран ла.
Хүхээ хадайн хүбшэдэн
Хүлэгэй түбэрөөн гарана ла.
Хуушан баабайн тииргэндэн
Хорьмой түбэрөөн гарана ла.

С северной стороны алтайских гребней
Отдается топот лошадей,
С улуса старого отца
Слышится топот скачущих.
С гребней горы Хухэй
Отдается топот выносливых коней,
С улуса старшего отца
Раздается топот свадебного поезда.

Песня эта, как вообще песни бурятского народа, имеет много вариантов и параллелей, которые зависят от находчивости и сообразительности исполнителей. Тема — свадьба и ее обряды. По этой

канве певец-импровизатор создает бесчисленное множество вариантов. Такие песни являются предварительной тренировкой певцов, видевших на своем веку много свадебных пиров, слушавших пения и состязания лучших певцов родов и улусов. Они вспоминали многие эпизоды про состязания певцов, сочиняли новые песни и готовились ко встрече гостей, обсуждали песни предыдущих состязаний и встреч, оценивали достоинства и недостатки их. У бурят каждый человек знает певцов, «үльгэршинов» (сказителей), «түхэшинов» (знатоков старины), импровизаторов из окружающих улусов, так как они пользуются всеобщим уважением и вниманием. На общественных празднествах и торжествах им отводят особые места и все внимание бывает обращено на них. Называют имена песенников из улуса и рода невесты и назначают своих певцов выступить против них. Расставив силы певцов и знатоков старины, собрание не обходит и женщин-певиц и түхэшинок, которых тоже мобилизуют и намечают, кто и против кого выступит.

Когда все приготовления закончены, тогда жених устраивал жертвоприношение молочной водкой — «хаялга» местным покровителям рода и улуса. Мать жениха готовяла все необходимое к «хаялге», один из стариков, обычно родственник жениха, совершал жертвоприношение. В своих призываниях старик просил покровителей рода и улуса дать счастье и благополучие бракосочетающимся.

К вечеру приходили все одноулусники. Они были одеты в свои лучшие халаты или шубы, шапки и обувь.

Старики обсуждают пляску молодежи и хвалят удалство и мастерство отдельных любителей и любительниц национальной пляски.

Время уже к закату, распорядитель посылает двух верховых на разведку, узнать, не едут ли гости. Верховыми бывали всегда подростки — лихие наездники, постоянные седоки конских состязаний на тайлганах и сурхарбанах. Они садились на своих коней и в один миг скрывались.

Разведчики обычно заставляли свадебный поезд у околицы улуса, в трех-четыре верстах. По обычаю бурят приезжий сват вез с собой несколько туязков молочной водки для жертвоприношения местным божествам на стоянках умерших шаманов — «барьса». По приезде к «барьсе» весь свадебный поезд останавливался, все сходили с лошадей и экипажей, один старик разводил костер на «туүрге барьсы». Другой старик выступал в качестве исполнителя обряда и призывателя местных шаманов и шаманок умерших. После жертвоприношения все присутствующие выпивали по чашке жертвенного вина или водки. Распорядитель свадебного поезда, родственник отца невесты, срезал молодую березку, давал одному из трех «туруушинов» свадебного поезда — предвестникам. Те садились на своих верховых лошадей, первый из них брал в руки боевую стрелу, второй — нож, а третий — бе-

резку. По команде распорядителя они во весь карьер пускались прямо к улусу. Разведчики, заметив их, поворачивали своих лошадей и тоже во весь карьер неслись к улусу. Туруушины старались догнать и обогнать их.

Многие молодые забирались на высокие здания и наблюдали. Увидев несущихся в карьер людей, они кричали: «Едут, едут, едут!» Тогда вся молодежь входила в круг и начиналась грандиозная пляска молодежи, подростков и детей. Молодежь занимала центральное место во дворе. «Туруушины» во весь карьер неслись прямо на круг молодежи. Завидев у ворот скачущих, молодежь сразу же разрывала свой круг и пропускала их. Потом снова смыкала круг, и пляска продолжалась. Туруушины подъезжали прямо к юрте, оставляли лошадей и без всяких приветствий входили в юрту.

У забайкальских бурят отец жениха посылал трех человек на встречу гостям с закуской и водкой. Они выезжали за околицу улуса, садились у дороги, разводили огонь. Когда же подъезжали к ним гости, то местные спрашивали:

А й л а й х и д. Таанар юдабта?

А й л ш а д. Бидэ холойн хүүнүүдбди. Хашараг буха үгы болгоод, бэдэржэ ябанабди? Таанарай малаар тиймэ буха үзэгдэнэ гү?

А й л а й х и д. Бии, бии! Үсэгэлдэр манай малнуудаар тиймэ буха ерээхэн. Ямар зүхэтэй хэмби?

А й л ш а д. Боро, боро!

А й л а й х и д. Эбэртэй гү, эбэргүй гү?

А й л ш а д. Эбэргүй, тиймэ таргахан, аляа буха хан.

А й л а й х и д. Тиймэ. тиймэ. хододоо хүниие мүргэхөө ханаад ябадаг хан.

А й л ш а д. Манай, манай! Эндэ ерээд байгаа бшуу!

А й л а й х и д. Хэлэхэ юумамнайгүй.

А й л ш а д. Архи бии гүү танда?

А й л ш а д. Бии! Мориноһоон буугты. Манай хүндые баригты.

А й л ш а д. (Мориноһоон буунад). Хүндөһээтнай гасаархахагүйбди.

А й л а й х и д. Хүүнэйрхэнгүй зугаалагты.

А й л ш а д. Урданай худануудһаан хүүнэйрхэхэ гэжэ юун байхаби?

Местные. Кто вы такие?

Привезжие. Мы дальние. Потерялся у нас бычок, вот ищем его. Не пристал ли к вашему стаду такой бычок?

Местные. Да, да! Вчера он пришел со стадом. А какой же он масти?

Привезжие. Масти серой!

Местные. С рогами или безрогий он у вас?

Привезжие. Комолый, такой сытенький, резвый.

Местные. Да, да! Все собирается бодаться.

Приезжие. Наш, наш! Вот куда забрался!

Местные. Больше ничего не скажем.

Приезжие. Есть у вас водка?

Местные. Есть! Этого добра у нас много! Сходите с коней, примите наше скромное угощение.

Приезжие. От угощения мы не отказываемся (сходят с лошадей и начинается пир).

Местные. Будьте как у себя дома!

Приезжие. Разве можно стесняться своих давнишних друзей и родни?

Наугощавшись вдоволь, они садились на своих лошадей и скакали к улусу жениха во весь дух. При въезде в улус местные по обычаю отставали от гостей. «Туруушины» неслись прямо к дому жениха, въезжали прямо во двор. Их встречали старики и старухи, вводили в дом, все вставали, справлялись друг у друга о здоровье знакомых и друзей. Потом начинались угощения. Приезжим подавали молочную водку в больших чашках (сара). По обычаю они должны выпить в один прием.

У западных бурят свадебный поезд посылает «туруушинов» только после того, как будет остановка у «барьсы», и устроится возлияние местным божествам. Число «туруушинов» так же, как у восточных бурят, 3 человека. Причем, у западных принято было посылать «туруушинами» людей, знающих обычаи, обряды, свадебные песни и свое родословное. Стрела и нож их имели назначение испугать злых духов и рассеять их козни, березка являлась символом счастья бракосочетающихся. Тот, кто держал стрелу, подходил к северо-западному столбу юрты и втыкал стрелу в столб. Тот, кто держал нож, тоже подходил к тому же столбу и втыкал нож в столб, немного ниже стрелы. А тот, который приехал с березкой, ставил березку так, чтобы она верхним концом выходила через дымоход, другим концом упиралась в тот же столб юрты.

После того они здоровались с местными стариками и старухами, справлялись о здоровье, об урожае, о скоте и табунах. Местные подавали им молочную водку в больших чашах, которые они должны выпить до дна в один прием. Если же кто-нибудь из них отказывался, то местные угрожали им тем, что они выльют ему за пазуху, говоря: «Выпейте до дна и стукните чашкой по лбу». После того, как изрядно выпьют, как гости, так и местные пели песни. Петь начинали приезжие. Распевались традиционные песни.

Бүргэдэй үдэтэй һомоео
Бүүргэдэй хатхан хатаргабабди.
Бурханаа ехэ түрниеэ
Бүтээхэ гэжэ ерэбэбди.
Тарбажын үдэтэ һомоео

Хажуудаа дүрэн хатаргаабди.
Ханхан ехэ түрииеэ
Хүсээхэ гэжэ ерээбди.

Стрелу с пером орла,
Поддев сзади, мы рысили;
Священную нашу свадьбу
Сыграть мы приехали.
Стрелу с пером степного орла,
Прицепив с боку, мы рысили;
Высокую свадьбу нашу
Завершить мы приехали.

На это местные отвечают так:

Бүргэдэй үдэтэй номытнай
Бүхэ тээнгимнай угтаба ла,
Богдо ехэ түрииеэ
Үглөө болоходон бүтээе.
Гарбажын үдэтэ номытнай
Тулаһан тээнгимнай угтаба ла,
Үндэр ехэ түрииеэ
Үглөө үдэр хүсээе.

Стрелу вашу с орлиным пером
Встретил крепкий столб,
Священную нашу свадьбу
Сыграем в завтрашний день.
Стрелу вашу с пером степного орла
Встретил опорный столб,
Высокую нашу свадьбу
Завершим завтра утром.

Во дворе молодежь и подростки плясали танец «Еэхэр», свадебный поезд въезжал во двор, местные выбегали из юрты и избы, встречали гостей, бегали, суетились, обнимались, спрашивались друг у друга о здоровье, молодежь принимала лошадей. Гости приглашали в юрту и избу. Невесту с подружками принимали в специально отведенную юрту или дом, отводили ее за специальную занавеску—«хушэгэ», ее окружали подружки и молодежь обоого пола. Свата и сватью встречал сват и вводил в специально приготовленный дом, куда приглашали стариков и старух. Всех усаживали за столы. Отец жениха проверял все посты, давал приказания, смотрел за молодыми, как они распрягали лошадей, как складывали упряжь в амбар.

Как гости, так и местные старались быть радостными и вежливыми, величали друг друга сватами и сватьями. На стол по-

давались угощения в виде бедренной и берцовой кости, лопатки, ребер с брюшным салом, шейного сала, молочной пищи. Молочная водка подавалась в жбанах с большой китайской чашкой, русская водка—в графинах и бутылках с рюмками или же маленькими деревянными чашками. Гости выпивали и закусывали, говорили всевозможные шутки и прибаутки, которыми так богат бурятский народ.

Молодежь после сытного и обильного ужина выходила во двор и принималась вновь за пляски. Местная молодежь оказывала гостям большое внимание, предупреждала всякое их желание, приглашала в круг плясать.

Стариков, старух и пожилых приглашали родственники жениха к себе. Они посещали всех родственников, потом их разбирали на ночлег.

Молодежь же после пляски тоже шла в гости к ближайшим родственникам жениха, где угощали их водкой, мясом и разными закусками. После этого родственники жениха разбирали гостей по домам на ночлег.

IX. БРАКОСОЧЕТАНИЕ

(Мүргүүмжэ)

В бурятском свадебном ритуале обряд «мүргүүмжэ» — бракосочетание — играл первенствующую роль. Все мероприятия сводились к обряду поклонения онгонам — духам. До совершения обряда жених и невеста являются людьми, ничем не связанными. Их называют «хубуун» — парень, «басаган» — девушка. Они не имеют права говорить друг другу нежные слова, сидеть вместе, оказывать друг другу внимание, даже беседовать о текущих делах своей свадьбы. Нарушение этого обычая считалось предосудительным и неприличным. Такое нарушение было допустимо в том случае, если невеста не любила жениха, не желала стать его женой.

К обрядам поклонения онгонам, домашнему очагу и бросанию сала в грудь отца жениха как невеста, так и жених относились с особым вниманием. Они видели в этих обрядах залог будущего своего семейного счастья, чадородия. По их понятиям вся жизнь человека зависела от воли небожителей, племенных, родовых домашних божков. Поэтому обряд «мүргүүмжэ» старались обставить как можно торжественнее. В народе существовали многочисленные приметы, по которым присутствовавшие люди, как со стороны жениха, так и со стороны невесты, судили о будущей жизни бракосочетающихся. Жених и невеста, хотя они и были молоды, неопытны, тем не менее участвовали на свадьбах своих родственников и знали все обряды, обычаи и приметы, поэтому к исполнению их относились со всей серьезностью.

Обряд «мүргүүмжэ» совершался в некоторых местах в день приезда свадебного поезда, а в некоторых — на другой день. В это утро все родственники и приезжие гости собирались в дом жениха. К приходу гостей все необходимое к бракосочетанию приготавливалось родителями и родственниками жениха. На дворе, обычно в ограде родителей жениха, недалеко от юрты вкапывали в землю молодую березку «залма», длиной в три метра, с правой стороны березки на какой-нибудь палке вешали нарядную шубу с безрукавкой матери жениха так, чтобы она имела наклон к солнцу, около шубы стлали белый войлок, на котором ставили онгоны: «Эргил буга ноён тонхой» в виде шкурки хорька с медным

изображением человеческой фигуры (илтаган), онгон «Бойлохон и Тойлойхон» в виде шкурки колонка и горностая с медными изображениями человеческой фигуры и онгон «Бухайн зураг» в виде платка с изображениями различных фигур. Впереди онгонов ставили цельницу с именным мясом: осердие с сердцем и аортой, четыре ребра с брюшным салом, первый позвонок, лопатку заколотой лошади; рядом клали грудинку, бедренную кость, лопатку, ребра, почки, голову, сердце и кровь, начиненную в кишку заколотого барана; дальше ставили крынки с маслом и салом, молочную пищу в ведрах и ушатах. Под шубой матери жениха на белом войлоке, лицом к солнцу садили мужа с женой из родственников жениха. В посаженные к онгонам выбирали людей чадородливых, живущих в достатке, причем зубастых и знающих хорошо обряды, обычаи, живущих первым браком. Они расставляли онгоны, «угощали» их мясом, молочной водкой, маслом, салом, пенками. Посаженные к онгонам супруги пользовались уважением как со стороны приехавших гостей, так и со стороны родственников жениха. Их называли «онгоной үбгэн Намган» — старик и старуха, приставленные к онгонам.

По правую сторону их располагались старики на белых войлоках, а по левую — старухи. Эти люди назывались благопожелателями — «урорщинами». Впереди их разводили большой костерогнище онгона. Костер охранял специально поставленный старик из родственников жениха. Его называли «галша үбгэн» — ведающий огнем.

Происхождение этих должностей сохранилось с далеких прошлых времен. Галша үбгэн есть пережиток родового огнища которое имел каждый род в древности. А Онгоной үбгэн Намган есть пережиток культа старейших, которые благословляли молодежь на брак.

Собравшиеся гости и местные жители в ожидании бракосочетания сидят и угощаются молочной водкой, вспоминают прошедший день, спрашивают друг у друга о том, как провел время, как провел ночь, каково самочувствие, также обсуждают составление в песнях и в знаниях родословных, легенд, преданий родов и племен. Все это делается с обеих сторон весьма вежливо, предупредительно, иногда обиняком, намеками и образно. Вспоминая вчерашний день, одни говорили: «Вчера окна мои закрылись, и я не помню, в каком состоянии лег спать у своего уважаемого свата»; другие говорили: «Припорт¹ мой я заплатил, а что было дальше, не знаю; только проснулся утром у своего свата, не знаю, как я попал туда»; третьи говорили: «Осекся я вчера от выпитой водки» и т. д.

А между тем в новой девичьей юрте идут большие приготовления. Подружки и ближайшие родственницы готовят невесту к выходу. Одевают ее в полный костюм замужней женщины; ле-

¹ Припорт — долг в хлебозапасный магазин.

том одевают в сарафан с безрукавкой, на голову—«бортого малгай»; зимою—в овчинную шубу с безрукавкой, на голову— меховую шапку, обычно из бобра или же выхуоля. На шею надевают холбошо из маржанов, золотых монет, на руки—браслет, кольца и перстни, на уши—серьги. Девичью косу расплетают и вновь сплетают в две косы, как у замужних женщин, и спускают оба конца вниз, вдоль груди. С двух сторон головы прикрепляют по гребню из бронзы или из меди, на темя прикрепляют птицеобразную фигуру—юбу, которая головой выходит на лоб, а крыльями—к вискам, хвостом же—к затылку. Сзади к хвосту прикрепляется гээзэг в виде серебряных пластинок, украшенных серебряной насечкой, спускающихся до колен. К концам этой косы прикрепляются кисточки из разноцветного шелка, на которые нанизываются мелкие серебряные монеты, бусы, красные и белые кораллы. На концах обеих кос вдевались украшения из мелких маржанов, белых бус и мелких серебряных монет; концы их соединялись серебряной цепочкой, а иногда просто крученым шелком. С обеих сторон головы к обоим крыльям прикреплялось украшение «набига», состоящее из мелких бус, мелких маржанов и серебряных мелких монет. Набига спускалась вниз и образовывала красивую подвеску. Лицо закрывалось белой материей, с отверстиями для глаз, которая называлась «нарабша» — покрывало. Обычай закрывать лицо невесты нисходит к древнейшей истории народов Азии. Из библейской истории мы знаем, что Лаван, тесть Иакова, по обычаю, привел свою старшую дочь Лию под покрывалом и выдал за младшую, которую Иаков любил и хотел жениться на ней. На голову надевают бортого малгай. На правый безымянный палец надевали золотое кольцо, которое жених должен отнять перед мүргүүмжэ. Этим кончается приготовление невесты.

После того, как все приготовления закончены, мать жениха выходила из юрты, заходила в амбар, насыпала в берестяный туяз рожь или просо, входила в новую юрту молодежи, здоровалась со сватьей и невестой, целовалась с ними троекратно, справлялась о здоровье, обменивалась чашками молочной водки. А потом брала туяз с зернами и правой рукой разбрасывала их по юрте. При этом она говорила:

Тарьян дэли
Тахалбэй байгтуун,
Ногоон дэли
Нойрбой байгтуй!
Огшон дэли олон бологтуй.
Тарьян дэли тарган бологтуй!

Как хлебные злаки,
Ростите без болезней;
Как травы,
Размножайтесь без хвори.

Будьте многочисленны.
Как трава низин.
Будьте тучны.
Как хлеба!

Сидящие с невестой люди говорили: «Пусть слова твои будут благопожеланием для бракосочетающихся».

А между тем родственники жениха, назначенные на ответственные должности, расставлялись на свои места. Отец жениха проверял все посты и давал дополнительный наказ. Все было предусмотрено им до мельчайших подробностей.

На каждой свадьбе любители выпить под разным предлогом просили вино и водку у поставленного для этого дела родственника жениха. Виночерпий, или целовальник, как принято у бурят называть таких лиц, отпускал просимое или не отпускал, исходя из запаса или повторности просьбы.

Собравшиеся в ожидании выхода невесты с подружками сидели и выпивали, ведя разговоры на всевозможные темы. Молодежь составляла свой круг, живо обсуждала вчерашнюю гулянку у родственников жениха; подростки тоже вели беседу на темы, касающиеся свадьбы. Дети играли возле своих бабушек и дедушек. Жених в окружении своих родственников располагался недалеко от новой юрты. Оба свата выходили из помещения, где провел ночь приезжий сват со своей женой, и направлялись в юрту в сопровождении ближайших своих родственников.

В это время из новой юрты выходила невеста в окружении своих подружек и молодых парней. Над невестой растягивали большую шаль, концы которой держали два молодых парня и две молодухи, родственники невесты. Причем молодой парень, назначенный невестой для получения подарка—«байлгуур», шел по правую сторону невесты и держал ее правую руку, с левой стороны шла молодая замужняя женщина и держала левую руку. Шествие медленно двигалось к онгонам, а за ним выходили все, которые были в новой юрте.

Жених, в окружении своих родственников, подходил к шествию невесты, оба шествия становились рядом, лицом к онгонам. Постояв некоторое время, оба шествия направлялись к заднему выходу двора. По выходе из двора шествие жениха направлялось налево, против солнца, делало круг и шло к передним воротам. Шествие же невесты направлялось направо по солнцу и шло тоже к передним воротам. У передних ворот оба шествия встречались, жених подходил к невесте и становился рядом с ней, шествие его присоединялось к шествию невесты. У ворот жених отнимал золотое кольцо у невесты (поверье среди бурят: если невеста не отдает кольцо, то это есть признак того, что она хочет верховодить над мужем). Обычай обходить кругом усадьбу родителей жениха отражен в старой легенде бурят. Легенда говорит следующее: Эсэгэ Малан баабай создал начало человечества в виде «эхьи алтан умай»—материнского золотого органа и

«эсэгын мүнгэн сэргэ»—отцовского серебряного столба и пустил их в первоначальное молочное море. Материнский золотой орган повернулся направо и сделал круг по солнцу, отцовский серебряный столб повернулся налево, сделал круг против солнца; они соединились, и образовались люди.

После встречи обоих шествий жених брал невесту за левую руку, и общее шествие медленно двигалось к разложенным онгонам. Перед онгонами шествие останавливалось. Сторона жениха снимала шаль и покрывало с лица невесты, затем невеста и жених выходили из круга своих родственников, подходили к онгонам, сложив молитвенно руки по бурятскому обычаю, молились и трижды кланялись онгонам, потом кланялись сидящим старику и старухе, а также сидящим для благословения старикам и старухам. Огневщик подбрасывал новые поленья, и огонь горел ярко.

Все сидящие старики и старухи настораживались, им предстояло исполнить свое назначение. Первыми говорили благопожелания старик и старуха, сидящие у онгона. Благопожелания бурят при одинаковом содержании имеют очень много вариантов. Каждый род, даже каждый улус, имеет свои варианты. Темой их служат счастье, чадородие и долголетие бракосочетающихся. Варианты зависят от мастерства, находчивости и способности говорящего. По традиционной канве каждый говорящий создает художественные узоры по своему умению, способности и находчивости. В этом отношении первое место занимают аларские и унгинские буряты.

Зай!

Удай мүнгэн тэнгэриһэйн

Удха барин бууһан,

Хүхэ мүнгэн тэнгэриһэйн

Хүй татан бууһан,

Хүхэ нюргаараа

Шүргөөн бууһан,

Улаан мүнгэн туруугаараа

Үлгээ газари

Гэшхэн бууһан,

Хүхэ элиһээр

Хэбтэлгэ хэһэн,

Хүхэ хуһаар

Шүргөөлгэ хэһэн,

Сагаан туулайгаар

Үахюуһа хэһэн,

Зулайн дэли хүбүүдэй

Эхэ эсэгэ болооройт,

Зуун улаан тугалай

Эжэн болооройт,

Үанаһанаа хүсэгтуун,

Үарбайһанаа баригтуун.

да!

У неба серебряный Удай,
Взяв происхождение, спустился;
С неба серебристо-голубого,
Связав пуповину, спустился;
Спиной серебристо-голубой,
Почесавшись, спустился;
Копытами медно-серебряными,
Наступив на местность Улгэй,
Спустился (с неба).
Местом лежания
Избрали голубой песок,
Местом чесания
Сделал серую березу,
Подвеском служил
Белый зайчик,
Будьте родителями детей
Светлых, как свеча;
Будьте хозяевами
Ста красных телят.
Задуманное осуществляйте,
Желаемого достигайте!

Все присутствующие кричат: «Пусть будет благопожеланием молодым!» Сторона невесты кричит второму старику, сидящему у огона: «Сват Баахан, прими!»

Он говорит:

Зэлэтнай ута болог,
Зэргэтнай олон болог.
Үндэр тэнгэритнай үрөөжэ байг,
Үлгэн дэлхээтнай үргэжэ байг!
Хаанда алба табигтуй,
Хаанагта улаа табигтуй!

Пусть ряды ваши размножаются,
Пусть стада ваши умножаются.
Пусть высокое небо вас благословит,
Шаровая земля радуется (поднимает)!
Платите ясак царю,
Выставляйте подводы казакам!

Следующий старик говорит:

Таряан дэли тахалбэй жаргагты,
Ногоон дэли нойрбэй жаргагты!
Хойто ута хормойетнай
Адаһатнай гэшхэжэ ябаг,
Урда ута хормойетнай
Ашанадтнай гэшхэжэ байг!

Растите без болезней, как хлеб;
Растите без сна, как трава.
Пусть ваши задние полы
Топчет скот,
Пусть ваши передние полы
Топчут внуки!

Следующий старик говорит:

Хатаргахаар моритой байгаарайт,
Ханхинахаар мүнгэтэй жаргаарайт.
Адуутай баян жаргаарайт,
Ашатай үнэр нуугаарайт!

Чтобы рысить, имейте коня;
Чтобы звенели, имейте деньги!
Расплодите много потомства,
Размножьте много скота!

Следующий старик говорит:

Урилдаанда түрүүлэхэ
Моритой жаргаарайт,
Барилдаанда бай абаха
Хүбүүтэй жаргаарайт!
Үрхөөритнай наран орожо байг.
Үүдээритнай үбгэд орожо байг!

В скачках побеждать имейте скакуна,
В борьбе побеждать имейте сына!
Пусть в отверстие юрты
Входят лучи солнца,
Пусть в двери юрты
Входят старики и старухи!

Следующий старик говорит:

Алаг моритнай агтайн түрүү болог,
Аша хүбүүтнай сэрэгэй түрүү болог!
Хүнжэлөөр дүүрэн хүбүүтэй бологты,
Хүрээгээр дүүрэн адуутай бологты!

Пусть ваш пегий конь
Будет лучшим среди коней.
Пусть ваш сын
Будет предводителем войск!
Расплодите полное одеяло детей,
Размножьте полный двор скота!

Следующий старик говорит:

Абада унаха моритой байгаарайт,
Амитани түрүүлэхэ хүбүүтэй жаргаарайт!

Чтобы участвовать на облавах,
Имейте хорошего коня;
Чтобы водить народ,
Имейте сына молодца!

Следующий старик (старуха) говорит:

Ута наһатай боложо жаргаарайт,
Удаан жаргалтай боложо ябаарайт!
Хоёр толгойгоо холбожо,
Ураг-тариггаа нэмээжэ байгтуун.

Будьте долголетними,
Всю жизнь счастливыми,
Соединив обе головы,
Умножайте род!

За старухой, сидящей у онгона, говорит благопожелание один из присутствующих стариков. Он говорит:

Буха ноён баабай,
Будан хатан ибии
Үрөөлөө үгэг!
Буха ноён баабайя
Бойног доогуур шурган ерээрэй,
Будан хатан ибиинээ
Алтан умайдан шурган ерээрэй!
Шара полонгойн эжэни,
Эргил буга ноен Түнхэй дэли
Олон үритэй болооройт,
Адуунай эжэни,
Ухаа Солбон тэнгэрийн дэли
Олон адуутай болон жаргаарайт!
Минии хэлэхэн үрөөл
Ухаа Солбоной хатан Майлганай
Үршөөхэн болог даа!

Пусть благословит вас
Буха нойон, прародитель наш;
Будан хатан, прародительница наша;
Проползите под свисающую
Под шеей кожу Буха нойона;

Пролезайте через золотой
Материнский орган Будан хатана!
Уподобьтесь онгону,
Хозяину желтого хорька,
Эргил бухе Тунхоеву;
Имейте, как он.
Многочисленное потомство.
Славу отличного стрелка.
Уподобьтесь тэнгэрину.
Покровителю табунов,
Уха Солбону
И имейте множество табунов!
Пусть сказанное нами
Будет благословением Солбона
И жены его Майлгана!

После этого жених и невеста еще три раза делают поклоны онгонам. Родственники невесты обращаются к сидящим старикам и, называя одного из них, говорят:

Шээдэй үбгэн, ааб!

Сват Шээдэй,
Возьмите слово!

Вызванный старик говорит:

Зээ!
Удай мүнгэн тэнгэриhээн
Удха барин бууһан
Хүхэ мүнгэн тэнгэриhэйн
Хүй татан бууһан
Буха ноён баабай.
Будан хатан ийби.
Буха ноён баабайтнай.
Будан хатан ийбиитнай,
Үрөөлөө үгэг!
Шүлүү сабшаха
Гүхэтэй байгаарайт,
Шоно үлдэхэ
Моритой байгаарайт!
Унаһан хүлэгтнай
Урилдаанай түрүү болог,
Үргэһэн хүбүүнтнай
Абайн түрүү болог!

Да!
Имея происхождение
От неба Удая серебряного.

Спустились на землю;
Не отрывая своей пуповины
От неба серебристо-голубого.
Ступились на землю
Буха нойон, отец наш,
Будан хатан, мать наша.
Да благословят вас
Отец наш, Буха нойон,
Мать наша, Будан хатан!
Чтобы рубить камень,
Имейте топор.
Чтобы гонять волков.
Имейте коней!
Пусть кони ваши будут
Первыми на бегах,
Пусть дети ваши будут
Предводителями облавной охоты!

Присутствующие все кричат: «Пусть слова твои будут благо-
пожеланием бракосочетающимся!»

Родственники невесты кричат: «Прими сват, Бардам!» Он
говорит:

Ута наһатай,
Удаан жаргалтай жаргаарайт!
Долголетними будьте,
Размножайтесь и наслаждайтесь!

Следующий старик говорит:

Харгана арилган хахалажа,
Хара таряай ургуулан жаргагтуй,
Хуһата газар хахалажа,
Будаа хаян жаргаарайт!

Распахав места с кустарниками,
Посеяв рожь, богатейте;
Распахав места с березником,
Посеяв просо, наслаждайтесь!

Теперь очередь за старухами. Первая старуха говорит:

Амитанаһаа урда бодожо,
Хүүнэхээ һүүлдэ умтажа жаргаарайт!
Агтайн түрүүн
Сэргэхэйтнай бү хойгог,
Амбай һайд
Гэрэхээтнай бу хойгог!

Еставайте раньше всех,
Ложитесь после всех!
Пусть лучшая из лошадей
Не проходит мимо вашей конюшни,
Пусть лучший из людей
Не обходит вашу юрту!

Вторая старуха говорит:

Үдэр бүри тогоо гаргажа,
Үен бүри хүбүү гаргажа жаргаарайт!
Хадаһаа нааша үтэг дараарайт,
Хаанаһаа нааша нэрэ абарайт!

Ежедневно выкуривайте молочную водку,
Ежегодно рождайте крепких детей.
Владейте пастбищем до горы,
Прославьте свое имя до царя.

Третья старуха говорит:

Минии хэлэһэн тэнгэрийн үрөөл болог,
Минии үршөөһэн бурханай хүүр болог!

Пусть сказанное мною
Будет благословением неба:
Пусть произнесенное мною
Будет гласом самого бога!

Четвертая старуха говорит:

Хараасгайн дуунаар бодооройт,
Хурайлгатай эжэн болооройт,
Большомуурай дуунаар бодооройт,
Шуумар айл болооройт!

Со щебетанием ласточек вставайте,
Будьте бережливими хозяевами;
С пением жаворонка вставайте,
Будьте расторопными хозяевами!

Все присутствующие кричат:

Хэлэһэмнай хэлгэйн табилгайн
Үрөөл болог!

Пусть это будет благословением
Высоких тэнгеринов (небес)!

После этого жених и невеста трижды делают поклоны и трижды молятся онгонам. Этим кончалась церемония поклонения онгонам во дворе.

Место действия переносилось в юрту. Все шло туда. Там два свата и две сватьи сидели на почетном месте: два свата в мужской половине, налево от домашнего очага, две сватьи против очага в «хойморе», вокруг их располагались ближайшие их родственники. Особое место отводилось брату матери жениха и его жене. Брат ее сидел по левую сторону отца жениха, а жена — по левую сторону матери жениха. Прочие же люди рассаживались на скамьях вдоль стены юрты, на полу вокруг домашнего очага.

Отец жениха сидел с расстегнутым воротом, распахив шубу или халат, перед ним ставили «тэбшэ» — деревянное корытце, наполненное мелкокрошенным салом, жиром и курдюком. Один из стариков брал нож, отрезал небольшие куски от жира, сала и курдюка и трижды бросал в домашний очаг, говоря:

Гал гуламтайн эжэн
Сахяадай үбгэн,
Сахала хатан!
Минган елдэ
Минаа барюулашан,
Түмэн елдэ
Түүргэ тотохуулашан!

Хозяева домашнего очага —
Сахяадай старик,
Сахала госпожа!
Благословляющие держать кнут в руках
В течение тысячи лет;
Дарующие людям счастье водружать тургэ
В течение многих веков!

Потом сам, отведав небольшой кусок жиру, подавал такие же куски обоим сватам, сватьям, брату матери жениха и его жене, ставил корытце с содержимым против домашнего очага со стороны входа в юрту.

Переступив порог юрты, невеста молитвенно складывала руки, опускала голову вниз, кланяясь, медленно подходила к очагу. Дойдя до очага, пятилась назад к двери и все время кланялась. Так продолжалось три раза. Потом она останавливалась против очага со стороны двери, сопровождавшая ее во время церемонии поклонения онгонам женщина связывала ей носовым платком обе руки так, чтобы ладони были свободными. Сопровождающий невесту во время обряда поклонения онгонам молодой парень брал из корытца куски жира, сала и курдюка и клал их ей в ладонь. Она бросала содержимое прямо в грудь будущего свекра. Жир,

сало, курдюк попадали в грудь, лицо, за пазуху, падали на колени. Невеста так бросала трижды. Молодежь набрасывалась на отца жениха, ища куски жира, сала и курдюка, и кушала их. Во время исполнения этого обряда все присутствующие наблюдали за каждым движением невесты, потом судили о том, как будут жить молодые. Если брошенный невестой жир кучей попадал прямо в грудь отца жениха, не разлетаясь в разные стороны, то это считалось признаком хорошим: молодые будут жить счастливо, богато и чадородливо. Если же жир разлетится в разные стороны, то это означало несогласие и плохую жизнь.

Жир, сало и курдюк символизировали собой счастье и богатство, а также то, что молодая, вступая в жилище свекра, принесла довольство родителям жениха, что старость свекра и свекровки будет обеспечена.

После этого обряда невеста в сопровождении молодого парня, который накладывал жир, сало и курдюк в ладони ее, обходила с правой стороны домашний очаг и останавливалась против него. Одна из родственниц жениха наливала полную чашу масла и давала в руки невесте. Одна из старух—родственниц жениха—ставила у ног невесты три полена дров. Взяв в руки чашу с маслом, невеста три раза делала поклон домашнему очагу; сделав чашкой три круга над домашним очагом по солнцу, лила из нее на огонь. Пламя огня поднималось до дымохода. Все присутствующие наблюдали за очагом. Если очаг горел хорошо и пламя его шло прямо вверх и не расстиралось, то это считалось хорошим признаком. Если же пламя расстиралось и поднималось вверх многими языками, то это считалось плохим признаком. Затем невеста подкладывала поленья в очаг, по одному полону с трех сторон его. Если после этого очаг горел ярко, не треща и не разбрызгивая во все стороны искорки, то это считалось к счастью.

Когда обряды проходили, по понятиям бурят, благополучно, тогда два свата, две сваты, дядья и тетки жениха поздравляли друг друга, целовались и говорили благопожелания молодым.

После этого приступали к обряду одаривания невесты и жениха — «байлгуур абаха»¹. Первым подносил подарок свекор, а потом свекровка, братья и сестры жениха. А за ними отец и мать невесты, приезжие дядья и тетки жениха. Потом все присутствующие, как гости, так и однокурсники. Причем ближайшие родственники жениха здесь не подносили подарков. Они дарили невесте тогда, когда она приходила к ним с первым визитом, в окружении подружек. Каждому постороннему человеку, который дал подарок, невеста подавала водку в бутылочке или же в туязке. Получивший водку обменивался с невестой чашками и, пожелав благополучия, выпивал. Подарки обычно состояли из денег, колец, браслетов и пр. Все зависело от состояния родителей бракосочетающихся. Зажиточные люди, чтобы показать свое богатство и

¹ Байлгур абаха — получать подарки для заведения хозяйства.
Байлгаха — остановить, устанавливать.

щедрость, не жалели денег и вещей. У них в качестве подарков фигурировали золотые монеты, кольца, суперики, броши, серьги. У середняков же подарками были рублевые монеты, недорогие золотые, серебряные кольца и серьги; у бедняков—рублевые кредитки, серебряные кольца и серьги.

Женщины, поднося свои подарки, говорили благопожелания, в которых заключались наставления о линии поведения невесты как хозяйки дома, жены и матери. Старый быт, седая дедовская традиция, узаконенные веками в виде обрядов, обычаев и понятий, находили свое яркое отражение в назиданиях замужних женщин. Все они, будучи молодухами, на себе испытали всю тяжесть чужеродки, домашнего гнета и бесправия. Эти традиции сковывали все действия и поступки молодой женщины, ставили определенные рамки, через которые нельзя ей было ни перешагнуть, ни переступить. Переступая порог свекра, невестка должна была навсегда расстаться со своей девичьей свободой, которой она пользовалась в доме родителей. Устами замужних женщин дедовская традиция говорила:

Хайшая хан байсаран
Бу хаяарай,
Хадам эхээ урдаһаан
Ерд байсаран бу дуугараарай.
Эрэдээ инаг ябаарай.
Зондоо зөөлэн ябаарай!
Багашуулда аха болон ябаарай.
Ахашуулда дүү болон ябаарай
Үглөөнийн эртэ бодоорой,
Үдэшэнийн орой унтаарай.
Хада гэжэ хальтиран ябаарай,
Хадам гэжэ хүндэлэн ябаарай!
Бурханда мүргэн ябаарай,
Бурядуудаһаан туһа абан ябаарай!
Тоһо эдижэ хэхэржэ ябаарай,
Торго үмэдэжэ яларжа ябаарай!
Үдэр бүри тогоо гаргаарай,
Үен бүри хүбүү асараарай!

Не бросай ножины со звоном,
Не перечь словам свекровки,
К мужу будь ласковой,
Народ уважай,
Среди младших будь старшей,
Среди старших будь младшей.
Утром раньше вставай,
Вечером позже ложись!
Уважая гору, соскальзывай;
Уважая свекра, кланяйся!

Бурханам молись,
От бурятов получай помощь!
Кушая масло, живи;
Одевая шелк, блести!
Ежедневно выкуривай водку,
Ежегодно рожай детей!

Подобных назиданий невесте очень много, но мы думаем, что и приведенные достаточно характеризуют положение молодой в доме свекра. Этим обрядом кончается обряд бракосочетания у бурят.

Уполномоченное лицо, которое получало подарки из рук невесты, подсчитывает собравшуюся сумму денег, а также вещи. Если он грамотный, то составляет список тех лиц, которые поднесли подарки, и передает невесте деньги и вещи. Список составляется для того, чтобы не забыть, кто и сколько поднес невесте. Он потребуется невесте и жениху тогда, когда они будут расплачиваться своими подарками при женитьбах сыновей или замужестве дочерей тех людей, которые подносили им подарки. Все свадебные подарки должны быть возвращены после. И это называется у бурят «харюу».

После совершения обряда бракосочетания жених и его родственники приглашали всех присутствующих за столы. Для этого в домах и юртах готовили столы. Число столов зависело от числа приезжих гостей и собравшегося народа, но должно быть от 7 до 9. На каждый стол подавали так называемое именное мясо: берцовые и бедренные кости, первые позвонки, грудинку, ребра с брюшным жиром, лопатки, шейный и брюшной жир, кровь, начиненную в кишках, желудок, почки и печенку, а также молочную пищу, как-то: тарак (кефир), саломат, пенки, домашний сыр; чай, сахар, калачи, олады, шанги, лепешки пресные; сладости—дешевые пряники, конфеты, орехи. Богатые люди покупали окорока, ветчину, колбасу, омули. Для свата и сватьи и их приближенных лиц готовили специальный стол, который и назывался «худын стол»—стол свата. Вместе со сватом и сватьей садили дядьев, теток невесты, племянников и племянниц, как по мужской линии, так и по женской. Особым уважением пользовались старшие дядья и тетки как жениха, так и невесты. Свату подносили голову лошади, сватье — тазовую кость, дядьям жениха и невесты по матери — бараньи головы, женам их — грудинки бараньи. Почки, печенка, шейное и брюшное сало (арбин и далан) считались деликатесом. На каждый стол подавали по 3 четверти молочной водки, по 1 четверти русской водки. Молочная водка подавалась гостям стаканами, а русская водка—шкаликами. Кроме того, особо почетным гостям, как-то: свату и сватье, дядьям и теткам жениха и невесты по матери, полагалось персональное угощение водкой: им подавали бутылки русской водки с печатью. Столы ломались под тяжестью угощения и выпивки. Было что закусить

и выпить! Гости и местные выпивали и закусывали. Виночерпнями всегда выступали молодые люди — родственники жениха. Они обычно ежeminутно просили гостей выпить и закусить. Чашки виночерпиев шли по кругам. Каждый человек должен был взять чашку и подать свой «духарьян» — пай другому, по своему усмотрению. Причем, если гость подавал свой пай местному человеку, то говорил: «Пай мой, угощение ваше, пейте по вашему усмотрению». Принявший чашку отвечает: «Наш пай — стучает по лбу», т. е. надо выпить до дна. Гость пьет, но чтобы не опьянеть, он не выпивает все. Тогда подавший говорит: «Ваш пай — бьет по горлу», т. е. надо выпить. Обычно на свадебном пиршестве молодежь не принуждают выпить до дна, этого требуют от людей пожилых и старых, выдавших виды на предыдущих свадебных торжествах.

Архиин бии хадан ууяа,
Андайн бии хадан зугаалаая

Если есть водка,
То выпьемте;
Если есть свалы и сваты,
По попоемте.

Приведенная нами песня имеет общий характер, она является как бы зачином к специальным свадебным песням.

Свадебные песни обычно начинали приезжие гости. Зачинщик свадебных песен назначался отцом невесты перед выездом свадебного поезда.

Гости:
Бүргэдэй үдэтэ үүдхээ
Бүүргэдээ дүрэн хатаргаабди.
Буха ехэ түриеэ
Бүтээхээ ерэбэбэди.
Тарбажын үдэтэ үүдхээ
Хажуудаа дүрэн хатаргаабди.
Ханхан ехэ түриеэ
Хүсээхээ ерэбэбэди.

Местные:
Бүргэдээ үдэтэ үүдхыстнай
Бүдүүн тээнгимнай угтаба ла,
Бүгдөөрөө ерэнэн бэетнай
Баабайч домбоор угтаба ла.
Тарбажын үдэтэ үдхээтнай
Тулама тээнгимнай угтаба ла.
Тииргээрээ ерэнэн бэетнай
Төөдэйн домбоор угтаба ла.

Гости:

Гурбан харгуйн байхадан
Дундайн барин хатаргабабди.
Гурбан тииргэнэй байхадан
Ургуудаа харан орожо ерээбди.
Дүрбэн харгуйн байхадан
Дүтэен барин хатаргабабди,
Дүрбэн тииргэнэй байхадан
Танилнуудаа барин орожо ерээбэди.

Гости:

Стрелу с пером орла,
Прикрепив сзади, мы рысили;
Великую свою свадьбу
Сыграть мы прибыли.
Стрелу с пером степного орла,
К боку прикрепив, мы рысили,
Высокую свою свадьбу
Завершить мы прибыли.

Местные:

Стрелу вашу с пером орла
Встретил толстый столб юрты,
Всех вас, прибывших,
Встретили отцовским жбаном с водкой.
Стрелу вашу с пером степного орла
Принял опорный столб юрты,
Вас, прибывших всем улусом,
Встретили бабушкиным кувшином с водкой.

Гости:

На распустье трех дорог,
Среднюю выбрав, мы рысили,
На виду трех улусов,
Узнав родство, мы рысили.
На распустье четырех дорог,
Выбрав прямую, мы рысили;
На виду четырех улусов,
Выбрав знакомых, мы рысили.

Когда гости и местные выпили, закусили, настроение их поднялось, они говорят шутки, прибаутки, беседуют о происхождении родов и племен, об истории улусов, касаются вопросов бурятской мифологии, мироздания, космогонии, даже философии. В таких гульбищах сначала поют песни традиционные, передающиеся из поколения в поколение, из рода в род. В день бракосочетания фигурируют такие песни, которые могут начинаться как гости, так и местные. Это значения не имеет. Песни эти общего характера, ответа они не требуют.

Дүрбэн тээнгин тулахада
Дүлийн найхан тэндэ юм,
Дүрбэн тээхээ суглахада
Зугаагай найхан тэндэ юм.
Гурбан тээнгийн тулахада
Гуламтын баян тэндэ юм,
Гурбан тээхээ суглахада
Зугаагай найхан тэндэ юм.

**

Баабаймнай үргэлэй лэ
Баярлан байжа үргэлэй лэ.
Баабайяа шэнээн болходоо
Тэрээнэй юугаар түлэхэбди?
Ийбиимнай үргэлэй лэ.
Элгэбшын дулаагаар үргэлэй лэ
Ийбинее шэнээн болоходоо
Одоо тэрээнэй юугаар түлэхэбди?

**

Гунжан үнээ нааһамнай,
Гушан тологой болоһой даа,
Гунатай бага хүргэмнай
Гушан наадаг болоһой даа.
Дүнжэн үнээ нааһамнай
Дүшэн тологой болоһой даа,
Дүнэтэй бага хүргэхэмнай
Дүшэн наадаг болоһой даа

*

Тала газар ургаһан
Табан зүһэнэй сэсэг лэ,
Табанаһаан шэлэхэдэ
Таряйн будаан хоёр ло.
Ой доро ургаһан
Олон зүһэнэй сэсэг лэ,
Олоһоооо шэлэхэдэ
Ороод будаан хоёр ло.

*

Сайн бии хадан
Ууха хэрэгтэй юм
Танилай бии хадан
Зугаалха хэрэгтэй юм.

**

Хатаргажа ерэлэн мориитнай
Хаймал сэргэмнай угтаба ла,
Ханхан сагаан түриитнай

Хадаймнай үбгэд угтаба ла.
Унажа ерэнэн мориитнай
Ургамал сэргэмнай угтаба ла.
Ушаража ерэнэн түриитнай
Үндэриимнай үбгэд угтаба ла

*
**

Баабайнтнай тииргэндэ
Башалажа ерэбэбэди,
Баян сагаан түриез
Хүсөөхэ гэжэ ерэбэбэди.
Иибийнтнай тииргэндэ
Эмхэдхэжэ ерэбэбэди,
Эхэ сагаан түриез
Эсхэхэ гэжэ ерэбэбэди.

*
**

Уриһан татаһан урагуудаа
Үбгэд һамгадмнай угтаба ла.
Уухи түриез бүтээхээ
Үглөө болсорон хүлээгыта.
Суглаража ерэнэн урагуудаа
Үтэлэнэн үбгэдмнай угтаба ла.
Урданаа түриез бүтээхээ
Үглөө болсорон хүлээгыта.

*
**

Аарсайнтнай үдхэнэнһөөн
Амасаха гэжэ ерэбэбэди,
Анханаймнай удха танаһаан
Аяглан байжа зугаалхаяа ерэбэбэди
Хоолтой аарсаһаатнай
Хубаалсаха гэжэ ерэбэбэди.
Хахад бөөмнай танаһаһаан
Хабархалдан зугаалхаяа ерэбэбэди

*
**

Аарсаймнай үдхэнэнһөөн
Амталсан хүртэбэлтэ,
Анханаймнай хутагтаһаан
Хүртэн хубаалсан зугаашабалта
Хоолымнай амтатайһаан
Хубаалсан хүртэбэлтэ,
Хуушан найхан жаргалһаамнай
Хүртэн абан зугаашабалта.

*
**

Залиршабэй залидатнай
Зали нэмэн ерэбэбэди.

Зайлашабэй заяандатнай
Мүргэн шурган ерэбэбди.
Унтарашабэй галдатнай
Сусал нэмэн ерэбэбди,
Сусарашабэй заяандатнай
Мүргэн шурган ерэбэбди.

*

**

Гал гуламта нэмэгдэжэ,
Баабаймнай гуламтан мүнхэ болоно,
Мүргэл шургал хэжэ
Үрөөл баярымнай үргэжүүлбэт.
Галдамнай сусал нэмэгдэжэ,
Гал гуламтамнай хэзээ хэтын болоно,
Мүргэл ехэ хэжэ,
Үбгэдымнай үрөөл татабат.

*

**

Үшөөһэн модоо отолыта,
Торго юумаяа хүдэрыта,
Торго юумаяа хүдэрэжэ,
Түри хорьмой хүсээе.
Хуһан модо отолыта,
Хонгор торго хүдэрыта,
Хонгор торго хүдэрэжэ,
Хамагаа түриие бүтээе.

*

**

Үшөөһэн модо отолхоео,
Үглөө болхыен хүлээбди,
Уухи түриие бүтээхээе
Наранай гарахыен хүлээбди.
Хуһан модо отолохоео
Үүри сайхыен хүлээбди,
Ууган түриее бүтээхээе,
Үглөө болохыен хүлээбди.

*

**

Урдаа түлиһэн галаа
Утхансаг нэмэжэ дэгжээе
Уухи баабайяа түриие
Харитаяа халуунтаяа бүтээе.
Хажуудаа түлиһэн галаа
Харан удхалан дэгжээе,
Ханхан сагаан түриее
Харитаяа халуунтаяа дүүргэе!

*

**

Алтан наранаймнай эрьелтэн
Юунаһааб гэжэ дуулагшабта,

Анханай баабаймнай түрийн эхэнийн
Хэнэһэйб гэжэ дуулагшабта?
Алма һараймнай эрьелтэн
Юунаһааб гэжэ дуулагшабта,
Абай баабаймнай түрийн эхэнийн
Хэнэһэйб гэжэ дуулагшабта?

*
**

Алма һарайн эрьесэ
Аха далайн хөөһэнһөө юм,
Абай баабайн түрнэй эхэнийн
Абай Гэсэр богдоһоо юм,
Алтан наранаймнай эрьесэ
Ехэ далайн хөөһэнһөө юм,
Анханай сагаан тэрнэй эхэнийн
Абай Гэсэр богдоһоо юм.

**
*

Манай газарай бүтэхэдэн,
Ямар юума удха болооһам,
Мандама түрийн бүтэхэдэн
Ямар юума эхин болооһам?
Манай уһанай бүтэхэдэн,
Ямар юума удха болооһам,
Эхэ сагаан түрийн бүтэхэдэн
Ямар ушар эхин болооһам?

**
*

Үлгэн дэлхэйн бүтэхэдэн
Улаан шабар удха болоһон юм,
Уүхи түрийн бүтэхэдэн
Эхэйн алтан үмай эхин болооһан,
Уһан далайн бүтэхэдэн,
Үглөөнэй шүүдэр удха болооһан,
Урданай түрийн бүтэхэдэн,
Эсэгээн мүнгэн сэргэ эхин болооһан.

**
*

Эмхирхэбэй модон
Али дайдада ургаха юмаб,
Үтэлхэбэй албата зон
Али хаанда һуудаг юмаб?
Үжишэбэй ногоон
Али газарта ургаха юмаб,
Үхэшэбэй албата зон
Али дойдада байдаг юмаб?

Эмхиршэбэй модон
Энгэдхэ гэжэ дайдада ургадаг юм,
Үтэлэшэбэй албата зон,
Шургалжан ханай орондо юм.
Үжишэбэй модон
Хитад орондо ургадаг юм,
Үхэшэбэй албата зон
Шургалжан хаанай орондо юм.

**

Гуламта соо дүрэхэн галиимнай
Эхин удхан юунаһааб,
Гульдажа ерэхэн хорьмоймнай
Хүгжэм удхан хаанаһааб?
Гэр соо дүрэхэн галиимнай
Эхин удхан юунаһааб,
Гэршэлхэээ байһан түримнай
Удха эхинийн юунаһааб?

**

Уухи түримнай удха эхинийн
Уула сахюур хоёрһоо юм,
Гэртэмнай дүрэхэн галымнай удхан
Иибии баабай хоёрһоо юм.
Урдамнай дүрэхэн галымнай удхан
Сахюур ногоон хоёрһоо юм.
Дүүргэхэн хорьмоймнай эхинийн
Иибии баабай хоёрһоо юм.

Потом как гости, так и местные пели песни общего характера, из которых мы приводим некоторые:

Долоон далайн дэбэрхэдэн
Дунда далай урдана ла,
Долоон хариин хахасахадан
Ураг эльгэн болоно ло.
Юхэн далайн дэбэрхэдэн
Ехэ далай урдана ла,
Юхэн хариин хахасахадан
Ураг эльгэн олошорно ло.

**

Тагшйтнай дүүрэндэн
Татан ядан һуунабди,
Талгамжытнай һайхандан
Зугаалан ядан һуунабди.
Аягытнай дүүрэндэн
Амасан ядан һуунабди,
Аягытнай һайхандан
Зугаалан ядан һуунабди.

**
*

Унаганаһаан унаһан унаамнай
Эсэшэбэй хүшэтэй лэ,
Урданаһаа нааша урагжаһан урагуудмнай
Һалашабэй хөөрүү зугаатай ла.
Үрөөһэйн унаһан моримнай
Түлишабэй гүйдэлтэй лэ,
Үлгөөһөөн нааша үзэһэн урагуудмнай
Һалашабэй наашатай татастай ла.

**
*

Хара моримнай хатархадаа
Халин ябахан һайхан ла,
Ханилһан худануудмнай зугаалхадаа
Һалашабэй һайхан аягтай ла.
Ухаа моримнай хатархадаа,
Уухиран ябахан һайхан ла,
Угтан абаһан худануудмнай зугаалхадаа
Урихан һайхан аягтай ла.

**
*

Арбан сагаанай зураашамнай
Алтан наранаар тэнгээ юм,
Аяглаад ябаһан худануудмнай
Мэдэхэбэй хүды сэнтэй юм?
Хорин мүнгэнэй зураашамнай
Хурса наранаар тэнгээ юм,
Хольшорлоод ябаһан худануудмнай
Мэдэхэбэй хүды сэнтэй юм?

**
*

Одоной гараа үдыдэн
Огторго ехэ харанхуй.
Ой ороо үдыдан
Ухан ехэ харанхуй.
Һарайн гараа үдыдэн
Һарьдан ехэ харанхуй.
Һанаа ороо үдыдан
Ойн ехэ харанхуй.

**
*

Шэбшэлгэтэ тайгыг
Саһан хонгорог дараба ла.
Шүлэг ябаһан бэеыг
Наһан жэл бараба ла
Хотолзомо тайгыг
Модо шулуун дараба ла.

Эдир ябаһан бэеы
Һанаан үнөөн бараба ла.

**
*

Набша намаа шарлажа.
Намарай саг ерэбэ лэ.
Үһэн һахал сайжа
Үбгэрхэ саг болобо ло
Набша намаа шарлажа.
Үбэлэй саг дүтэлбэ лэ
Һарилтажа бүгсээжэ
Үтэлхэ наһан ерэбэ лэ

Когда подпирают четыре столба свод юрты,
Красоту домашнего очага находим здесь;
Когда с четырех сторон съезжается родня.
Красоту родства и дружбы (веселья) находим здесь
    Когда подпирают три столба свод юрты,
    Красоту женской половины юрты находим здесь.
    Когда с трех сторон съезжается родня.
    Красоту чадородия и богатства находим здесь.

**
*

Отец наш растил,
Радуясь, растил,
Его заботу и старания
Чем же мы отплатим?
    Мать нас растила,
    Пеленая нас, растила:
    Ее любовь и ласку
    Чем же мы отплатим?

**
*

Доя трехгодовалую телку,
Пожелаем, чтобы она размножилась до 30 голов.
Провожая юную дочку,
Пожелаем, чтобы потомство ее достигло 30 луков¹.
    Доя четырехгодовалую телку,
    Пожелаем, чтобы она размножалась до 40 голов.
    Празднуя свадьбу молодой дочки,
    Пожелаем, чтобы потомство ее достигло 40 луков.

**
*

На равнине растут
Цветы пяти цветов.

---

¹ Лук давал право участвовать в древней облавной охоте бурят

Полезные из них для нас

Хлеб и просо.

В лесах растут

Цветы многочисленных цветов,

Из множества полезные для нас

Хлеб и просо.

**

Если есть чай,

То попьете;

Если есть родня,

То попоете.

Местные:

Рысью прибывшую вашу лошадь

Встретила наша вкопанная коновязь,

Священную прибывшую свадьбу

Встретили наши домашние божества.

Верховую вашу лошадь

Встретила наша вкопанная коновязь;

По приглашению прибывшую свадьбу

Встретили наши большие божества.

Гости:

В отцовский ваш улус

По приглашению вашему приехали,

Богатую светлую свадьбу

Совершить мы приехали.

В материнский ваш улус,

Наладив все, мы прибыли,

Материнскую хорошую свадьбу

Завершить мы прибыли.

Местные:

Приглашенных нами гостей

Почтенные старики наши встретили,

Чтобы завершить свадьбу,

Ждем завтрашнего дня.

Собравшихся у нас гостей

Убеленные старухи встретили,

Совершить нашу свадьбу

Ждем завтрашнего дня.

Гости:

От гушины вашей арсы¹

Отведать мы прибыли,

Истоки нашего происхождения от вас,

Вместе с вами петь мы прибыли.

От вкусной вашей пищи

Вкусить мы прибыли,

Половина нашей жизни от вас,

Повидаться с вами мы прибыли.

¹ Арса — молочная пища.

М е с т н ы е:

Гущину арсы нашей
Вы уже отведали,
К счастью и радости нашим
Вы примкнули.

Вкусную нашу пищу
Вы уже отведали,
К благополучию и богатству нашим
Вы приобшились.

Г о с т и:

К непотухаемому вашему очагу
Прибавить огонь мы приехали;
К родовым вашим заянам
Поклониться мы прибыли.

К неугасимому вашему очагу
Подкидывать поленья мы приехали.
К дедовым вашим божествам
Помолиться мы прибыли.

М е с т н ы е:

Принимая новый очаг,
Наш родовой очаг становится вечным.
Принимая от вас поклоны,
Наши божества становятся добрыми.

Принимая новое полено,
Наш родовой огонь становится неугасимым.
Принимая от вас мольбы,
Наши божества становятся милосердными.

Г о с т и:

Срубите дерево тальник,
Накиньте на себя шелк,
Накинув разноцветный шелк,
Справимте нашу свадьбу.

Срубите березовое деревцо,
Накиньте белый шелк на себя,
Накинув белый шелк,
Будемте справлять нашу свадьбу.

М е с т н ы е:

Чтобы срубить тальник,
Дождетесь наступления утра;
Чтобы завершить нашу свадьбу,
Дождетесь восхода солнца.

Чтобы срубить березовое деревцо,
Дождетесь времени рассвета;
Чтобы завершить нашу свадьбу,
Дождетесь наступления утра.

**

Близко разведенный очаг,
Подкидывая поленья, разожжемте:

Дедом установленную свадьбу
Совместно с чужеродцами и родными сыграемте.
Под боком разведенный очаг,
Чиркая и высекая, разожжемте;
Священную нашу свадьбу
Общими силами разыграемте.

Кроме специальных свадебных песен, на свадебном пиршестве имели место так называемые вопросо-ответные песни. Находим нужным привести несколько таких песен.

Г о с т и:

Отчего происходит ежедневный поворот
Золотисто-желтого солнца?
От кого исходит начало
Старинной нашей свадьбы?
Отчего происходит еженочный поворот
Круглой полной луны?
От кого исходит начало
Материнской нашей свадьбы?

М е с т н ы е:

Поворот золотисто-желтого солнца
Происходит от пены старшего моря,
Начало старинной свадьбы
Исходит от Абай Гэсэр хана¹.
Поворот круглой полной луны
Зависит от пены большого моря,
Начало материнской нашей свадьбы
Исходит от Великого Гэсэр хана.

Г о с т и:

Когда создавалась наша земля,
Что было положено в ее основу?
Когда создавалась наша свадьба,
Что было положено ее началом?
Когда создавалась наша река,
Что было положено ее началом?
Когда создавалась наша свадьба,
Что было положено ее началом?

М е с т н ы е:

Когда создавалась земля,
То основой ее была красная глина;
Когда создавалась свадьба,
То основой ее служила золотая материнская утроба.

¹ Абай Гэсэр хан — герой героической эпопеи бурят.

Когда создавалась наша река,
То началом ее была роса;
Когда создавалась наша свадьба,
То началом ее был отцовский серебряный
столб.

Г о с т и:

Дерево, не знающее ветхости,
В какой стране растет?
Народ, не знающий старости,
В какой стране живет?

Трава, не знающая гниения,
В какой стране растет?
Подданные, не знающие тления,
В каком государстве живут?

М е с т н ы е:

Дерево, не знающее ветхости,
Растет в далекой стране Энгэтхэ¹.
Подданные, не знающие старости,
Живут в муравьином царстве.

Дерево, не ведающее старости,
Растет в далеком богатом Китае.
Подданные, не знающие болезни,
Живут в муравьиной стране.

Г о с т и:

Огонь, горящий в нашем очаге,
Откуда берет свое начало?
Свадьба, которую мы хотим завершить,
От кого имеет свое начало?

М е с т н ы е:

Огонь, горящий ярко в очаге,
Имеет свое начало от трута и огнива;
Свадьба, которую мы хотим завершить,
Имеет свое начало от матери и отца.

Огонь, дающий нам тепло,
Имеет свое начало от травы и камня;
Свадьба, которую мы хотим сыграть,
Имеет свое начало от матери и отца.

**
*

От разлива семи морей
Течет срединное море;
От смешения семи чужбин
Создаются родство и дружба.
От разлива девяти ключей
Образуется большое море,
От смешения девяти чужбин
Размножаются родство и дружба.

¹ Энгэтхэ — Индия.

**
*

От полноты ваших чашек
Не успеваем даже пригубить,
От красоты вашего приема
Не успеваем вымолвить слово.
    От полноты вашей посуды
    Не успеваем проглотить водку,
    От вашего внимания и радушия
    Не можем спеть свои песни.

С жеребьячьего возраста обжеженная лошадь
Вынослива и сильна,
С малолетства сдружившиеся сваты
Интересны и веселы.
    С двух лет обученная лошадь
    Горяча и рысиста,
    С колыбели знакомые сваты
    Голосисты и певучи.

**
*

Когда рысит каряя лошадь,
То она красива.
Когда поют наши сваты,
То они милы и дороги.
    Когда бежит чалая лошадь,
    То она быстра.
    Когда веселятся наши сваты,
    То они приятны и дороги.

**
*

Спички, стоимостью в десять копеек,
Равны по силе красному солнцу,
Сваты и друзья наши дорогие—
Не знаем, во что они оцениваются.
    Двадцатикопеечные спички
    Равны по силе летнему солнцу,
    Наши сваты, веселящиеся и поющие,—
    Не знаем, во что они оцениваются.

**
*

Пока не взойдут звезды,
Темно на небе,
Пока не пришло сознание,
Темно в голове.
    Пока не взошла луна,
    Темно на горе,
    Пока не пришли чувства,
    Темно в груди.

**

*

Завалили снега и сугробы
Тайгу задумчивую,
Уходили дела и годы
Тело молодое.
Загромоздили деревья и камни
Тайгу колыхающуюся,
Застарили лета и годы
Тело резвое.

**

*

Желтеют листья и ветки —
Показывают наступление осени,
Седеют волосы и усы—
Показывают приход старости.
Сохнут травы и листья—
Показывают приближение зимы,
Приходят дряблость и сутулость —
Показывают уход силы.

Песен свадебного цикла очень много, причем каждый аймак имеет свои варианты, привести которые нет возможности при ограниченности объема данной работы. Во всех них желается счастье бракосочетающимся, чадородие, богатство, долгая и радостная жизнь, дружба, здоровье.

Гости выпивали и закусывали, беседовали и пели. Некоторые из них, любители родной старины — тухэшины, затевали споры о происхождении племен, родов и улусов, о присоединении Бурятии к Московскому государству, о проведении русско-китайской границы графом Рагузинским, об организации управления бурят, о составлении степного уложения, участии в нем бурятских представителей, об организации степных дум по закону Сперанского в 1822 году, экспедиции Муравьева на Амур, о борьбе тайшей между собою и т. д. По теме о вхождении бурятских племен, родов и улусов в Московское государство первым вопросом является: Кто был первым шуленгой¹ Верхоленской степной конторы? Таких фактов можно привести очень много.

Темы бесед и песен имеют многочисленные вариации и параллели. Каждый импровизатор, тухэшин и певец, приводит особые варианты и параллели. Эти варианты отражают не только отдельные моменты хода действия свадьбы и пирушки, но и всякие поступки отдельных гостей и поведения их. Выплывают разного рода прозвища, эпитеты, сравнения, иносказания, злые шутки, характеризующие не только присутствующих людей, но и их предков как по мужской линии, так и по женской.

На пирушках и свадебных гульбищах часто велись разговоры о космических явлениях. Конечно, эти вопросы были связаны с жизнью, с интересами и уровнем развития самих бурят. Один

---

¹ Шуленга — родовой начальник.

спрашивал: «Как образовались горы на земле?» На это оппоненты давали такой ответ: «Горы созданы злым духом. Он убедил бога, говоря, что люди, поднимаясь на гору, подгоняя лошадь, будут звать злого духа. А спускаясь с горы, будут звать тебя, говоря: «Ай, бурхан». Один спрашивал: «Отчего происходит затмение луны?» На это давали такой ответ: «Луну поглощает злой дух Арах».

На свадебных пирушках имели место такие вопросы: «Какие три предмета белее всех на свете?» На это дает оппонент такой ответ:

1. У растущего человека зубы белы.
  2. После смерти кости белы.
  3. При старости — волосы белы.
- Что быстрее всех на свете?
На это дают такой ответ:
1. Мысли быстры.
  2. Глаза быстры.
  3. Свет от огня быстр.

Когда столование в доме жениха приходило к концу, тогда родственники жениха приглашали к себе всех гостей и местных. В каждом доме варили именное мясо лошади или быка, барана, подавали на стол всевозможные закуски, а для невесты готовили подарок в виде денег и какой-нибудь одежды, который называется «байлгуур».

При входе в юрту или дом родственника невеста подносит хозяйке дома подарок в виде какой-нибудь материи или платка. Этот подарок называется «хаялга». После этого невесту приглашали за специально приготовленный для нее стол, который называется «бэрээдэй стол» — невестин стол. Хозяева угощали невесту с подружками, подносили ей подарок и обменивались с невестой чашками водки. Так невеста со всеми гостями обходила всех родственников жениха. И каждой хозяйке она подносила подарок, хозяйка со своей стороны тоже подносила невесте какую-нибудь вещь и деньги. Если родственников было много, то такой визит продолжался до ночи.

После такого визита все гости и местные возвращались в дом жениха. Все входили в новую юрту. Один старик из родственников жениха приносил полено из юрты отца жениха и разводил новый домашний очаг. Так делалось при каждой женитьбе всех сыновей. Этот обычай нисходит своими корнями к обычаю раздела родового огня. Затем новая хозяйка налаживала национальный аппарат для выкуривания молочной водки. Все это она делала в нарядной одежде, рукава которой опущены бобром или выхохулем. При обмазывании котла глиной домашний очаг, горящий ярким пламенем, вполне мог

обжечь мех на рукавах. Этим приемом проверялись расторопность молодухи и ее умение работать по хозяйству.

Жених с помощью своих сверстников вносил кровать и ставил в женской половине юрты, т. е. против очага. Пожилые женщины стелили постель, убирали ее, затягивали полог «хүшэгэ», привезенный «хэһэнэг» ставили у изголовья молодых. Приданое молодухи, заключающееся в ящиках и сундуках, расставляли около стен юрты, всю посуду ставили на полки, как принято у бурят.

Свекровка усаживала молодых против очага, ставила перед ними домбо с чашкой и в туязке молоко, один из стариков выгаскивал горячие угли из очага, клал на них богородскую траву «ганга», освящал домбо, туяз и чашку. Молодой наливал ему в чашку несколько капель водки и молока. Старик говорил:

Гал гуламтын эжэн
Сахядайд эхэ ноён,
Сахала эхэ хатан,
Минган елдэ минаа барюлаашан,
Түмэн елдэ түүргэ бодхуулаашан
Елитнай эхэ сасали барина,
Һарайтнай һайхан сасали үргэнэ.

Хозяева домашнего очага—
Сахядайд господин,
Сахала госпожа!
Дарующие счастье держать в руках
Кнут в течение тысячелетия;
Благословляющие водружать
Тургэ в течение многих лет!
Примите от молодых хозяев
Ежемесячное ваше угощение;
Ежегодное подношение!

Затем он лил содержимое чашки на огонь. Молодой наливал ему несколько капель водки. Старик вставал по правую сторону хозяев и призывал:

Энэ дайдая эжэлээшэн,
Хан дайдая хараашан,
Үндэйма эхэ үбгэдмнай,
Хандайма эхэ һамгадмнай,
Үндэр хадайн
Дуурай баряашан.
Үргэн голон
Һэльбээ хараашан,
Хон сагаан тологойтон,
Хулаһан сагаан һорьботон.
Энэ дайдая эжэлээшэн.

Хан дайдаяа хараашан,
Адуутай баян болгоошан,
Улаан Нараһаа эжэлээшэн,
Удхалма удхатнай
Шошологой 300 заарингууд,
Гүүхэлмэ түүхэтнай
Асарангуйн арбан гурбан тэнгери,
Миссхэйн хүбүүн Ажа,
Ажин хоёр түргэд
Архинша Хараама,
Архиншин хүбүүн Ибаанха,
Баанхин хүбүүн Ханхрай. Сөөг!
Гэр гэрлэжэ,
Хоёр толгойёо холбоошон,
Бахруун Эржэн хоёр,
Айл боложо,
Ажал тогтоохо гэжэ,
Исрайтнай найхан сасали,
Елитнай ехэ сасали
Үргэжэ байна. Сөөг!
Обхороо эжэлээшэн;
Емгэр хангайяар
Нэльбэ хээшэн,
Обхорой үндэрөөр
Нуудал хээшэн,
Байхлайн хүбүүн Армаан
Набайшхин хүбүүн Халмаат,
Дабиин хүбүүн Түнтэгэр,
Богомоли хоёр түргэд
Ботог Хүдэг хоёр, Сөөг!
Адуутай баян болгоошан,
Ашатай үнэр болгоошан,
Ороходоо уурбэй гарагтуй,
Гарахадаа гасаабэй ябагтуй!
Муу муухай юумые
Саашан болгогтуй,
Найн найхан юумые
Наашан болгогтуй!
Байса ханаа эжэлээшэн
Лалин эмээршээр
Нэльбэ хээшэн,
Холойн юумые дуулаашан,
Бажигин хүбүүн Баатар,
Марханагай хүбүүн Алексей,
Заяанай басаган Заяахан,
Зүнтэйн басаган Зөөлэн,
Шаргайн басаган Шаруухан. Сөөг!

Наши местные покровители,
Наши постоянные ходатаи.
Великие старцы,
Могучие старицы,
Ловящие эхо высоких сопок;
С головами белыми, как лунь,
Наблюдающие за дуновением ветерка.
С тростями белыми, как камыш,
Покровители нашей местности,
Защитники наших просторов;
Благословляющие нас потомством.
Дарующие нам множество скота;
Обитатели местности Улан-Нараһан,
Происхождение ваше от 300 шаманов
Шошолокского рода,
Начало ваше от 13 могущественных
Тэнгэринов Асарангуевых;
Мисхин сын Ажи,
Ажиевы сыновья Архинша и Харам.
Архиншиев сын Иванка,
Иванкин сын Ханхарай. Сөөг!
Вступившие в брак,
Соединившие две головы
Новобрачные, именуемые
Бахруном и Эржэном,
Начав свою жизнь.
Обзаведясь домом,
Подносят вам ежемесячную жертву,
Поднимают вам ежегодную дань—
Впереди их будьте путеводителем,
Сзади будьте защитой!
Сөөг! (брызгает водку вверх, в дымоход).
Обитатели горы Обхор,
Наслаждающиеся прохладой
Пади Емгэр;
Наблюдающие с высот
Сопки Обхор,
Бахлаев сын Роман,
Хабашхин сын Халмат,
Дабиев сын Тунтэгэр,
Богомоловы сыновья
Хулэг и Бутэг.
Сөөг! (брызгает водку вверх, в дымоход).
Благословите многочисленным потомством,
Даруйте множество скота:
При входе не сердитесь,
При выходе не гневайтесь!
Будьте заступниками от злых духов,

Будьте покровителями от напастей их!
Обитающие в пади Байса,
Наслаждающиеся дуновением
Тихого ветерка,
Ловящие вести
Далеких стран,
Бажигеев сын Батар,
Марханаков сын Алексей,
Заянова дочь Заяахан,
Зунтоева дочь Зөөлэн,
Шаргаева дочь Шарухан.
Сөөг! (брызгает водку вверх, на стену).

Молодые впервые принесли жертву от имени семьи покровителям своего улуса. Таким образом, молодая, умиловив местных умерших шаманов и шаманок, вступила в род и улус мужа. Теперь она полноправная гражданка улуса своего мужа. Она стала из чужеродки своей. Теперь она может хозяйничать дома, как и прочие хозяйки улуса.

К этому времени котел, поставленный на очаг, выкурился. Молодая берет мерку и мерит набежавший тарасун. Сливают в домбо и подают тому старику, который брызгает водку местным покровителям. Он берет домбо, наливает тарасун в чашку, совершает возлияние на очаг и говорит:

Гал гуламтын эжэн
Сахяадай ноён,
Сахала хатаң,
Минган елдэ
Минаа барюулаашан,
Түмэн елдэ
Түүргэ бодхуулаашан,
Айл болоошоноо,
Гэр гэрлээшэнээ,
Адуутай баян болгохые гуйнаб,
Аштай үнэр болгохые эрэнэб,
Муу муухай юумые
Саашан болгогтуй,
Ама хэлиин адхагтуй,
Хоро-зурьен хоригтуй. Сөөг!

Хозяева домашнего очага—
Сахяадай господин,
Сахала госпожа!
Благословляющие иметь аркан
В течение тысячелетия,
Дарующие водружать турге

В течение многих веков,
Не откажите в счастье молодым,
Благословите молодых
Многочисленным потомством,
Наделите новобрачных
Множеством скота,
Охраняйте от наговоров
Злых языков,
Защитите от нападок
Злых духов Сөөг!

Потом старик подает чашку новой хозяйке, та, пригубив, возвращает ему чашку. Старик доликает и подает ей. Пригубив, она возвращает чашку ему же. Он говорит благопожелание молодой и выпивает за ее здоровье. Чашка идет по кругу, все выпивают ее и хвалят молодую хозяйку и хозяина; говорят благопожелания и выпивают. После этого молодая хозяйка подает на стол мясо, молочные продукты, закуски, водку в домбах, бутылках и графинах. Летом к этому еще закалывают баранов, подают к столу свежую баранину, голову подает молодая хозяйка своему отцу, грудинку—своей матери, прочие же части барана, как-то: бедренные и берцовые кости, лопатки, ребра — ближайшим родственникам своим. Родственники впервые получают угощение от молодухи, пьют, закусывают и говорят благопожелания. Выпитая водка, обильное угощение создает повышенное настроение и располагает к веселью, пению, беседе, дружбе и даже хвастовству.

Удачный счастливый год, хороший урожай, обилие трав, сытый скот создают все условия к тому, чтобы у бурята появился достаток. Он обновляет свою постройку, заводит новую сбрую, экипаж, обстановку. Под влиянием выпитой водки он начинает говорить об успехах своего хозяйства, о своем коне, посевах, немного прибавляет. Какой-нибудь злой язык его спрашивает:—Я ехал мимо вашего улуса, там паслось семьдесят телят. На мой вопрос, чьи эти телята, ответили: «Они без хозяина». «Не вы ли будете хозяином этих телят?» Если же начнет хвастаться родовой старостой или заседателем степной думы своим богатством, то ему злые языки ответят так: «Ты нажил состояние на несчастливых людях: ты вырывал хлеб бедняка из-под его носа, драл рубашку с плеч. Ты поработай так, как я. От работы мои кости размяклись, кровь запеклась».

В новой юрте пели такие песни, в которых выражалось пожелание молодым, чтобы они жили дружно, счастливо, богато и имели много потомства. Мы приводим несколько примеров.

Гунжа үнэ тэжээһэмнай
Гурбан зуун толгой болоһой даа,
Гунатай бага хүргэһэмнай
Гурбан зуун хаадаг дүүргэһэй даа.

Дүнжэ үнэ тэжээлэмнай
Дүрбэн зуун тологой болохой даа,
Дүнтэй бага хүргэхэмнай
Дүрбэн зуун хаадаг болохой даа.

**
*

Шэнэ гэрмнай
Шэбхэ болог,
Шэнэ гэртэмнай
Аша гуша дүүргэг!
Агта морин сэргытнай элээг,
Амба хайд богохытнай элээг!

Эхэймнай арюун хорим
Хүсэн дүүрэбэ,
Эхэйн хүбүү — басагад
Ээн жаргагтуй!
Эсэгэймнай үндэр түри
Ээлтээр дүүрэбэ,
Эсэгэйн хүбүү басагад
Ээн жаргагтуй!

Вскормленная нами телка
Пусть размножится до трехсот голов;
Провожаемая нами молодка
Пусть наполнит триста колчанов.
Выращенная нами четырехлетка
Пусть размножится до четырехсот голов,
Приведенная нами молодка
Пусть размножится до четырехсот луков.
Пусть новая усадьба
Покроется навозом скота,
Пусть новая юрта
Наполнится внуками и внучками.
Пусть коновязь молодых
Изнашивается от повода лошадей,
Пусть порог молодых
Стирается от ног лучших людей.

**
*

Свадьба священная матери
Хорошо выполнена,
Дети матери,
Наслаждайтесь счастьем!
Высокая свадьба отца
Исполнена свято,
Потомки отца,
Наслаждайтесь жизнью!

Один старик—родственник жениха—говорил в честь новой юрты такой «үрөөр» — благопожелание, которое мы приводим полностью.

Үндэр тэнгэримнай
Үрөөрөө үгэгтүй,
Үргэн дэлхээмнай
Жаргалаа үгэгтүүн.
Үндэр гэр дээрэтнай
Наранай туяа унажа байг,
Һеэ гэр дээрэтнай
Алмай һарын гэрэл унажа байг!
Һеэ гэриитнай ханан
Алтай хадын сандалаар хэгдэһэн юм,
Гэртнай госоо газаабэй
Хандагайн ба бугайн араһаар татагдаһан юм,
Үдэниитнай тогогон
Хангайн хушаар хэгдэһэн юм,
Гэриитнай үүдэниин
Сагаан эржэнэгээр хэгдэһэн юм,
Үдэнэйтнай хаалгануудта
Хасар Басар хоёрой зураг хэгдэһэн юм.
Гэриитнай оёорын
Иргай модоор хэгдэһэн юм,
Гэриитнай уялганууд
Унаганай дааганай хилгаһаар хэгдэһэн юм.
Гэриитнай оёорын
Мориной годон хубсараар оёгдохон юм,
Гуламта осотнай
Гурбан дүли зоолгостой юм,
Гэриитнай зүүн хажуудан
Таг дээгүүртнай тоног зэбсэг дүүрэн,
Хангай тогоон ялганана,
Зэд тогоон толотоно.
Тогоо торхотнай
Эдихэ эдеэгээр, ууха ундаар дүүрэн байг!
Табан хушуун мал
Хүрээ хотондотнай дүүрэн үдэг!
Үхи-хүбүү гаргаһатнай
Гэриитнай дүүргэжэ байг!
Буха ноён баабайтнай үрөөлөө үгэг,
Будан хатан ийбиитнай золоо үгэг!

Высокие тэнгерины,
Пошлите благословение,
Широкая земля,
Дай счастье!
Пусть над высокой юртой вашей
Падает луч солнца,

Пусть над войлочной юртой вашей
 Светит луна Алма!
 Решетки вашей войлочной юрты
 Сделаны из сандала Алтая,
 Снаружи и внутри ваша юрта
 Обтянута мехом лося и марала;
 Стойки и колоды дверные
 Сделаны из кедра Хангая;
 Створки дверей вашей юрты
 Сделаны из белого перламутра;
 На косяках обеих створок
 Нарисованы Хасар и Басар¹;
 Дымовое отверстие юрты
 Сделано из дерева иргай;
 Все скрепления юрты
 Сделаны из хвоста жеребенка и лончика;
 Пол юрты устлан
 Хубсарами из камусов лошади;
 С трех сторон очага
 Вкопаны три подставки из камня;
 В женской половине юрты
 На полках расставлены посуды;
 Блещет котел чугунный,
 Отсвечивают котелки медные.
 Да будут они полны
 Кушаньями всех видов;
 Пусть пять видов животных
 Расплодятся и наполнят хлева и дворы
ваши!

Пусть дети новобрачных
 Наполнят новую юрту!
 Пусть благословит новобрачных
 Буха нойон отец!
 Пусть дарует счастье новобрачным
 Будан хатан мать!

Все присутствующие кричали: «Пусть слова ваши будут благословением божеств!»

После этого одна из старух-родственниц пела, ее песню подхватывали присутствующие старухи. Они пели так:

Сугтаа зохёон унталгамнай
 Золтой үрөөлтэй байг,
 Холбуулхан хүбүүн басаган хоёрмнай
 Баян үнэр нууг!
 Хамайжа заһан унталгамнай

¹ Клички собак, упоминаемых в героических эпосах.

Найн үрөөлтэй болог,
Хамтаруулхан хүбүүн басаган хоёрмнан
Ута наһатай, удаан жаргалтай болог!

Совместно постланная постель
Пусть будет радостным и желанным,
Бракосочетавшиеся наши сын и дочь
Пусть будут счастливы и чадородливы!
    В согласии приготовленное ложе
    Пусть будет радостным и желанным,
    Поженившиеся наши дети
    Пусть будут долголетни и радостны!

Потом садили молодых на постель, все присутствующие вставали и говорили такое благопожелание:

Оронтай зохёолготой,
Унталгатнай зөөлэн,
Хүнжэлтнай хүбхэгэр,
Дэрэтнай толотой,
Унталгатнай үргэн болог,
Нэээтнай зөөлэн болог,
Хуһан модоной дэли
Хай хайшаа халааржа байгтуй,
Золтой үрөөлтэй бологтуй;
Шэнэһэн модоной дэли
Олон тээшээ үндэхэлэгтүй,
Үрөөлтэй заяатай байгтуй!

Постель постлана,
Одеяло пушистое,
Подголовник блестящий,
Войлоки мягкие,
Да будет постель широкой,
Войлоки мягкими!
Как березовое дерево,
Имейте разветвления во все стороны,
Наслаждайтесь жизнью;
Как лиственничное дерево,
Имейте корни во все стороны,
Наслаждайтесь счастьем!

После этого все гости и местные уходили, говоря благословения. Этот обряд носит название «гэр толлохо»—освещать новую юрту.

Все гости и местные входили в юрту отца жениха, закусывали и выпивали. По обычаю родственники жениха разбирали гостей по домам на ночлег, каждому доставалось по 10—15 человек.

Чужим, т. е. дальним родственникам, не давали гостей. На этой почве бывали ссоры. Этим кончался день бракосочетания.

На другое утро один из родственников собирал гостей к себе. Когда собирались все гости, их угощали мясом, разными закусками и водкой. Этот обычай назывался «айлшануудые гулитхаха» — собирать гостей в один дом. Собирали также и те, у которых в числе гостей приехала родня. Как и в день бракосочетания, гости и местные обходили всех родственников жениха. В этот день могут пригласить и дальние родственники¹ жениха. Родственники жениха не препятствовали этому. Гости гуляли по всему улусу.

На четвертый или пятый день гости уезжали домой. Первой уезжала молодежь и с ней уезжала и молодая. Провожала тоже молодежь. Перед отъездом их угощали водкой и мясом.

Старики, старухи, а также сват со сватьей уезжали последними. Они посещали всю свою родню в улусе.

У бурят существовал обычай не принимать гостей, уехавших и возвратившихся назад. Старики гнали их, не пускали во двор. Принимать уехавших и возвратившихся гостей считалось большим грехом. Возврат их, по понятиям бурят, означал повторную свадьбу, т. е. из бракосочетавшихся должен умереть жених или же невеста. Этот обычай соблюдался весьма строго.

Когда разъезжались гости, собирались все родственники жениха, старухи собирали весь остаток кушаний и водки, собравшиеся выпивали и кушали. Этот обычай называется «допивать остатки» — «мунэнэнэй оёор ууха». После этого все расходились.

Бурятский народ состоит из четырех основных племен: Хори, Хонгодор, Булагат и Эхирит. Кроме этих племен, имеются отдельные роды, пришедшие недавно из Халхи, Внутренней Монголии, Барги и Джунгарии. Свадебные обряды их имели много общего, но в некоторых деталях различались. Нам кажется, что самыми древнейшими свадебными обрядами являются свадебные обряды племени бурят Эхирит. Это объясняется тем, что у эхиритов до самого последнего времени сохранялось шаманство, пронизывавшее не только свадебные обряды, но и всю их жизнь. У других племен бурят, как например, Хонгодор и Булагат, было широко распространено православие, под влиянием которого многие древние свадебные обряды забывались и заменялись русскими.

---

¹ Род у бурят агнатный, и поэтому в одном улусе живут все родственники, происшедшие от одного человека. Улус разделяется на аймаки, представители которого считаются родственниками на 7—8 поколениях. При гульбищах каждый аймак гуляет у себя. Родственники, которые не входят в аймак, считаются чужими.

Х. ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ ЛАМАИТОВ

Буддизм имеет много исповеданий, бурятский ламаизм относится к исповеданию желтошапочников; он проник в Забайкалье в начале XVIII в. Благодаря поддержке его верхушкой бурятского общества—нойонов и сайтов—и ретивости тибетских и монгольских миссионеров, ламаизм быстро распространился среди бурят. Все командные высоты ламаистского духовенства были замещены выходцами из среды нойонов и сайтов.

Некоторые сильные шаманские роды пытались бороться с ламами и тайшами, но были побеждены. Многие большие шаманы были высланы административно за пределы Забайкалья. Так из Хори были высланы шаманы Зарлик тохой и Гэлин толгой. Первый жил в долине реки Иды, второй—в долине реки Осы, в Кахе. Эти репрессии лам отразились в некоторых шаманских призываниях. Например, в призываниях хоринских двух девушек говорится:

Дацанта ламайн ёродон
Далайн хойно зарагдабабди.
Шэжэтэ ламайн ёродон
Шэхэ хойшо зарагдабабди...

По проискам ламы с дацаном
Мы высланы на север Байкала;
По наговорам ламы с чудесами
Мы высланы прямо на север...

Не церемонились ламы и со своими противниками по вере: представителями красношапочной секты буддизма. Так, например, хозяйева горы Удагтай, в долине р. Осы, были проповедниками красношапочной секты. Забайкальские ламы при поддержке тайшей отрезали им языки и выслали в Прибайкалье. Они не могли говорить, а потому западные буряты назвали их «тремя мычащими ламами»—«гурбан гунгэр ламанад». Ламство оказало огромное влияние на нравы, быт, обычай, обряды, культуру, психологию и идеологию бурят Забайкалья. Мы коснемся только свадебных обрядов.

Брак у бурят-ламаитов совершался обычно по указаниям лам, данным астрологии, канонам и догматике священного писания ламаизма. Приходский лама устанавливал день бракосочетания, при этом исходил из того, под какой планетой, вернее звездой, родились жених и невеста. Если эти звезды движутся навстречу друг к другу в небесном пространстве, то это служило препятствием к бракосочетанию молодых людей. Если по ламской астрологии эти звезды двигались друг за другом, как бы ища соединения, то это считалось приемлемым и лама давал свое благословение на брак. Выбор времени и часа, когда невеста должна выехать со свадебным поездом из дома родителей, зависел от расположения на небе тех двенадцати звезд, которые управляют жизнью людей. По понятиям ламаитов, одни из названных звезд давали счастье людям, другие, наоборот, вредили им, поэтому среди ламаитов существует строгоустановленный обычай выезжать свадебному поезду из дома в тот момент, когда восходит счастливая звезда. Родители невесты назначают определенное лицо, которое руководит этим поездом. Такое лицо называли «Эбэл»¹.

Ламские каноны и догматы очень строго диктовали свои законы приходжанам, которые были обязательными для всех и должны были быть исполнены независимо от семейных и других обстоятельств. Каждая свадьба должна была соблюдать следующие правила: 1. Свадебный поезд должен был выехать от родителей невесты в определенный час, указанный приходским ламой. 2. Эбэл сам лично сажает невесту на верховую лошадь или же в экипаж. 3. Невеста должна ехать на лошади определенной масти, указанной ламой. 4. Невеста должна исполнять все требования «урээлшина» — благопожелателя, назначенного специально родителями. Он должен выносить на себе невесту через порог дверей, а потом сказать ей благопожелания.

Но эти правила, продиктованные приходским ламой, строго зависели от астрологических данных. Они различны по отношению к верующим, потому здесь считаем нужным разъяснить на примерах. Данные эти взяты нами от граждан Табангутского рода, Нижне-Ичетуевского улуса, являющихся выходцами из Цэцэнхановского аймака Халхи в 1719 году.

Буряты, как и монголы, вели свое летоисчисление по двенадцатилетнему циклу: 1. Мышь. 2. Бык. 3. Лев. 4. Заяц. 5. Дракон. 6. Змея. 7. Лошадь. 8. Овца. 9. Обезьяна. 10. Курица. 11. Собака. 12. Свинья. При этом каждый цикл придает названым животным особые качества. Например, мышь в одном цикле называют «желтой», в другом «земляной», бык в одном цикле называется «желтым», в другом «земляным» и т. д. Для невесты, родившейся в год желтой мыши, желтого быка или железного барса, предопределен жених, родившийся в годы железного зайца, для невесты, родившейся в годы земляной мыши, земля-

¹ См. Я. С. Смоленев. Труды ТКО, Приамурск, ОРГО, т. IV, в. I, 1901 г.

ного быка, железного барса, желанным и счастливым считается жених, родившийся в год железного зайца. А для невесты, родившейся в годы деревянного дракона, водяной змеи, деревянной лошади, желанным и счастливым женихом считается жених, родившийся в год деревянной лошади; для невесты, родившейся в годы огненной обезьяны, огненной курицы, земляной собаки, считается желанным и predetermined жених, родившийся в год земляной свиньи и т. д. Отсюда ясно то, что жених, приносящий счастье и благополучие невесте, может быть predetermined только по астрологии лам.

Время и час совершения свадебного обряда также строго согласовывались с временем и часом рождения жениха и невесты. Каждый родитель, желающий женить своего сына, получив указания от самого ширетуя или приходского ламы, ехал к родителям указанной ламы невесты. Когда начинали разговоры о сватовстве, то невеста по обычаю уходила к соседям и оставалась там до тех пор, пока не кончится сватовство. Быть дома и слушать сватовство считалось неприличным и даже бесстыдным.

В вопросах сватовства и замужества невеста никакой роли не играла у бурят-ламаитов до революции. И никто ее согласия не спрашивал. Все вопросы решались родителями и родственниками, которые исходили из чисто хозяйственных соображений.

Когда последовало с обеих сторон согласие, тогда отец жениха вынимал из-за пазухи заранее приготовленный хадак (шелковая материя), подносил к божнице и молился. Родители невесты сидели и наблюдали за сватом. После этого обряда отец жениха садился рядом со сватом и начинал договариваться о размере калыма, о сроках выплаты его. Каждый отец невесты ставил непременным условием выплатить калым до свадьбы.

Размер калыма строго зависел от состояния договаривающихся. Богатые и состоятельные люди исходили из числа своих стад и табунов. В условиях джидинских бурят калым не превышал 100 голов. В это число входили пять видов животных: лошади, коровы, овцы, козы и верблюды. В Агинском районе, где скотоводство было особенно развито, размер калыма доходил у богатых людей до 1001 головы¹. Беднота, договариваясь о размерах калыма, тоже исходила из своего состояния. У них калым не превышал 10—20 голов.

Наряды и приготовления невесты стоили родителям очень дорого. Дорогие китайские шелка, чесуча и лучшие материальные покупались и готовились с самого детства невесты. Все шитье и кройка делались домашним ручным способом. Выделывать кожу, сшить шубы, унты, одеяла, халаты, платья, белье, скатать войлоки, приготовить войлочную юрту со всей домашней обстановкой (табиһаар гэр, тойроһоор зэбсэг)—все это обходилось

¹ Агинские буряты говорят, что такое количество калыма было выплачено крупным богачом Самдановым за жену внука.

дорого. Кроме того, нужно было приготовить украшение дочери, состоящее исключительно из золотых и серебряных вещей.

Вопросы приготовления нарядов невесте, юрты со всей обстановкой широко обсуждались обоими сватами при сватовстве. Обе стороны договаривались иногда наряды невесте и вещи домашнего обихода готовить сообща—пополам. При таких случаях размер калыма понижался.

По окончании переговоров о сватовстве и размерах калыма оба свата в знак согласия давали друг другу руки и целовались. После этого начиналось угощение приезжего свата, кололи барана, привозили русское вино и молочную водку, а также готовили молочные угощения. Оба свата выпивали, пели песни, беседовали на разные темы. Этим кончалось сватовство.

По приезде домой отец жениха готовил калым. Для этого он реализовывал скот на ближайшем рынке, а также готовился к свадебным торжествам. Когда же все условленное со сватом было приготовлено, то он извещал свата, что готов внести калым.

День выплаты калыма тоже назначался приходским ламой. В этот день обе стороны приглашали своих приходских лам, которые совершали молебствия и читали положенные догматами и канонами молитвы и призывали всякие благополучия бракосочетющимся. После совершения молебствий обе стороны созывали всех родственников мужского пола, женщинам не разрешалось присутствовать на данном обряде. Собравшиеся дожидались часа, назначенного ламой, в ожидании выпивали водку, угощались разными закусками. В установленный час выезжали со стороны невесты назначенные люди и ехали к родителям жениха. Со стороны жениха тоже выезжали люди к родителям невесты. Встретившись на дороге, справившись о здоровье друг у друга, все вместе ехали к жениху.

По приезде к жениху, заезжали во двор; сторона жениха сходила с лошадей; сторона невесты не сходила, а сидела на лошадах. Родственники жениха подходили к гостям и спрашивали:

Таанар хаанаһаа ерэбэбтэ? Хайша ошохотнайб?

— Бидэнэр бүхэ хүлтэй мори, бүдүүн эбэртэй буха бэдэржэ ябанабди. Таанар хараба гүүт?

— Тиимэ юума манайда байна.

— Тэрэнэ гадна, бидэнэр обоошье мяха, нууршье архи бэдэржэ ябанабди. Таанарта бии гүү?

— Байна, байна!

— Бидэнэр архи уухаяа, мяха эдихээе һананабди.

— Хүндэтэ айлшадууд, архишье мяханшье байна. Орожэ ерэгтүй!

— Болно, болно!

— Откуда вы и куда едете?

— Мы ищем лошадей с крепкими ногами, быков с крепкими рогами. Может быть, вы видели таких?

— Есть, есть у нас.

— Еще мы ищем с гору приготовленное мясо, с озеро накуренное вино. Есть у вас?

— Есть, есть!

— Мы хотим выпить и закусить.

— Высокие гости, все это приготовлено нами. Заезжайте, ешьте и пейте!

— Согласны, согласны!

Часть гостей сходила с лошадей, а часть оставалась на лошадях. Гостей усаживали на дворе у юрты родителей жениха. В это время приходил жених, он в правой руке нес молочную водку, в левой—айрак; водку он подносил старшему из гостей. Последний спрашивал жениха:

— Намда юу үгэбэбшэ?

— Ороһон бороон тогтохо юм, ерэһэн айлшан хариха юм.—

— Зүб, зүб!

— Айрак баряад, хадаг абаад, гэртээ бусагты!

— Что ты дал мне?

— Дождь идет, перестанет, приехавшие гости уедут.

— Правда, правда!

— Выпей айрак и вино, получи хадаг и уезжай домой! — говорит жених.

Такое угощение жених подносит каждому гостю. К богатым людям и к тем, у кого много родственников, приезжают человек 50—60, а иногда и больше. Жених обязан поднести каждому гостю угощение.

Затем всех гостей приглашали в юрту, усаживали за столы, подавали именное мясо: грудинку, голову, бедренные и берцовые кости, таз, лопатки. Старшему обычно подают голову в знак особого уважения. Получив голову, он срезает все мягкие части, ест и подает ее одному из местных стариков. Тот берет голову, раскалывает ее и подает обратно гостю, причем половину оставляет себе. Приезжий гость ест мозги. Старик из своей половины делился с двумя-тремя стариками.

На пиру бывал всегда распорядитель, который знал все традиционные обычаи и обряды приема и угощения гостей, давал молодым гостям указания, как нужно есть то или другое именное мясо, с кем нужно делиться и как делиться. С таким лицом всегда советовались молодые хозяйки при угощении гостей. Даже соблюдение того, как располагать подаваемое мясо в тарелке, что положить вниз, что положить вверх, требует строгого этикета, освященного многими годами и поколениями. По правилу каждое именное мясо должно лежать на своем месте и известной стороной к гостям. По правилу ребра, бедра, лопатки, предплечье, позвонки, легкие, горло, печенка, селезенка, сплетенные кишки должны находиться внизу, на них грудинка, а рядом с ней голова животного и кровяная колбаса. Причем все именное мясо должно лежать мягкостью наружу, а костями во внутрь. Грудинка, распо-

лагаясь наверху, должна смотреть прямо на то лицо, которому назначена. Кровяная колбаса должна лежать вязкой вверх и т. д.

После того, как хозяйка подала на столы в большой тарелке мясо, распорядитель брал и делил его между гостями. При раздаче мяса брались во внимание возраст гостей, их общественное положение и степень родственной близости к невесте.

При обилии угощения и выпивки, а также приветливости и внимания хозяев к гостям пир всегда затягивался. Гости оставались ночевать, по обычаю гостеприимства гостей родственники распределяли между собою.

На другое утро собирали всех гостей в дом жениха, угощали мясом, разными закусками и водкой. Потом происходил прием калыма. Сторона невесты считала скот, осматривала и определяла степень упитанности животных. Затем гости уезжали домой, угоняли скот. Жених сопровождал гостей до дома.

Невеста по обычаю не должна быть дома. Она уезжала к дальним родственникам или же уходила к родственникам. Родные ее готовились к приему жениха, приглашали родственников, готовили угощение, кололи барана, подавали его голову жениху. Он оставался ночевать. Молодежь устраивала вечеринку.

На другой день утром родители невесты готовили столы, приглашали родственников, угощали жениха, подносили ему подарки в присутствии собравшихся родственников. Подарки состояли из шубы или халата, шелкового кушака, шапки, унтов, даже лошади с седлом. После обильных выпивок и угощений жениха одевали в новую шубу или халат, шапку, унты, садили на подаренную лошадь, его лошадь сзади привязывали к хвосту, и он уезжал домой. Этим кончается обряд передачи калыма.

После передачи калыма идут большие приготовления к свадьбе. Готовятся подарки со стороны невесты жениху и со стороны жениха невесте. Они состояли из вещей домашнего приготовления. Количество подарков строго соотнобразовывалось с состоянием родителей сторон. Богатые готовили богатые подарки, бедные—бедные.

За несколько дней до свадьбы невеста должна была навестить всех своих близких и дальних родственников как по линии матери, так и по линии отца, а также своих подруг. Цель этого посещения заключалась в том, чтобы пригласить их на девичник и на свадебные торжества. Причем невесту всегда сопровождали две-три подружки. Родственники дарили ей подарки, что что может: давали скот, деньги, одежду, серьги, кольца, браслеты. Длительность поездки зависела от числа родственников, некоторые девушки проводили две-три недели в разъездах.

В приготовлениях невесты и шитье ее приданого помогали все родственницы, начиная с пожилых женщин, кончая девочками. Пожилые женщины и молодухи кроили или шили, девушки и подростки метали петли, пришивали пуговицы, сучили нитки из сухожилия, помогали в пряже, шиньгании и лученьи шерсти. Ни

одна женщина и девушка не ходили без дела. В богатых и состоятельных семьях иногда прибегали к найму мастериц.

Женщины-родственницы ходили и рассматривали наряды, хвалили их или же делали замечания о недостатках. Но, выходя, они по обычаю говорили:

Эд хэбэрэг юм.
Эжэн мүнхэ юм.
Тоорог бу халдаг,
Гоһон халдаг!

Товар изнашивается.
Хозяйка вечна;
Пусть не липнет пыль к одежде,
А липнет жир!

Когда все приданое готово, назначали день отвоза его в дом жениха. В назначенный день к родителям невесты собирались все женщины-родственницы во главе с матерью, брали с собою приданое и ехали к жениху. По приезде в дом жениха мать невесты все приданое дочери сдавала матери жениха.

Мужчины ставили новую войлочную юрту по левую сторону юрты отца жениха, женщины расставляли в ней мебель, раскладывали вещи невесты, как вообще принято у бурят. Когда уложат все вещи, то родители жениха приглашали приезжих в новую юрту, кололи для них барана, угощали их водкой и вином. Матери невесты подавали таз барана, курдюк и ребра, а старшей женщине из гостей — грудинку. Гости пили, закусывали и пели песни, а потом оставались ночевать. На утро мать жениха подносила подарки гостям: чай, пряники, сладости для детей. Во время передачи приданого обе сватья решали предварительно о времени свадьбы, окончательно договаривались об этом и оба свата. Назначив день свадьбы, оба свата ездили к приходскому ламе, которому подносили приличные подарки в виде хадаков и денег. Приходские ламы предварительно расспрашивали обоих сватов о степени их родства, родословные, выясняли по астрологическим показаниям рождение бракосочетающихся. И, если нет препятствий со стороны родства, назначали венчание через своих подчиненных лам.

Девишник у забайкальских бурят устраивается за день или за два до свадьбы. На нем угощали всех присутствующих, независимо от того, приглашен он или нет, родственник он или чужой. Молодежь устраивала игры, борьбу, скачки и стрельбу, но пляски у хоринских и селенгинских бурят не было. А между тем закаменские, кударинские и баргузинские буряты, как выходцы из Забайкалья, сохранили пляски Еэхэр или ёхор. О том, что в 1820 году у хоринских и селенгинских бурят не было плясок и танцев, подтверждает И. Ф. Тимковский¹, посетивший тогда их. Все се-

¹ См. И. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай в 1820—21 гг., СПб., 1824

верные буряты, а также окружающие их народности Сибири, как-то: тунгусы, нанайцы, гольды, гиляки, имеют пляски, но у забайкальских бурят, как и у монголов Халхи, нет их. Нанайцы свою пляску называют «юкара», а буряты — «Еэхэр» или «Ёхор». Названия совпадают. Можно полагать, что пляска «Еэхэр» или «Юкара» имеют общее происхождение.

При совершении обряда бракосочетания лама читал соответствующие к случаю молитвы на тибетском языке, причем эти молитвы читались тем святым буддийской церкви, в году которых родились невеста и жених. После чтения молитвы ламой подруги невесты садили ее в середину своего круга и всячески старались спрятать за собою.

В день отправления свадебного поезда к жениху собирались в дом невесты все желающие сопровождать ее, а также и те, которые не собирались ехать. Такие люди приходили поглазеть и выпить водку. Родители невесты угощали их водкой и мясом.

Когда наступал час отправления к жениху, тогда один молодой человек, обычно из родственников, входил в юрту, где находилась невеста с подружками, и выводил ее из юрты. Подружки защищали ее, прятали за собой, толкались, отбивались и не давали невесту. Молодой парень выбивался из сил. Тогда помогали ему другие парни. Подружек отбивали от невесты по одной и выгаликивали в дверь. Наконец, она оставалась одна. Ее выводили за руки во двор, она плакала, отбивалась. Здесь молодежь садила невесту на приготовленную верховую лошадь, прикрепленный к невесте парень садился на свою лошадь, брал повод и вел ее лошадь. За невестой следовала одна из ее подружек тоже верхом. Она держала в одной руке бурхана «Мануха шири хото», прикрепленного к палке, и сопровождала невесту до дома жениха.

Масть лошади невесты должна обязательно соответствовать указанию приходского ламы. Если же невесту везут на телеге, то ее закрывают одеждой, причем цвет одежды должен соответствовать масти лошади. Если же в доме нет одежды соответствующего цвета, то пришивали лоскуток. Позади невесты садился парень из родственников ее, который держал ее всю дорогу закрытой. Если же она ехала верхом, то ей завязывали глаза хадаком. В древние времена закрывание глаз при умыкании невесты делалось, вероятно, для того, чтобы она не могла замечать дорогу и вернуться обратно домой в свой род. Закрывание невесты от посторонних глаз связано с понятием бурят, что злых духов можно обмануть и провести. В корне этого понятия лежит экзопатетическая или диссимуляционная магия. Тункинские буряты одевали невесту в мужскую одежду и в таком виде везли к жениху. Это вызывалось желанием обмануть злых духов и является пережитком магии.

Невеста у забайкальских бурят ехала впереди свадебного кортежа, за ней следовала молодежь на верховых лошадях, а за

чей пожилые и старики. За несколько верст до дома жениха свадебный поезд останавливался. Из свадебного поезда выделяли нечетное число людей от 7 до 9. Таких людей называли «буханда орохо»--искать порога. Их отправляли к жениху, свадебный же поезд оставался на месте или заезжал к родственникам.

Выделенные люди ехали прямо к дому жениха. Сторона жениха тоже выделяла такое же количество людей. Посланные стороной невесты подъезжали к юрте. Их встречали выделенные люди жениховой стороной и спрашивали:

- Таанар юудабта?
- Замшамди.
- Юу бэдэрбэбтэ?
- Бухамнай малаһаан һалажа ошоо. Бэдэржэ ябанабди.
- Ямар зүһэтэй буха би?
- Хүхэ буха!
- Номгон буха гү. дошхон гү?
- Манай буха номгон юм.
- Тиимэ буха бии.
- Хаанатнай байна би?
- Манай хорёо соо.
- Тэрэ буха сохом манай.

- Кто вы такие?
- Путники!
- Что вы ищите?
- Пороз отбился от стада. Мы ищем его.
- Какой масти пороз?
- Сивой масти!
- Смирный он у вас?
- Наш пороз смирный!
- Такой есть у нас.
- Где находится он?
- Мы загнали во двор.
- Это наш пороз!

Местные просили гостей сойти с лошадей. Те сходили, лошадей их отводили, гостей усаживали на дворе в круг около юрты. Старшему из них подавали большую чашу с вином, приносили большое корытце с мясом. Остальным тоже подавали вино и мясо. Местные спрашивали:

- Ямар буха бэдэрбэбтэ?
- Манай буха алтан эбэртэй, мүнгэн хоётой, алтан туруутай, торгон һуултэй юума һан.
- Какого порога вы ищите?
- Пороз наш с золотыми рогами, серебряными клыками, золотыми копытами, с шелковым хвостом.

- Хүды наһатай буха би?
- Долоотой!

— Сколько лет вашему порозу?

— Семь!

Местные наполняли чаши вином, подносили их к самому рту гостей и спрашивали:

— Энэ бэшэ гү?

— Тиймэ, тиймэ, тиймэ!

— Не это ли?

— Да, да, да!

Гости должны были выпить по обычаю столько чашек, сколько лет порозу. Гости отказывались, местные неволили, просили, угрожали налить за воротник, а мясо положить за пазуху. Гости выпивали и кушали. Несмотря на то, что в число посланных намечались любители выпить и покушать, они не выдерживали и тут же сваливались.

Когда искателей пороза угощали и поили из больших чашек, тогда со стороны жениха выезжали встречать невесту. Все собравшиеся выходили во двор и образовывали два круга: мужчины становились по правую сторону, а женщины—по левую. В середине горел костер.

Когда посланные жениха подъезжали к свадебному поезду, то гости спрашивали их:

— Танар юудабта?

— Бидэнэр танай танилнуудабди.

— Харгуйнаан зайлагты!

— Хадын саанаана манан гараба, наашаа ерэбэ, алтан тэмээн ашаатай, занамал морин хүлөөтэй, айл дунда хүүн ябана, алта мүнгэ ашаад, амба сайдуудые, ахамад ноённуудые, эхэнэр тайжануурнуудые угтахаяа байнабди.

— Кто вы такие?

— Мы ваши знакомые.

— Освободите дорогу!

— За горами поднимается туман, медленно приближается сюда. Золотой верблюд навьючен, выхолощенный конь впряжен в телегу, по улусу идет человек, навьючив на себя золото и серебро. Ждет мудрецов, почетных мужей, уважаемых женщин и княжичей, чтобы оказать достойную встречу.

— Таанар юудабта? Хэлэгты! Юун хэрэгтэйби?

— Бидэнэр нуураар хэмнэжэ архи бэлдэбэбди, болдогоор хэмнэжэ мяха бэлдэбэбди, хүндэлхэ гэжэ, айлаадые хүлээжэ байнабди.

— Ерэгты наашаа, эдиэбди, ууебди!

— Кто же вы? Скажите! Что вам нужно?

— Мы приготовили вино, измеряемое озерами, приготовили мясо, измеряемое бурграми, ждем гостей, чтобы выпить вино и закусить мясом!

— Давайте пить и кушать.

И сходились обе стороны, угощали друг друга запасами, привезенными из дома, расспрашивали о здоровье родственников и благополучии скота и дома. Затем свадебный поезд направлялся к дому жениха. Когда свадебный поезд подъезжал к юрте, привезенной матерью невесты, то сходили все с лошадей, местные встречали, спрашивались о здоровье и благополучии друг друга, скота и пр. Один молодой парень, намеченный по указанию приходского ламы родителями, брал невесту за руки и вводил в новую юрту, за ней один парень нес бурхана, за ними входили туда же несколько женщин из ближайших родственников невесты. Невесту садили на приготовленную кровать, завешивали занавеской или же платьем, которым она прикрывалась в пути. Если же она приезжала верхом, то завешивали одеждой, сходной цветом с мастью лошади.

Затем отыскивали человека, который мог бы коснуться головы невесты и расплести девичьи косы ее. Такой человек выбирается по строгому наказу приходского ламы. Нередко роль такого человека падала на ребенка, тогда его подносили к невесте и заставляли дотронуться до головы ее, что считалось достаточным для совершения обряда «Үнэ задалха», т. е. расплетения косы. Это делалось для исполнения формальных требований буддийских канонов и догматов, на самом деле косы расплетали пожилые женщины со стороны невесты. Одна из ближайших родственниц невесты брала поднос, на который наложены были пряники, конфеты, также национальные сладости, уходила в юрту родителей жениха, там она угощала мать жениха и женщин, сидящих с ней. Мать жениха принимала угощения, клала на поднос гребень и завязку из шелка или материи, с которыми женщина возвращалась в юрту невесты. Одна из присутствующих женщин расчесывала невесту этим гребнем, заплетала косы так, как положено для замужних женщин. Потом одевали невесту в наряд замужней женщины, закрывали голову шалью или же платком и вводили в юрту родителей жениха.

В присутствии приходского ламы, родителей, родственников и гостей снимали покрывало с головы невесты. Невеста молилась домашнему очагу, бурханам, кланялась ламе, свекру и свекровке, а потом всем присутствующим.

После этого обряда в юрту входило заранее назначенное лицо, которое по указаниям ламы считался дарующим счастье и благополучие невесте и жениху. Одна женщина стелет у дверей юрты белый войлок, на который становятся вошедший и невеста. Стоя рядом, они оба молятся бурханам, лама читает молитвы благопожелания, называемые бурятами «юрөөл». Во время чтения молитвы невеста благопожелателю подает мясо в корытце, в котором обязательно должны быть голова, грудинка, лопатки, бедра, предплечья, ребра барана. Приняв угощение, благопожелатель выходит из юрты с мясом, за ним уходит невеста. Она

из своей новой юрты брала свечи «хучжи» и возвращалась обратно в юрту родителей жениха, за ней входил жених. Невеста и жених ставят перед бурханами свечи, молятся оба, затем они оба кланяются всем присутствующим. Потом они садятся рядом на подосланный белый войлок, причем жених сидит по правую сторону невесты. Приходской лама читает молитвы — юрөөл, которые состоят из восьми куплетов. После каждого куплета невеста кланяется домашнему очагу. В молитвах содержатся хвала домашнему очагу, барханам, приветствие гостям, призыв к повиновению властям и почитанию их, восхваление невесте, пожелания ей всякого благополучия в супружеской жизни, чадородия, долголетия, богатства, чистоты и опрятности в юрте, пожелания уважать стариков и старух и вообще людей.

В некоторых местах Забайкалья—у бурят-ламаитов Харанутского, Ашабагатского, Хурумчинского, Готольского родов, перекочевавших сюда из Прибайкалья,—лама не читал благопожелания, а его говорили старики. Им подносили хадаки и привязывали через плечо.

Во время произношения благопожелания говорящий юрөөл после каждого куплета лил на домашний очаг масло, а невеста, стоящая против него, делала поклоны домашнему очагу. Так повторялось три раза. До совершения этого обряда свекор подавал невесте три куска мяса, она бросала их в очаг и делала поклоны.

Затем жених и невеста вставали рядом, отец жениха подавал им сваренный бараний таз и курдюк. Они держали их правыми руками, потом невеста уносила их в свою юрту¹, благопожелатель садился на свое место. Этим кончался обряд бракосочетания.

Жених и невеста кланялись всем присутствующим, которые говорили им благопожелания, потом они шли к своей юрте и входили. При входе их все присутствующие уходили и оставляли молодых одних. В это время входила мать жениха в сопровождении пожилых родственниц, они осматривали приданое невесты, судили о качествах кройки и шитья. Невеста подносила им подарки из своего рукоделия.

Затем жених и невеста готовили столы и приглашали всех присутствующих в свою новую юрту, усаживали за столы, угощали мясом, молочными продуктами, сладостями, водкой. При угощении гостей молодые говорили:

Үндэр айлшад, нүхэрнүүд!
Хадын оройдо саһан ороно,
Бороо орожо, тогтоногуй,
Бууһан айлшад зугаалана, бусана.
Бэлэгымнай барита.
Хоногты, хониной мяха эдигты,
Үнжэгты, үнеэнэй мяха баригты,

¹ Такой обряд существовал у волжских калмыков и дурбэтов Алтая.

Хюһуран үнээн һаалганагүй.
Баабгай нүхэндөө хэбтэнэ;
Модо бэлдээд хэбтэнэ,
Газаада нохойнуудаа тухирна бзэбди!

Высокие гости и друзья!
На горных вершинах снег идет.
Вокруг вершины образовался лед,
Дождь идет, не перестает,
Приезжие гости гуляют, уезжают.
Принимайте от нас подарки;
Ночуйте, баранье мясо кушайте.
Проднюйте, коровье мясо ешьте,
Корова-стародойка не доится,
Медведь лежит в гнезде,
Палку держим наготове,
Дворовых собак науськаем!

Гульбище продолжалось целые сутки, иногда до двух грех суток. Гости уезжали, оставалась одна мать невесты. Она приучала дочь к домашним работам, к обязанностям хозяйки, вводила ее в круг домоводства; приучала вставать рано, ложиться поздно, доить коров, уважать мужа, его родственников и родственников, принимать гостей, угощать их. Так она проводила пять-шесть дней, а потом уезжала. Зять провожал ее до дома.

В первое время невеста никуда не ходила, все время проводила дома в хлопотах по хозяйству. Так продолжалось до тех пор, пока не приедет отец ее, который по существующему обычаю забайкальских бурят не участвовал на свадьбе дочери. Он приезжал к дочери гостить дня на три-четыре. По случаю его приезда зять, дочь и родственники устраивали грандиозное гульбище: кололи барана, готовили водку и вино, закупали сладости. С отцом молодой приезжали подружки невесты. Она готовила подарки и подносила их при входе гостей. Этим заканчивались свадебные обряды забайкальских бурят.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Величайший теоретик XIX в. Ф. Энгельс исследовал историю семьи и брака народов, развил и теоретически обобщил и показал, что формы брака и семьи претерпели длительное развитие, пока не дошли до своего современного вида. Он показал, как брак и семья развивались от «первобытного состояния» с полной свободой половых отношений в пределах одного рода, через эпоху группового брака, в которой сначала господствовало многоженство и главную роль играла мать (матриархат), затем многоженство с преобладающим правом отца (патриархат), а потом половые взаимоотношения приняли форму единобрачия (моногамия) и единобрачной семьи.

Решающую роль в создании семьи сыграли социально-экономическое развитие общества, усложнение хозяйства, разделение труда между мужчиной и женщиной, где женщине отводилось место домашней хозяйки и матери.

Формы заключения брака в разные эпохи у различных народов были крайне разнообразны. В свадебных обрядах бурят мы видели пережитки далекого «умыкания» — психищения женщины, а также брак путем «покупки» — уплаты калыма. Последняя форма существовала вплоть до Октябрьской революции.

Из истории брака и семьи у бурят мы знаем вмешательство в эту область ламского духовенства, которое ввело в брак религиозное оформление. Последнее у разных народов принимало различные обрядовые формы венчания.

Формой брака в буржуазном обществе является единобрачие, развившееся на основе господства отцовского права. Охраняя частную собственность, буржуазное государство тем самым охраняет семью и брак, главным образом, в целях обеспечения имущественных прав семьи и права наследования.

О господстве лжи и лицемерия в браке в буржуазном обществе писали многие прогрессивные люди мира. Произведения «Анна Каренина» и «Живой труп» Л. Толстого являются яркими образцами.

Великий Ленин в своем письме к Инессе Арманд беспощадно раскрыл буржуазный, реакционный характер и классовую сущность требования свободы любви в условиях буржуазного общества.

Победа социализма в нашей стране вызвала невиданный рост культурного уровня населения и подъем общественного сознания. Наше трудовое население осознало отвратительность и ложь фальшивых «идеалов» капиталистического общества, в котором, как писал К. Маркс, все — любовь, честь и чувство — делается предметом обмена и торга.

Капиталистическая мораль и семейные отношения капиталистического общества чужды и враждебны интересам нашего социалистического общества. В социалистическом обществе изживаются пережитки буржуазной морали в отношениях между полами. В СССР экономическая независимость женщины и полное равноправие с мужчиной изменили положение женщины в семье и обществе. Активное участие женщины в производстве и общественной жизни нашей страны навсегда сняли с нее ярмо рабщины. Взаимоотношения полов, семейный быт, отношение родителей к детям и детей к родителям подчиняются общей задаче — интересам строительства коммунистического общества, развития и воспитания здорового, физически и духовно, строителя коммунизма.

Старый брак и семья с рабским и подчиненным положением женщины, куплей и продажей ее, навсегда отошли в вечность. на смену буржуазному браку по расчету пришел свободный союз по взаимному влечению и любви экономически свободных и политически равноправных людей.

Старый брак и семья бурят с пережитками группового брака, левирата, сорората, полигамии и моногамии, куплей и продажей женщин, плачами и причетами невест теперь могут служить материалом для изучения формы брака и семьи, развития их до наших дней.

УКАЗАТЕЛЬ

имен и фамилий лиц, у которых были записаны материалы по фольклору бурятского народа

1. Песни сторон при сговоре о вступлении в родство записаны у гр. М. Гергенова Хохорского улуса, Боханского аймака, Ирк. губ. в 1909 г. (стр. 31—32).
2. Слова-призывания покровителей рода жениха, произносимые при жертвоприношении молочной водкой перед выездом для предварительного сговора, записаны у гр. Х. Хунданова Хохорского улуса, Боханского аймака, Ирк. губ. в 1909 г. (стр. 33—34).
3. Песни сторон, исполняемые при совершении обряда сватовства, записаны у гр. М. Шобоклеева Татхалского улуса, Нукутского аймака, Ирк. губ. в 1917 г. (стр. 37—39).
4. Слова-призывания покровителей родов, вступающих в родство, записаны у гр. И. Хонгодорова Н.Буретского улуса, Боханского аймака, Ирк. обл. в 1919 г. (стр. 40—43).
5. Песни, исполняемые сторонами при совершении обряда сватовства, записаны у гр. А. Барбаревой Тангутского улуса, Нукутского аймака, Ирк. обл. в 1921 г. (стр. 43—45).
6. Песни девушки-невесты, убежавшей от ненавистного жениха к любимому человеку и обвенчавшейся в миссионерской церкви, записаны у гр. А. С. Сергеевой Батаевского улуса, Осинского аймака, Ирк. губ. в 1917 г. (стр. 46—47).
7. Песни-загадки и отгадки, исполняемые на пирушках при сватовстве, записаны у гр. Намжил Иринчевой улуса Олзо-Хига, Аларского аймака, Ирк. губ. в 1911 г. (стр. 48—49).
8. Песни о благополучии, здоровье и счастье записаны у гр. Одора Андреева Маньковского улуса, Боханского аймака, Ирк. губ. в 1916 г. (стр. 49—50).
9. Песни бурят о красоте своих родных степей записаны у учителя Зоходского начального училища, Ангарского аймака, Ирк. губ. И. Л. Егорова в 1912 г. (стр. 50).
10. Песни о красоте аларской степи записаны у учителя Бурковского начального училища, Аларского хошуна Г. Г. Мэженова в 1912 г. (стр. 51).
11. Песни-частушки записаны у учителя Сухолейского начального училища, Бильчирского ведомства, Балаганского уезда, Ирк. губ. И. М. Тулохонова в 1911 г. (стр. 51—52).
12. Песня девушки—участницы зэгэтэ аба (облавной охоты), записана у гр. П. М. Данжеева Халютского улуса, Молькинского ведомства, б. Балаганского уезда, Ирк. губ. в 1912 г. (стр. 61—62).
13. Благопожелания при приготовлении приданого невесте записаны у гр. Д. М. Михахановой Боройского улуса, Эхирит-Булагатского аймака, Иркут. обл. в 1921 г. (стр. 62).
14. Песни при рождении и укладывании ребенка в колыбель записаны у гр. Ильи Шудукшина улуса Атарай, Качугского района, Иркут. обл. в 1934 г. (стр. 62—63).

15. Слова-призывания при жертвоприношении перед поездкой отца жениха к свату за назначением дня свадьбы записаны у гр. Шалбака Шаглина Хохорского улуса, Боханского аймака, Ирк. губ. в 1912 г. (стр. 64—65).
16. Разговоры между женихом и его родственниками с молодежью со стороны невесты записаны у гр. У. Хахалова и Х. Николаева Хандалинского улуса, Байкало-Кударинского аймака, БурАССР в 1955 г. (стр. 68—69).
17. Слова-призывания сторон при уплате калыма записаны у гр. Ивана Адунова улуса Кудара, Байкало-Кударинского аймака, БурАССР в 1935 г. (стр. 70—71).
18. Слова-призывания сторон при жертвоприношении жениха покровителям рода невесты записаны у гр. Николая Баннова Дуланского улуса, Байкало-Кударинского аймака в 1958 г. (стр. 72—73).
19. Песни, исполняемые при совершении обряда ловли телки, записаны у гр. Ивана Адунова, улуса Кудара, Байкало-Кударинского аймака, БурАССР в 1935 г. (стр. 74—75).
20. Песни, исполняемые при обряде пришивания пуговицы на одежду жениха, записаны у гр. Ивана Адунова улуса Кудара, Байкало-Кударинского аймака, БурАССР в 1935 г. (стр. 76—77).
21. Песни, исполняемые при обряде отнимания кольца у женщины со стороны жениха, записаны у гр. У. Хахалова и Х. Николаева улуса Хандала, Байкало-Кударинского аймака, БурАССР в 1955 г. (стр. 77—78).
22. Слова-призывания при жертвоприношении в день девшника записаны у гр. А. Барганова Хохорского улуса, Боханского аймака, Ирк. обл. в 1911 г. (стр. 81—84).
23. Плясовые песни девшника записаны у гр. Н. Н. Бадашкеевой и С. Е. Бажигеевой Хохорского улуса, Боханского аймака, Ирк. губ. в 1914 г. (стр. 85—98).
24. Слова-призывания покровителей рода невесты перед выездом свадебного кортежа записаны у гр. И. Шедгорова Хохорского улуса, Боханского аймака, Ирк. губ. в 1911 г. (стр. 100—102).
25. Песни-причеты невесты и ответы сверстниц записаны у гр. Григорьева Ст. Ейского улуса, Кукутского аймака, Ирк. обл. в 1920 г. (стр. 104—111).
26. Песни родственников жениха в ожидании гостей записаны в колхозе «Новострой», Осинского аймака, Ирк. обл. у Онпо Хайнтаева в 1935 г. (стр. 115).
27. Разговоры передовиков свадьбы с родственниками жениха записаны у гр. Д. Бадмажанова Гэгэтуевского улуса, Джидинского аймака, БурАССР в 1940 г. (стр. 117—118).
28. Песни-вопросы и ответы записаны у гр. Г. П. Атанова улуса Ункурлик, Нукутского аймака, Ирк. обл. в 1917 г. (стр. 118—119).
29. Благопожелания невесте записаны у учителя Н. Д. Дамбуева в 1917 г. (стр. 123—124).
30. Благопожелания невесте записаны у гр. П. М. Тушемилова улуса Мульхэтуй, Нукутского аймака, Ирк. губ. в 1912 г. (стр. 125—131).
31. Назидание невесте о ее поведении в доме мужа записано у гр. Марии Мазаевой Таловского улуса, Ольхонского аймака, Ирк. губ. в 1913 г. (стр. 134—135).
32. Песня о водке записана у гр. Багая Донхина улуса Тулкэн, Качугского района, Ирк. обл. в 1935 г. (стр. 136).
33. Свадебные песни—вопросы и ответы записаны у гр. Ольфора Хогоева Хоготского улуса, Балаганского района, Ирк. губ. в 1917 г. (стр. 136—137).
34. Песни общего характера записаны у гр. П. Д. Муруева и М. Х. Муруевой улуса Бирит, Зунгарского рода, Балаганского района, Ирк. обл. в 1921 г. (стр. 138—147).
35. Песни — вопросы и ответы записаны у гр. Н. Тархаева улуса Нельхай Аларского аймака, Ирк. обл. в 1922 г. (стр. 141—147).
36. Песни—вопросы и ответы записаны у гр. Н. В. Зангеевой улуса Чебогорского, Ангаро-Усольского района, Ирк. обл. в 1922 г. (стр. 141, 147, 148).
37. Слова — вопросы и ответы записаны у гр. Х. Р. Раднаевой Улюнского улуса, Баргузинского аймака, БурАССР в 1958 г. (стр. 151).

38. Слова-призывания, исполняемые при освещении новой юрты новобрачных, записаны у гр. Баймы Хантакова Ижилхинского улуса, Боханского аймака, Ирк. губ. в 1909 г. (стр. 152—156).

39. Песни, исполняемые при освещении новой юрты новобрачных, записаны гр. Жапа Жапова Средне-Иволгинского улуса, БурАССР, в 1944 г. (стр. 158—159).

40. Благопожелания при освещении новой юрты новобрачных записаны у гр. Жапа Жапова Средне-Иволгинского улуса, БурАССР в 1944 г. (стр. 158—159).

41. Песня, исполняемая при освещении новой юрты новобрачных, записана у гр. Х. П. Гунзановой, 69 лет, Темникского улуса, Селенгинского аймака. БурАССР в 1944 г. (стр. 159—160).

42. Призывания хоринских двух заянок записаны у шамана улуса Атарай Качугского района, Ирк. обл. С. Дэрхэева, 75 лет, в 1934 г. (стр. 162).

43. Разговоры передовиков свадебного поезда с родственниками жениха у околицы улуса записаны у гр. Ц. Амарова Цакирского улуса, Закаменского аймака, БурАССР в 1944 г. (стр. 165—166).

44. Разговоры между передовиками свадебного поезда с родственниками жениха записаны у гр. Б. Гендунова улуса Ульдирга, Еравнинского аймака. БурАССР в 1934 г. (стр. 170—171).

45. Слова, произносимые новобрачными при проводах свадебных гостей, записаны у гр. Ц. Чимитова Будаланского улуса, Агинского аймака и округа в 1945 г. (стр. 173—174).

БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.

Е. В. Барсов. Причитания Северного края, ч. I, 1872, ч. 2, 1882, ч. III, 1886, М.

В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин о народной устной поэзии. «Советская этнография», 1954, № 4.

Георги. Описание народов России. О браках бурят, т. IV, стр. 34, 35, СПб, 1778 г.

М. В. Загоскин. О быте бурят-поселян. Газета «Иркут. губ. вед.», № 47, 1858, Иркутск.

И. Н. Инкижинов. Бурятская свадьба. Издание Общества вспомоществования учащимся-бурятам, Иркут. губ., 1912, Иркутск.

Е. Г. Кагаров. Состав и происхождение свадебной обрядности. «Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР», т. VIII, Л., 1929 г.

Д. А. Клеменц. О свадебных обрядах забайкальских бурят. «Известия ВСОРГО», т. XXII, № 1, 1891, Иркутск.

М. Ковалевский. Очерки происхождения и развития семьи и частной собственности. СПб, 1895 г.

М. А. Кроль. О брачных обрядах забайкальских бурят. «Известия ВСОРГО», т. XXIV, 1894, Иркутск.

П. Лафарг. Народные песни и обряды. «Очерки по истории первобытной культуры», М., 1926 г.

Б. Норбоев. Браки хоринских бурят. Газета «Иркут. губ. вед.» № 31, 33 и 34, 1866, Иркутск.

О браке и похоронах бурят. «Русский вестник», № 7, стр. 182, СПб, 1841 г.

Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края, М., 1915 г.

Г. И. Спасский. Буряты или братские. О свадьбе бурят. «Сибирский вестник», ч. I, стр. 57—64, СПб, 1824 г.

И. Ф. Требуховский. Свадьба балаганских бурят. «Просвещение Бурятии», № 1—3, 1929, Верхнеудинск.

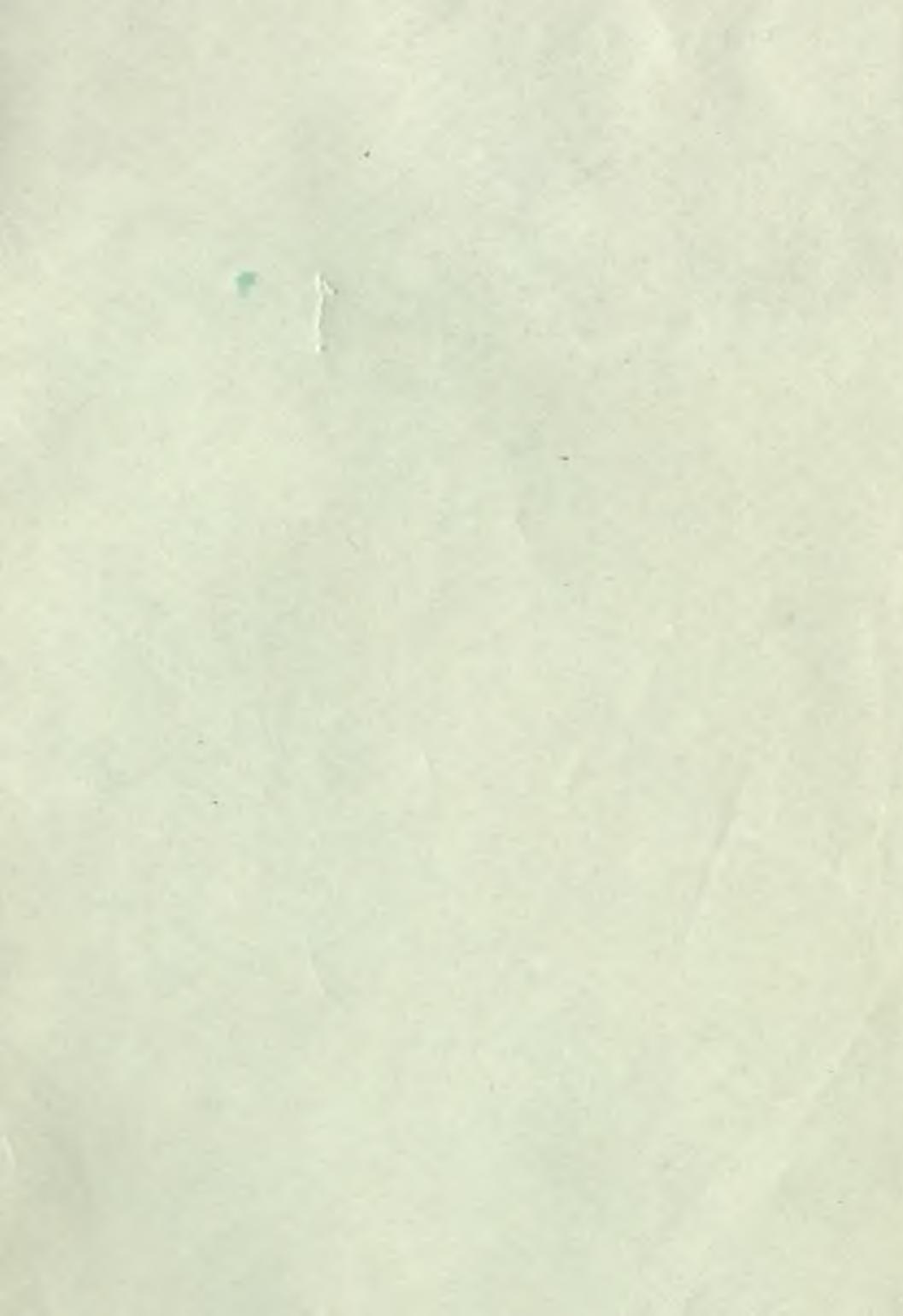
М. Н. Хангалов. Свадебные обряды унгинских бурят. «Этнографическое обозрение», № 1, 1898, СПб.

Я. А. Чистохин. О свадебных и родильных обрядах бурят. Очерки Северо-Западной Монголии Г. Н. Потанина, т. IV, стр. 30, 1883, СПб.

П. И. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках и легендах, т. 1, в. 2, Варшава, 1900 г.

Н. Щукин. Свадебные обряды бурят. «Казанские известия», № 20, 1818, Казань.

И. М. Этагоров. Свадебные обряды у аларских бурят. «Известия ВСОРГО», т. XXX, в. 1—2, 1900, Иркутск.

Цена 6 р. 60 к